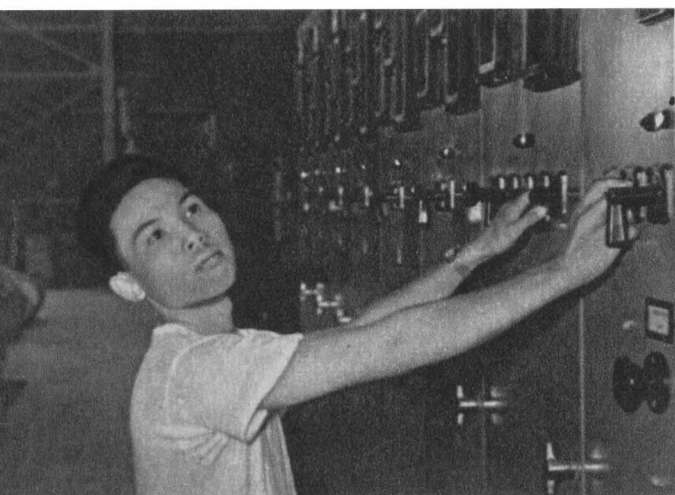
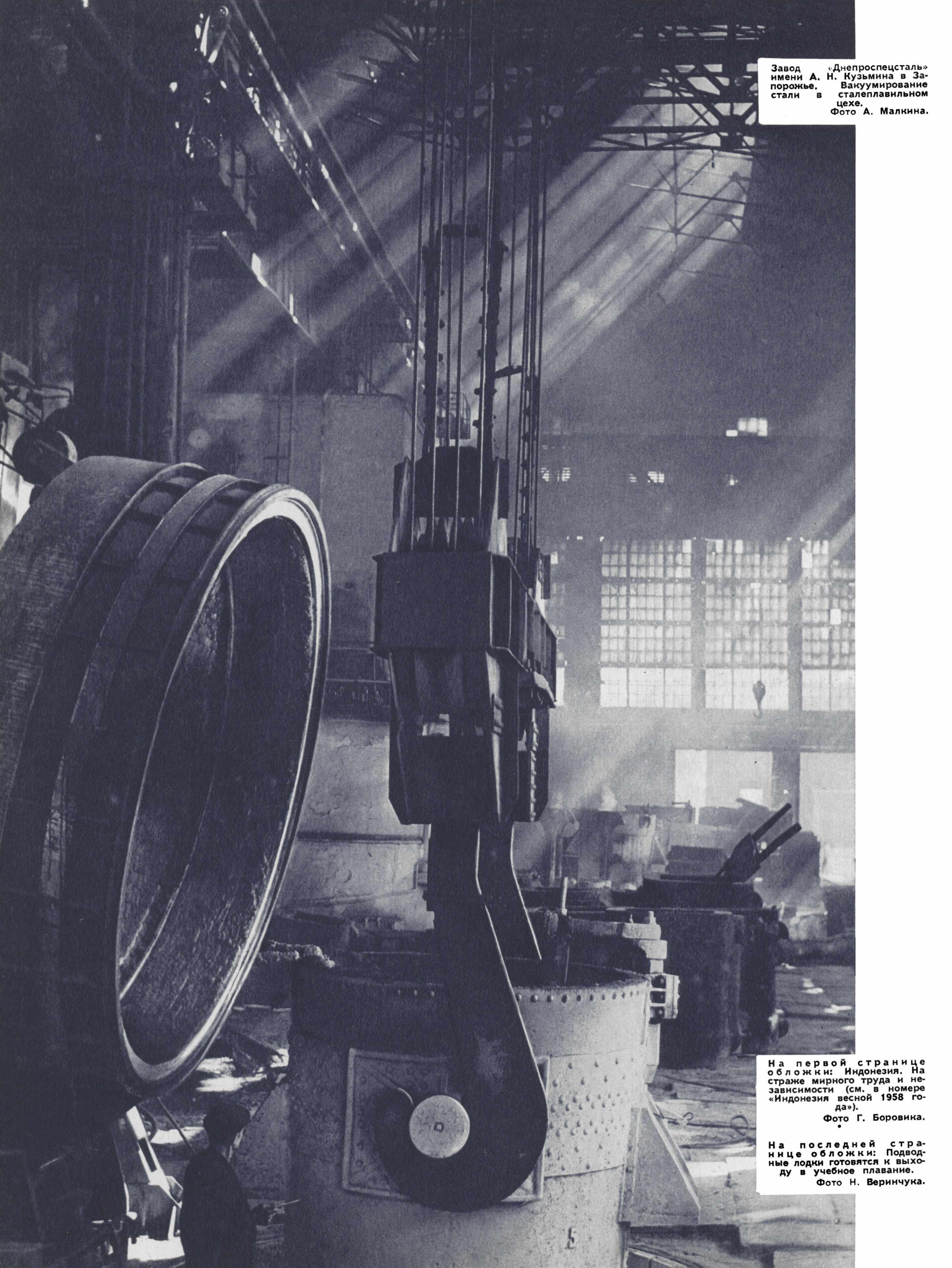

ОГОНЁК

№ 31 Июль 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Завод имени А. Н. Кузьмина в Запорожье. Вакуумирование стали в сталеплавильном цехе.
Фото А. Малкина.

На первой странице обложки: Индонезия. На страже мирного труда и независимости (см. в номере «Индонезия весной 1958 года»).

Фото Г. Боровика.

На последней странице обложки: Подводные лодки готовятся к выходу в учебное плавание.

Фото Н. Веринчука.

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

ОГОНЁК

31 (1624)

27 ИЮЛЯ 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НАРОД НАГРАЖДАЕТ ГЕРОЕВ

В минувшее воскресенье в нашей стране впервые был торжественно отпразднован День металлурга. За достигнутые успехи в развитии металлургической промышленности Президиум Верховного Совета СССР наградил орденами и медалями 4996 доменщиков, сталеваров, прокатчиков и других работников металлургической и горнорудной промышленности. 180 работникам черной металлургии за выдающиеся производственные успехи присвоено звание Героя Социалистического Труда. Среди них — большая группа металлургов Магнитогорского комбината.

На снимке: Герои Социалистического Труда Магнитогорского металлургического комбината.

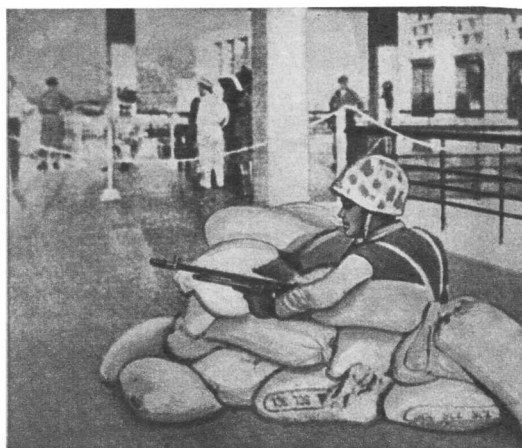
Слева направо в первом ряду: машинист экскаватора С. А. Сосед, старший мастер мартеновского цеха М. П. Артамонов, мастер доменного цеха Н. И. Савичев, начальник Горного управления В. Н. Котов; во втором ряду: сталевар С. Н. Вавилов, старший мастер мартеновского цеха К. М. Кононенко, директор комбината Ф. Д. Воронов, старший мастер прокатного стана Н. У. Пауков, главный механик Н. А. Рыженко; в третьем ряду: старший сварщик И. М. Сабельников, старший горновой А. Д. Анисимов, старший оператор блюминга С. Я. Диденко, старший вальцовщик И. С. Сопов.

Фото Риммы Лихач.

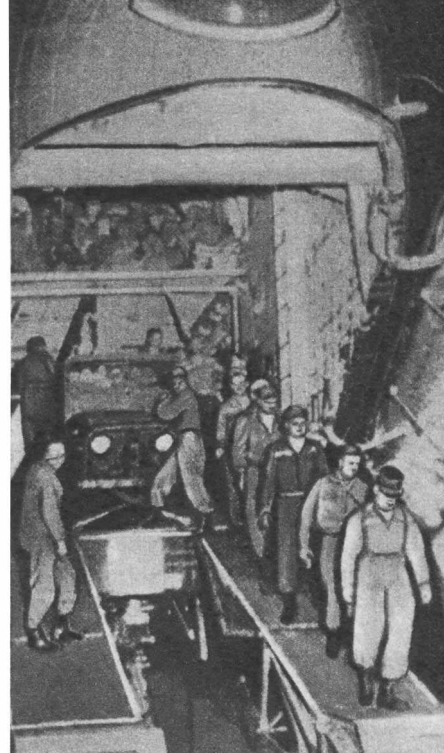
Руки прочь!

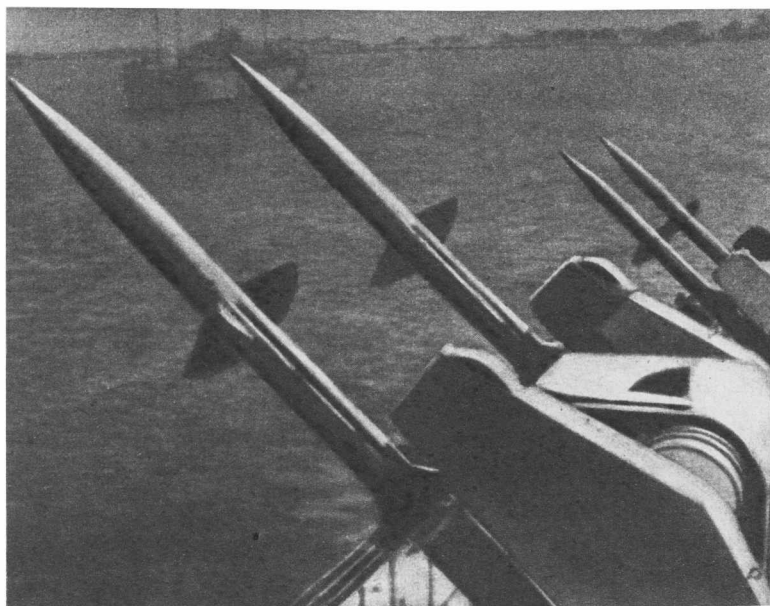
Вот они, американские солдаты, высадившиеся на земле Ливана. Они уже установили минометы, готовые обрушить смертоносный огонь на борющихся за свободу ливанцев.

Как нарывы, взбухают на ливанской земле американские укрепленные пункты. Этот заокеанский «борец за свободу» занял свои «позиции» в бейрутском аэропорту.

интервенция американских империалистов в Ливане раскрыла подлинную роль американских баз в странах НАТО. Этот снимок сделан в Гиме. Американские войска прибыли сюда на самолетах с баз в Западной Германии. Их путь лежит дальше — в Турцию, поближе к границам Ливана, Ирака, Иордании.

Корабли 6-го американского флота брошены к берегам Ливана. На кого нацелены эти управляемые ракеты крейсера «Бостон»?

Ракеты грозят смертью всем ливанцам. Они угрожают и вот этому маленькому пастуху, который пасет своих коз в повстанческом районе Шуф...

← Империалисты собираются обрушить смертоносный огонь на людей, которые не хотят больше подчиняться иностранным колонизаторам.

Но народ Ливана не запугать. Он не собирается складывать оружие. По-прежнему ливанские патриоты полны решимости бороться за свободу. Эти повстанцы охраняют дорогу, которая ведет к одному из опорных пунктов освободительного движения.

Здесь, в старинном дворце, расположен штаб освободительного движения одного из районов Ливана.

Демонстрация трудящихся Лондона на Оксфорд-стрит.

Фото Г. Кузнецова.

Против агрессии

Площадь Гросвенор лежит в самом центре Лондона. Здесь, глядя фасадами на разбитый посредине сквер, располагается целый ряд посольств. Подавляя все окружающие здания своей массивностью, высится красный многоэтажный дом посольства Соединенных Штатов.

С раннего утра и до позднего вечера перед дверями здания — сто шагов вправо, сто шагов влево — медленно ходит цепочка смуглых молодых людей. Это студенты лондонских вузов — арабы из Ливана и Ирака. В их руках плакаты, на которых начертаны гневные слова: «Руки прочь от Ирака! Руки прочь от Ливана! Не допустить второго Суэца! Заберите своих десантников обратно в Нью-Йорк!»

— Свержение феодально-полицейского режима в Ираке, — говорит один из пикетчиков, уроженец Багдада Аль-Хассем, — открыло для нас путь прогресса. Долгие годы мы жили в условиях деспотической тирании, поддерживаемой США и Англией. Теперь Ирак наконец обрел свободу, и мы не намерены позволить американцам отобрать ее снова.

Вечером 16 июля молчаливо маршировавших пикетчиков сменила шумная демонстрация.

Днем протеста против вмешательства империалистов в дела Арабского Востока стало воскресенье 20 июля. В 7 часов вечера из Гайд-парка по Парк-Лейн, а затем и по всегда оживленной Оксфорд-стрит двинулась многочисленная демонстрация трудящихся английской столицы. В ее рядах шли мужчины и женщины, дети и подростки, англичане, арабы, киприоты, негры.

— Не допустим мировой войны! Англичане не должны умирать ради прибылей нефтяных монополий США! Выведите английские войска из Иордании! Руки прочь от Ливана и Ирака!

Демонстрантам не удалось пройти мимо посольства США: путь им преградила полиция. Но все же депутация, выделенная на митинге, вручила для передачи американскому послу резолюцию с требованием прекращения агрессии против арабов.

В эти дни можно слышать возмущенные голоса по поводу англо-американской интервенции во всех уголках Великобритании.

Известный писатель и драматург Комpton Маккензи говорит:

— Это ужасно! Мы никогда не научимся, мы, кажется, просто неспособны установить хорошие отношения с молодыми нациями и молодыми движениями современного мира.

Член парламента Кони Зиллиакс:

— Это — начало политики широкого подрыва устава ООН. Агрессия Соединенных Штатов и консервативной Великобритании против Среднего Востока — попытка раздавить арабскую нацию с помощью военной силы. Вице-президент профсоюза горняков Южного Уэльса Д. Д. Эванс:

— Нынешняя ситуация может повести к войне. Рабочий класс должен сделать все, чтобы не допустить использования британских и американских войск для подавления народного движения на Среднем Востоке.

Лондон.

Г. АЛЕКСАНДРОВ

Народы — за мир!

22 июля в Стокгольме закончил свою работу Всемирный Конгресс за разоружение и международное сотрудничество. Этот Конгресс был мощной демонстрацией народов мира за мир, крепнувшей решимости сорвать все попытки разжечь пламя войны. Конгресс принял Декларацию о разоружении, обращения ко всем людям доброй воли, к мировому общественному мнению, к народам и правительствам всех стран мира. В обращении к народам о положении на Ближнем и Среднем Востоке Конгресс призвал положить конец военной интервенции США и Англии против арабских народов. Конгресс обратился с воззванием мобилизовать все силы мира для того, чтобы человечество могло в условиях мира построить свое прочное и достойное будущее.

В зале заседаний Конгресса.

ПОЗОР ИНТЕРВЕНТАМ!

Весь советский народ возмущен вооруженной интервенцией США и Англии в Ливане и Иордании. Митинги протеста прошли на крупнейших предприятиях Советского Союза. Десятки тысяч москвичей собрались 18 июля у зданий посольств США и Англии в Москве, чтобы выразить свое негодование по поводу действий американских и английских агрессоров.

Волнуется людское море. Тысячи скандируют: «Требуем посла! Требуем посла!» Но ни у кого из сотрудников американского посольства в Москве не хватило мужества выйти, чтобы принять резолюции или выслушать протесты трудящихся Москвы.

«Позор! Позор интервентам!»

Фото В. Тарасевича.

ТАК РВУТСЯ ЦЕПИ...

И. БЕЛЯЕВ, П. ДЕМЧЕНКО

Было десять часов утра 14 июля, когда в квартире иракского посла в Каире Ибрагима Аль-Худайри раздался настойчивый телефонный звонок. На него долго никто не отвечал, но звонивший — один из представителей беспокойного племени кайрских журналистов — решил добиться своего: он хотел первым взять интервью у господина Ибрагима Аль-Худайри. Еще бы, такие события!.. Наконец в трубке раздался сонный голос секретаря посла.

— Прошу к телефону господина посла! — прокричал журналист.

— Он спит, просил не беспокоить, — ответил секретарь.

— Как спит? — последовал удивленный возглас. — Возможно ли это?.. А впрочем, пусть досматривает приятные сны.

Его превосходительство спал и даже не подозревал, что он уже не посол королевства Ирак, да и самого королевства уже не существует...

Утром 14 июля короля Ирака Фейсала и премьер-министра Нури Саида ждали в Стамбуле. Там должно было открыться совещание мусульманских государств — участников Багдадского пакта. Итоги совещания были предприняты заранее западными хозяевами этой агрессивной военной группировки. Турция и Ирак «по просьбе ливанского президента Шамуна» должны были согласиться направить в Ливан свою регулярную армию, чтобы подавить ливанский народ, поднимающийся на борьбу за свою независимость. В Лондоне и Вашингтоне уже были подготовлены официальные заявления о поддержке иракской и турецкой агрессии.

Вечером, накануне отъезда, король Фейсал устроил в своем дворце пышный прием. В Багдад съехалась вся «знатность» — губернаторы провинций, важные сановники, генералы. Утром готовились снова встретиться на аэродроме, чтобы пожелать «успеха» королю и его свите. Но случилось иначе.

Не дожидаясь стамбульского решения, Нури Саид начал готовить две бригады иракских войск для переброски в Ливан. Обычно иракский премьер не доверял даже армии: частям только в исключительных случаях выдавали боевые патроны и снаряды. Но тут случай был исключительный. Бригада под командой генерала Абделя Керима Касема получила боеприпасы. Генерал и его патриотическая организация Свободных офицеров провели совещание с лидерами Национального фронта, объединяющего оппозиционные политические пар-

тии и группы и вынужденного действовать в подполье. Было принято решение выступить немедленно против королевского правительства, собирающегося развязать по указке империалистов братоубийственную войну между арабами.

Патриотическое движение в Ираке было тщательно законспирировано и превосходно организовано. Догадываясь о революционных настроениях в армии, ставленник империализма Нури Саид решил вывести «ненадежные» части из пределов столичного округа, а 20-ю бригаду направить в Иорданию «для охраны короля Хусейна». Но вместо иорданской столицы она на рассвете 14 июля вошла в Багдад.

В три часа ночи броневики и танки окружили королевский дворец. Группа офицеров предложила начальнику дворцовой охраны пропустить их к королю. Тот отказал, но согласился передать Фейсалу ультиматум об отречении от престола в пользу республики. Разбуженный принц Абдул Иллах, который играл первую скрипку во дворце, пришел в бешенство.

«Стрелять по ним! — закричал он. — Всех, всех уничтожить!» Дворцовая охрана открыла огонь. Но через десять минут все было окончено. Часть охраны погибла, часть сдалась. Распахнулись дворцовые ворота. На лестнице перед главным входом стояли Фейсал, принц Абдул Иллах, их приближенные. Старший из офицеров повторил требование восставших. В ответ принц выхватил пистолет, пытался стрелять, но был сражен пулей. В начавшейся перестрелке был убит и король Фейсал. Труп принца Абдул Иллаха был повешен под аркой перед зданием министерства обороны, где по его приказу был повешен один из руководителей восстания иракской армии, генерал Салах Эд-Дин Ас-Саг.

В этот же час несколько групп офицеров разъезжали по городу. Они заходили в дома королевских сановников, будили их и вежливо говорили: «Господин министр, король срочно требует вас во дворец. Машина ждет внизу». Когда сановник спускался, его встречали дула пистолетов. В течение нескольких часов было арестовано около ста тридцати человек, тех, кто вел страну по пути подчинения империализму, кто несет ответственность за казни, террор и репрессии, нищету, разорение народа. В агрессивном Багдадском союзе, справедливо названном арабами «Большой тюрьмой арабских народов», им принадлежала особая роль — роль тюремщиков и жандармов. Их руками английские и американские империалисты пытались подавить арабский национализм, выступавший за проведение политики «позитивного нейтралитета», превратить весь Арабский Восток в свою военную базу. Они были олицетворением жесточайшего империалистического гнета, царившего в Ираке тридцать восемь лет.

Эта Нури Саид отдал в руки англо-американско-французских компаний иракскую нефть. Это он поставил свою подпись под кабальным англо-иракским договором 1930 года, фактически сохранившим в Ираке колониальный режим. Это принц Абдул Иллах, будучи регентом при малолетнем короле Фейсале, с бесчеловечной жестокостью потопил в крови выступление иракской армии и обрек страну на многолетнюю иностранную оккупацию. Это по его приказу были расстреляны сотни багдадцев в дни массовых выступлений в 1948 году против португальского договора, против которого должен был заменить кабальный договор 1930 года. Они фактически были не арабами, интересы которых им всегда были чужды, а презренными ландскнехтами империализма, никогда не знавшими своего народа...

Восставшие заняли в Багдаде радиостанцию, телеграф, полицейское управление, здания правительственных учреждений. В революционном центре непрерывно звонили телефоны, командиры военных частей сообщали о своей солидарности с восставшими. Город за городом, область за областью с энтузиазмом приветствовали революционный переворот. Только командир одной танковой бригады пытался двинуть ее на помощь рухнувшему трону. Его поднял с постели звонок брата, начальника генерального штаба иракской армии Рафика Арефа. Командир разбудил офицеров и приказал немедленно готовиться к выступлению. Те, выслушав приказ, вышли, не сказав ни слова; через пять минут они возвратились и арестовали своего командира. Большинство из них оказались членами организации Свободных офицеров.

Нури Саид пытался скрыться от возмездия народа. Он нашел приют в особняке своего друга Ахмеда Рагиба у восточных ворот Багдада. Только на следующий день удалось напасть на его след. Рабочий-нефтяник сообщил в революционный центр о подозрительном оживлении в доме Рагиба. Войска окружили особняк. Дверь открыла женщина, скрывшая лицо под чадрой. Один из солдат попытался приоткрыть черное покрывало и получил пулю в живот. Под женским платком скрывался Нури Саид, который через мгновение был изрешечен пулями. Так окончилась грязная жизнь этого человека, имя которого стало на Арабском Востоке символом предательства и жестокости. По решению правительства Иракской Республики улица, на которой был убит Нури Саид, названа улицей Свободы.

Рано утром Багдадское радио передало официальное сообщение о том, что монархия свергнута и провозглашена Иракская Республика. Создано правительство во главе с генералом Абделем Керимом Касемом, в которое вошли представители Национального фронта, армии и независимые патриоты. Улицы иракских городов и деревень заполнились ликующим народом. Такого торжества страна не знала долгие годы. Люди обнимались, плакали, не скрывая слез радости, пели, танцевали.

Первым дипломатическим актом правительства Иракской Республики явилось немедленное признание Объединенной Арабской Республики и провозглашение решимости поддерживать дружественные отношения со свободными арабскими и всеми дружественными странами. Были восстановлены разорванные Нури Саидом дипломатические отношения с Советским Союзом и осуществлено признание Китайской Народной Республики. Через два дня после событий в Багдаде Иракская Республика разорвала союз с Иорданией и вышла из созданного империалистами так называемого «хашимитского союза». Была отменена антинародная конституция, началась чистка иракской армии, были смещены губернаторы почти всех провинций, освобождены некоторые политические заключенные, восстановлена нормальная деловая жизнь страны, предприняты необходимые меры к сохранению спокойствия и порядка.

Прекрасно понимая, что любые инциденты с иностранцами могут быть использованы для оправдания империалистического вмешательства, иракская армия объявила всех находящихся в Ираке иностранцев и их имущество под своей защитой.

В Лондоне и Нью-Йорке известие об иракских событиях вызвало впечатление разорвавшейся бомбы. Сообщая о перевороте, а также передавая известие о смерти бывшего иракского министра иностранных дел Фадыла Джемали, делегат США в ООН Кэбот Лодж так расстроился, что даже пустил слезу. Что касается смерти Джемали, то Лодж ошибся. Этот представитель проамериканской ориентации в правительстве Нури Саида, захватив списки тайной агентуры Багдадского пакта на Арабском Востоке, хотел бежать, но был арестован и скоро предстанет перед судом Республики. Английское правительство начало лихорадочно изыскивать поводы для вооруженного вмешательства во внутренние дела иракского народа. С этой целью были распушены слухи о поджоге иракскими патриотами здания английского посольства в Багдаде, об убийстве помощника военного атташе, трех американских инженеров-нефтяников и одного гражданина Западной Германии. Но все эти слухи оказались ложными. Здание английского посольства в Багдаде действительно сгорело, но его подожгли сами чиновники посольства, поспешно уничтожавшие секретные архивы. Как видно, там было немало компрометирующих документов.

Английское правительство начало переговоры с Турцией, требуя разрешения последней на проход вооруженных сил Англии через ее территорию в Ирак. Английские парашютисты снова оккупировали иорданские аэродромы. Над Арабским Востоком нависли свинцовые тучи военной угрозы. В этот тревожный час истории мир услышал твердый голос Советского Союза, который привел в чувство зарвавшихся колонизаторов.

Иракский народ не испугался империалистических угроз. Перед лицом нависшей над ним опасности он проявляет спокойствие и выдержку. 19 июля Иракская правительственная делегация подписала в Дамаске соглашение с ОАР о совместной борьбе против любой агрессии. Отныне иракский народ занял достойное место в рядах свободных арабских стран и готов с оружием в руках защищать свою свободу и независимость.

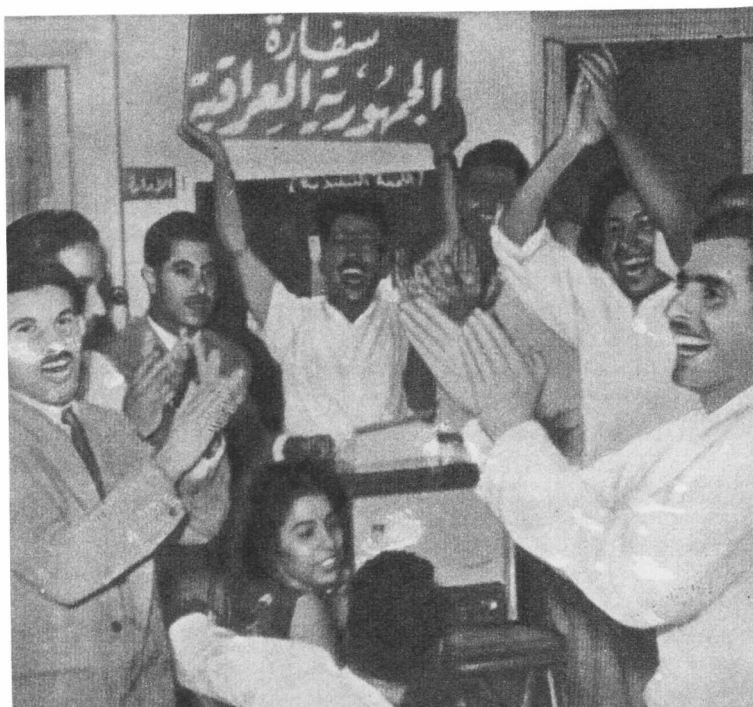
Как самую радостную весть встретили сообщение о событиях в Ираке народы всех арабских стран. Ликовали, танцевали, обнимали друг друга иракские студенты, обучающиеся в Каире. «Революция в Ираке», — сказал один из них, Рашид Аль-Хусейн, — направлена прежде всего против трона и Нури Саида; против тех, кто верно служил империализму, жестоко притеснял иракский народ, был врагом всех арабов. Она освободила страну от Багдадского пакта и провозгласила верность принципам Бандунгской конференции и ООН. Ее цели близки и понятны иракскому народу, каждому арабу. Она направлена на освобождение страны от империализма и его презренных цепных псов».

В то время как в Багдаде и других городах Ирака народ единодушно демонстрировал поддержку революции, против режима Абдул Иллаха — Нури Саида, миллионы арабских патриотов, как и все прогрессивное, свободлюбивое человечество, присоединились к нему, высказывая самые добрые пожелания новому государству. В этом нас убедили многочисленные встречи и беседы с ними. «Иракская революция является продолжением арабского национально-освободительного движения... Революция в Ираке», — сказал египетский коммерсант Мухаммед Заки Махмуд, — торжество света над долгой ночью гнета колониализма, победы над подлыми врагами иракского народа — наемниками ненавистных палачей». «Я встретил весть о революции в Ираке, как весть о большом счастье. Она принесла новую победу свободным арабам, которые теперь стали еще сильнее. Мы уверены, что скоро последует полное освобождение арабов от иностранных угнетателей». Эти слова принадлежат кайрскому учителю Мустафе Аль-Магди. ...14 июля к зданию посольства Ирака в Каире, провозглашая лозунги в честь Иракской Республики, направились иракские студенты. Господин Ибрагим Аль-Худайри, бывший представитель бывшего иракского королевства, разумеется, к ним не вышел...

14 июля занялась заря новой жизни для иракского народа, который вступил на широкую дорогу свободы и независимости.

Каир — Дамаск.

Иракские студенты в Каире слушают Багдадское радио и восторженно приветствуют провозглашение Иракской Республики.
Фото ЧТА.

Государственные деятели Австрии в СССР

21 июля в Москву прибыла Правительственная делегация Австрии во главе с Федеральным канцлером д-ром Юлиусом Раабом. В составе делегации — вице-канцлер д-р Б. Питтерман, Федеральный министр иностранных дел д-р Л. Фигль, статс-секретарь Министерства иностранных дел д-р Б. Крейский, генеральный секретарь МИД, чрезвычайный и Полномочный посол д-р М. Фукс и другие. На аэродроме в день приезда Федерального канцлер в своей речи выразил надежду, что эта поездка «приведет к плодотворным результатам, которые будут иметь значение для мира во всем мире и для дружественных отношений между нашими обоими государствами».

22 июля в Кремле начались советско-австрийские переговоры.

Фото Е. Умнова.

Международный конгресс архитекторов

21 июля в Москве, в Большом Кремлевском дворце, состоялось торжественное открытие V конгресса Международного союза архитекторов. На снимке: участники конгресса в Георгиевском зале Кремлевского дворца.

Фото А. Пахомова.

Праздник крылатых

20 июля советский народ широко и торжественно чествовал наших славных авиаторов, работников авиационной промышленности, спортсменов Добровольного общества содействия Армии, Авиации и Флоту.

В Москве, на Тушинском аэродроме, состоялся большой авиационный праздник.

На снимке: открытие воздушного праздника. В небе появились вертолеты.

Фото Е. Умнова и А. Гостева.

Леонид Сергеевич Соболев, чье славное шестидесятилетие отмечается Советской страной, принадлежит к числу наиболее любимых советских писателей. Его книги «Капитальный ремонт», «Морская душа», «Зеленый луч» полны истинной поэзии, отмечены печатью таланта, взыскательного и сильного.

В своей памятной речи на I съезде советских писателей в 1934 году Леонид Соболев сказал: «Партия и правительство дали писателю все, отняв у него только одно — право писать плохо».

Л. Соболев — депутат Верховного Совета СССР, председатель Оргкомитета Союза писателей РСФСР.

В связи с шестидесятилетием со дня рождения Л. С. Соболева и отмечая его выдающиеся заслуги в развитии советской литературы, Президиум Верховного Совета СССР наградил писателя орденом Ленина.

Фото А. Новикова.

Герой Социалистического Труда И. И. Коробов (слева) и заместитель начальника цеха водоснабжения А. Ф. Пастернак на строительстве новой домны.

Профессия МУЖЕСТВЕННЫХ

Я. ГИК

Фото А. ГОСТЕВА

— В День металлурга я праздную и свой день рождения, — говорит директор завода имени Петровского.

— Ну, конечно, иносказательно так и получается. Вы старый металлург...

— Да нет же, без всякой иносказательности! Обыкновенный день рождения.

Если учесть, что фамилия директора — Коробов, такого совпадения и нарочно не придумаешь.

Коробовы! Династия металлургов. Девятнадцать лет назад вышел специальный номер журнала «СССР на стройке», посвященный этой династии. Коробовы получили всесветную славу.

Интересно переворачивать страницы журнала в кабинете одного из героев этого обширного фотоповествования. Мы смотрим эк-

земплар, который сохранил днепропетровский рабочий в годы фашистской оккупации, а когда директор завода имени Петровского вернулся, подарил ему.

Выразительней всех выглядел в журнале, конечно, глава династии Иван Григорьевич Коробов. Строгий, пронизывающий взгляд из-под густых бровей, лихие усы, молодцеватая посадка головы... Знаменитый обер-мастер Макеевского завода стоял у доменной печи еще немало лет, лишь на 71-м году жизни навеки покинув и этот свой пост, и завод, и семью...

Три сына-металлурга за два без малого десятилетия прошли сложный путь. Старшие — Павел Иванович и Николай Иванович — сейчас на высоких должностях в Москве. Третий — вот он, вместе с нами смотрит журнал — остался

на заводе. Двадцать лет директорствует он здесь, двадцать лет в одном и том же кабинете с окнами на ту же околзаводскую площадь.

Глядя на портрет в журнале, было бы, конечно, лезть сказать, что Илья Иванович Коробов конца тридцатых и конца пятидесятых годов один и тот же. Но не поблекли, а, пожалуй, еще отчетливей стали ясно выраженные, крупные черты лица, все так же тверд, но не холоден взгляд, и поза, когда директор сидит, прежняя: с таким наклоном над столом, будто он собирается встать, — вот сейчас дослушает и уйдет в цех, на площадку...

Пожалуй, больше, чем раньше, ныне развились в Коробове те качества, которые красят советского хозяйственника: немногословность, четкость каждого распоряжения, быстрое реагирование. И отличная манера держаться с рабочими: никакого напыщенно-начальственного тона и никакого заискивания. Серьезный, деловой разговор, и когда обсуждается личный вопрос, та же серьезность, та же деловитость, и в этом больше настоящей душевности, нежели в пустых вздохах сочувствия. Не только директор-администратор, а директор-технолог, новатор, — таков младший из сыновей макеевского обер-мастера.

Когда Илья Иванович сдавал свой дипломный проект знаменитому металлургу академику М. А. Павлову, тот спросил:

— Не найдется ли у вас в Макеевке еще одного Коробова? Привык я к вам, троих обучил.

Теперь можно было бы отве-

тить академику: найдется! Илья Иванович не замыкает металлургическую династию. Сын его, Вячеслав Ильич, — инженер, начальник доменной лаборатории на Запорожстали. Другой сын, Владимир, которому пошел 18-й год, поступает в Днепропетровский металлургический институт. И племянник, Лев Николаевич, — доменщик, и даже зять Константин Иванович Котов — тоже доменщик.

В семье Коробовых два Героя Социалистического Труда: старший брат — Павел Иванович, а теперь и младший — Илья. Дело, конечно, в их личных качествах. Но закономерно, что именно такая семья выдвинула героев нашей социалистической эпохи. С конца прошлого века в ней выковывался тот высочайшей пробы революционный пролетарий, который стоял у истоков Октября.

Дед братьев Коробовых работал в Юзовке на доменных печах у шлаковой свалки. Бунтарь, он был прозван «отчаянным доменщиком», особенно проявив себя в годы холерной эпидемии, когда выбил стекла в полицейском участке, требуя вызова врачей из Екатеринослава.

А Иван Григорьевич? С детства его приучали к огню. Подростка Ваню поднимали на колошник, привязывали канатом и опускали в жерло домны: нужно было равномерно распределить руду.

И так все Коробовы — не бояться огня. Таковы металлурги, люди, избравшие себе профессию мужественных, которых иначе и не рисуешь себе, как в озарении нестерпимого пламени.

То, что директор завода имени Петровского занимает этот пост двадцать лет, вполне в духе заводского уклада. Тут с кем из пожилых ни поговори — работает по 20—30 и больше лет. Кадры меняются редко и с такой постепенностью, что не всегда даже уловишь эту смену. Правда, была и массовая передвижка: после опубликования нового закона о пенсиях в мартеновском цехе за короткий срок ушли отдыхать 136 человек. Но к тому времени исподволь было подготовлено столько способной молодежи, что все обошлось без потрясений.

Не раз замечено, что старые заводы накладывают какой-то отпечаток на своих людей, а люди, в свою очередь, некоторые свои черты как бы передают заводу. Вот и Петровка — так любовно называют свой завод старики, — словно закалила в огне особую породу рабочих, не так, чтобы уж совсем особую, но, несомненно, чем-то отличающуюся от других. Да и как было не закалить! Восьмой десяток пошел заводу, и на всех этапах его биография тесно переплетена с биографией века.

Когда завод еще называли Брянским, считали его опорным пунктом большевиков Екатеринославщины. Имея в виду и брянцев, В. И. Ленин писал: «В Екатеринославе строятся баррикады и льется кровь». Если здесь сейчас принимают в партию молодого рабочего, уж что другое, а ленинский параграф Устава должен он знать отлично: именно брянцы послали третьему съезду РСДРП письмо, в котором, приветствуя съезд, просили «провести § 1 Устава Ленина, а мартовскую формулировку закурпоть в гроб».

На заводских стенах несколько мемориальных досок, напоми-

нающих о событиях 17—18-го годов. В Отечественную войну Петровка никак не давалась немцам: хотели пустить завод — годное оборудование становилось негодным; привезли из Германии электрокабель — уничтожили; воздушную станцию вывели из строя.

И вот он, вновь поднявшийся из руин «Днепровский путиловец», старик, который во многом обгоняет молодых. А ведь как ему тесно жить! Зажатый между Днепром и железной дорогой, он не может расти вширь и только крепнет «в кость». На действующем заводе, где под застройками занято не 20—25 процентов территории, как принято, а 88, воздвигается новая домна. Теперь уже в вышине соседствуют колошники двух домен, так что не сразу и отличишь, какая из них новорожденная.

Заводу имени Петровского не тягаться с молодыми гигантами обильными потоками стали и чугуна. Но берет он «не числом, а умением». По технической сметке он в первых рядах южной металлургии.

Отсюда пошел способ работы на повышенном давлении. Домна дышит, как живой организм: кислородом. Чем больше она «вдыхает» его, тем больше и чугуна. Вот теперь и вдувают в домну воздух под большим давлением, а сверху, там, где газ стремится покинуть пекло и вырваться наружу, его перехватывают, пережимают. Снизу давят, сверху не выпускают, — приходится газу не «по охоте», а по принуждению дополнительно работать в домне. А в результате на 22 процента больше продукции!

Здесь же сделали первую на Юге установку для наплавки валков. Нетрудно представить, как стираются, снашиваются валки на прокатных станах. Теперь их как бы укутывают в рубашку из твердых сплавов, и валок работает в 3—4 раза дольше.

На Петровке первыми применили новые профили проката. Какую форму обычно имеет прокат? Или круглую, или плоскую в виде палки, или если и фасонную, то на всем протяжении одинаковую. Теперь из-под валка выходит готовая ось автомобиля с пережимающимися выпуклостями и ложбинками, иначе говоря, разного переменного сечения. Что ни оборот стана — готовая ось, после этого ее достаточно лишь слегка доштамповать. Да и не только ось — 11 профилей прокатывается здесь, включая коленчатые и распределительные валы для автомобилей многих марок.

На заводе имени Петровского первый в СССР бессемеровский цех переведен на работу с чистым кислородом. В конвертерах — грушевидных печах — жидкий чугун обычно продувался снизу атмосферным воздухом. Кислород делал свое полезное дело, но азот, растворяясь в стали, придавал ей хрупкость. Новый процесс, по времени такой же краткий, заключается в том, что в жидкий чугун сверху, под высоким давлением, подается чистый кислород. Марка стали получается лучше, не уступает мартемовской.

Быть в техническом авангарде нынешней советской металлургии не так-то просто! Тут и называется главная сила Петровки —

старые кадры, а они, эти кадры, и молодых пропускают через такие «валки», что делают их похожими на себя. Молодежь уже говорит свое веское слово, но пока слава завода воплощена в именах ветеранов — знаменитых сталеваров, доменщиков, вальцовщиков.

«Горячее ученичество» — так именовали школу, которую в двадцатых годах прошел нынешний мастер доменного цеха коммунист Петр Иванович Егоров. И теперь, вступив в шестой десяток лет, он старается, чтобы все ученики его были по-настоящему «горячими». Упрямым, хотя и поседевший хохолок на его голове все еще не сдается, как не сдается годам и мастер, один из тех, кто осуществлял переход на высокое давление. «Остывает» Петр Иванович только дома, сидя на балконе, откуда виден Днепр, где хотелось бы ему половить рыбы, да все недосуг. Здесь с женой Натальей Гавриловной он может поговорить и о том, что хорошо бы разбить садик для семьи на Мануйловке, — участок ему выделяют. Но как-то незаметно в беседе опять возвращается к домне, к давлению, к температуре...

В среде доменщиков — первым

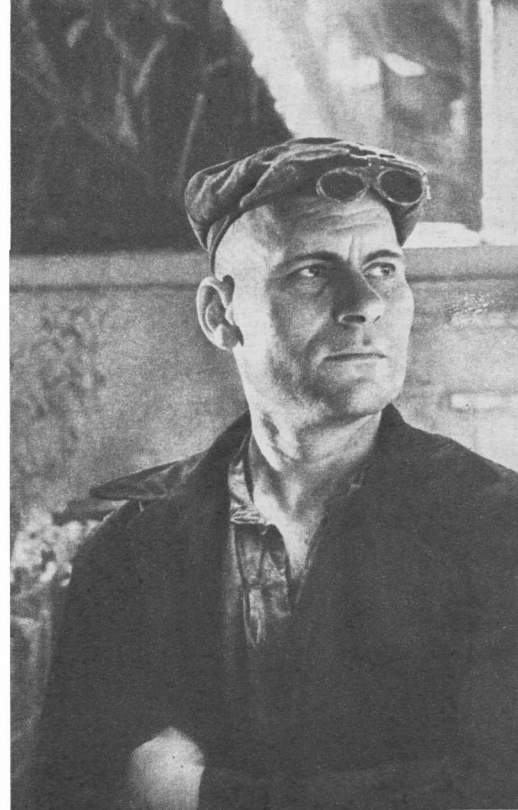
обычно называют имя Егорова, а в мартеновском цехе начинают перечисление с Петра Семеновича Махоты, делегата XX съезда партии. Так, в беседе, у этого широкоплечего человека удивительно приветливые глаза, лицо добряка, готового в любую минуту подтрунить над кем-нибудь и легко воспринимающего подтрунивание над ним. Но вот он стоит у печи в классической позе сталевара, и такая собранность во всей его складной фигуре, такое напряжение во взоре, такие резкие и четкие жесты, что сразу и не узнаешь в нем недавнего собеседника. По-особому красив он в отсвете мартеновского пламени. И все вокруг него живет в атмосфере нелегкого, благородного труда, рассчитанного на людей мужественных.

И снова видишь человека в борьбе и дружбе с огнем в сортопрокатном цехе, на стане «260». На всем его протяжении орудут вальцовщики, укротители огненных металлических змей, вьющихся вокруг ног, готовых захлестнуть человека. Но твердая рука, вооруженная клещами, ловит их в самое, казалось бы, последнее мгновение и запикивает под очередь валок. Слиток длиной в полтора метра постепенно вытягивается в многометровую ленту,

а затем эту катанку уложат в проволочные бунты.

Тут, в этом цехе, вместе с товарищами повелевает огнем старший вальцовщик Максим Гаврилович Щербина. Судьба его сложилась так, что ему пришлось близко познакомиться и с другой стихией — водой. Во время войны он, старый моряк, вернулся на корабль, попросившись именно на тот, где находился его сын Иван. Моряки двух поколений сражались рядом, рядом оказались они и в те неопишуемые минуты, когда несметное множество фашистских самолетов вновь и вновь появлялось над кораблем. Судно потонуло, и спасение можно было искать лишь в воде. Без малого семь суток провел в открытом море Максим Гаврилович. Сначала один, а затем еще с двумя спасшимися. Они взобрались на аварию схода, по счастью, оторвавшиеся от корабля, — это было нечто вроде плота. Их заметили советские летчики, сбросили надувную лодку, а затем гидросамолет забрал обессиленных моряков. Всего спаслось, как выяснилось, пять человек. Сына Максима Гавриловича среди них не было...

Сейчас младший его сын, Васи-

Герой Социалистического Труда П. С. Махота.

плакат на видном месте и перед строем произнес горячую речь: вот он, вчерашний моряк нашего корабля, ныне знатный рабочий. Таким, сказал командир, должен быть каждый: героическим воином, мужественным тружеником.

Максим Гаврилович в канун Дня металлурга приболел. В больнице его посетили товарищи по стану «260». Они вручили ему почетную грамоту и уже неофициально — огромный букет цветов. Старый моряк невольно вытянулся как бы по команде «смирно», но, нарушая команду, прижимал к груди цветы. На несколько мгновений, судя по его глазам, он отлучился из больницы, был где-то далеко-далеко, может, его снова окатывали волны, может, у ног его вились покорные ему ленты огня...

— Скоро, скоро выздоровею, — заверил Максим Гаврилович.

Он вернется на завод, к товарищам, которые гордятся теперь четырьмя Героями Социалистического Труда, чьи имена в эти дни стали известны миллионам: Илья Коробов, Петр Егоров, Петр Махота, Максим Щербина.

В больницу к М. Г. Щербине пришли товарищи по стану «260». Слева направо: Герой Социалистического Труда М. Щербина, В. Синдоренко, К. Гришин и М. Белый.

Герой Социалистического Труда П. И. Егоров с женой Натальей Гавриловной.

лий, служит на эсминце, где оканчивал войну отец. Недавно вальцовщик Петровки послал Василию печатный плакат с портретами пяти рабочих, как бы олицетворяющих советскую металлургию. Один из них — Максим Щербина. Командир корабля вывесил этот

МАСТЕРА МЕТАЛЛА

В. Ф. РУДАКОВ,

заместитель председателя Совета народного хозяйства
Челябинского экономического административного района

Что представляет собой металлургическая промышленность Челябинского экономического административного района?

По объему и технике производства черных металлов она занимает первое место среди всех промышленных районов страны. По сравнению с довоенным, 1940 годом производство чугуна, стали и проката здесь увеличилось в несколько раз.

В нашем экономическом районе находится комбинат, которым гордится вся страна. Кто из советских людей не знает прославленной «Магнитки», крупнейшего металлургического предприятия СССР? По объему производства ему нет равных в мире. Только за послевоенный период выпуск чугуна, стали, проката увеличился тут более чем в два с половиной раза. К тому же металл «Магнитки» самый дешевый в стране.

Свой праздник наши металлурги отметили значительными достижениями.

По всем показателям перевыполнен план шести месяцев. Чугуна мы дали на 2,7, стали — на 5,2 и проката — на 3,8 процента больше, чем за тот же период прошлого года. А ведь один процент сверхплановой стали — это

десятки тысяч тонн металла. И здесь в первую очередь следует отметить металлургов Магнитогорского комбината. В своей речи на открытии Всесоюзной промышленной выставки в Москве Н. С. Хрущев дал высокую оценку творческому труду его славного многотысячного коллектива.

«...Магнитогорские доменщики, — сказал Никита Сергеевич, — на 25 процентов лучше используют свои печи, чем в среднем по стране. Сталевары этого комбината снимают с каждого квадратного метра пода мартеновских печей около 8,9 тонны стали в сутки. При этом производительность труда сталеваров Магнитогорского комбината в 2,5 раза больше, чем в среднем по металлургической промышленности».

Товарищ Хрущев посоветовал коллективам других предприятий перенимать опыт магнитогорцев.

Сейчас металлурги «Магнитки» в тесном содружестве с коксовиками и горняками успешно решают ряд сложных технических задач, которые позволяют намного повысить производительность домен. Многие делается, например, для автоматизации и комплексной механизации трудоемких работ. Впервые на одной из доменных печей применяется полная механизация загрузки шихты. Она осуществляется автоматически, со специального пульта управления. Сложные автоматические устройства, получив «команду», точно исполняют заданную программу, забирают и дозируют материалы, подают их на печь, придерживаясь установленной последовательности. Немало делается также для механизации горновых работ. Магнитогорцы уверенно прокладывают путь к домне недалекого будущего, на которой все технологические процессы будут полностью механизированы.

Среди награжденных в День металлурга много магнитогорцев. Четырнадцать из них присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

Вот, например, мастер доменного цеха Николай Ильич Савичев. Более четверти века работает он на «Магнитке». Здесь он прошел путь от подручного газовщика до мастера одной из самых мощных доменных печей. Три с

половиной миллиона тонн чугуна выплавил Савичев за свою трудовую жизнь. На Всесоюзной промышленной выставке внимание многих металлургов привлекает приспособление для так называемой одноосковой разливки чугуна. Инициатор этого новшества — Савичев, который по праву носит звание лучшего мастера доменных печей Советского Союза. Теперь вместо нескольких канав расплавленный чугун идет по одной, намного сократились потери металла, облегчился труд горновых.

Почетный металлург, старший мастер мартеновского цеха Михаил Петрович Артамонов в 1935 году был разнорабочим, а через пять лет стал уже сталеваром. В годы войны он впервые в мировой практике освоил выплавку специальных марок стали в мартеновской печи с основным подом. По его инициативе был внедрен новый, более совершенный метод наварки и ремонта подина, который позволил значительно сократить простой печей.

Бригады сталеваров блока печей, которыми руководит М. П. Артамонов, — это мастера скоростных плавов. Каждая вторая плавка ведется ими со значительным опережением графика.

Шестьдесят два раза присваивалось звание «Лучший рудник Советского Союза» Магнитогорскому железнору руднику. А передовым машинистом экскаватора здесь вот уже двадцать шесть лет является Сергей Андреевич Соколов. За это время он погрузил более 10 миллионов тонн горной массы, в том числе 8 миллионов тонн руды. Пришел Сергей Андреевич тогда на рудник юношей, с комсомольской путевкой в кармане, а теперь это коммунист, всеми уважаемый человек, воспитавший десятки новаторов.

В нашем экономическом районе среди Героев Социалистического Труда люди с различных предприятий и разных профессий. Тут и старший горновой доменного цеха Челябинского металлургического завода Иван Алексеевич Пятигорский, и старший сварщик нагревательных печей стана «350» этого же завода Давид Иванович Петров, старший оператор блюминга Магнитогорского комбината Степан Яковлевич Диденко, сталевар Ашинского металлургического завода Анатолий Прокопьевич Горбунов. Это старые металлурги, давшие стране уже многие сотни тысяч тонн металла. Однако отродно, что среди героев немало и молодежи.

На Челябинском металлургическом заводе широко известно имя старшего сталевара электросталеплавильного цеха Хабира Самохужина. Десять лет назад молодой, семнадцатилетний паренек из глухой башкирской деревни закончил ремесленное училище. И вот уже шесть лет он сталевар. Производительность электропечи, дающей высоколегированные, не ржавеющие, жаропрочные стали, растет с каждым годом. Почти три четверти плавов, которые выпускает Хабир, скоростные.

Я рассказал лишь о нескольких металлургах-героях. А всего в нашем экономическом районе звание Героя Социалистического Труда присвоено 33 рабочим, инженерам и техникам.

Высокая награда вдохновляет наших металлургов на новые трудовые подвиги.

РОМАНТИК-РЕАЛИСТ

Среди русских художников первой трети XIX века, таких, как Венецианов, Брюллов, Тропинин и Кипренский, Александр Орловский занимает одно из ведущих мест.

Он родился в Варшаве в 1777 году. Счастливым случаем помог Орловскому еще в детстве выбрать путь художника.

Опытный педагог, верный последователь реалистического направления, живописец и график Орловский оказал большое воздействие на формирование его взглядов. Учитель поощрял в молодом художнике интерес к бытовому жанру, к зарисовкам с натуры и развивал его природный дар блестящего рисовальщика и карикатуриста. Помимо Орловского, Орловский учился у придворного живописца Баччарелли, работал в мастерской гравера и миниатюриста. Но рамки художественных мастерских были тесны для его большого и своеобразного таланта.

Полный патристических чувств, шестнадцатилетний юноша вступает в ряды повстанческой армии Тадеуша Костюшко. В произведении тех лет он рисует бивуаки повстанцев, батальные композиции. Поражение Костюшко Орловский переживает как личную трагедию. Последующие годы, настойчиво пытаясь найти свое место в жизни, он скитается по городам и деревням с бродячей труппой цирковых артистов, служит у графа Понятовского, развлекает своими меткими карикатурами его гостей. В это время Орловский хорошо узнал крестьянскую жизнь, был постояльцем дворов.

В 1802 году Орловский уезжает в Россию, которая становится его второй родиной. В первые десять лет жизни в Петербурге Орловский создает произведения, проникнутые духом романтизма.

...Тяжелые тучи заволакивают небо, на тонущий корабль с ревом обрушиваются волны, горстка измученных людей на скалах кажется бессильной перед разбушевавшимися силами природы («Кораблекрушение», 1809).

...На белом коне навстречу опасности мчится всадник. Все в картине «Польский всадник» полно напряженного ожидания и таинственности.

В начале 20-х годов в творчестве Орловского назревает перелом. На смену эффектным кораблекрушениям и стремительным всадникам приходит более глубокое изображение жизни. Орловский много путешествует по России. Внимательным взглядом художника всматривается он в быт крепостной деревни, нищету и забитость. Рисует бытовые сценки из жизни городского люда — разносчиков, молочниц. Некоторые из его зарисовок проникнуты теплым юмором, в других чувствуется искреннее сочувствие художника угнетенным. В таких произведениях, как «Мусорщик» (1824), «Нищие крестьяне у кареты» (1815), «Каторжники под конвоем» (1815), звучит социальный протест против крепостного права. Демократ по убеждениям, Орловский одним из первых среди русских художников обратился к искусству литографии как наиболее доступному для народа.

Из живописных работ 20-х годов известен «Автопортрет», публикуемый в этом номере журнала. С присущей Орловскому страстью ко всему экзотическому он изображает себя в черном костюме.

Атлет, играючи ломавший подковы, остроумный собеседник, гостеприимный хозяин, зыбательный художник, он покорял сердца современников широтой своей артистической натуры, силой характера, блестящим талантом. Пушкин в поэме «Руслан и Людмила», восхищенный мастерством Орловского, писал:

Бери свой быстрый карандаш,
Рисуй, Орловский, ночь и сечу!
Основной особенностью Орловского было острое чувство современности. Своим многообразным творчеством он внес большой вклад в историю русского и польского искусства.

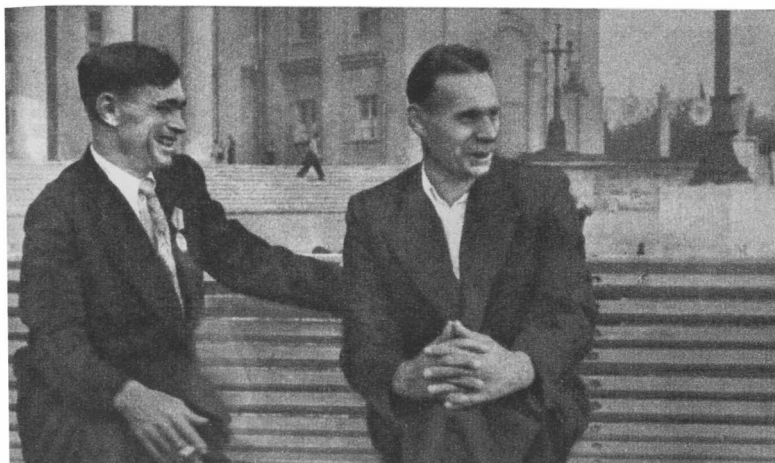
125-летию со дня смерти художника была посвящена выставка, организованная Национальным музеем в Варшаве совместно с Государственной Третьяковской галереей. На ней впервые огромное наследие Александра Орловского было представлено во всей своей полноте и богатстве.

Л. КУЗНЕЦОВА

Герой Социалистического Труда сталевар электросталеплавильного цеха Челябинского металлургического завода Хабир Самохужин. Фото Р. Лихач.

Герои Социалистического Труда старший горновой И. А. Пятигорский (слева) и старший сварщик Д. И. Петров (Челябинский металлургический завод).

А. О. Орловский (1777—1832). КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ.

Русский музей.

«Огонек».

ПЕЙЗАЖ
С СОЛДАТАМИ,
СИДЯЩИМИ
НА КАМНЯХ.

АВТОПОРТРЕТ.

Русский музей.

ПОЛЬСКИЙ ВСАДНИК.

А. О. Орловский.

Третьяковская галерея.

ДЕНЬ НА ПОДВОДНОЙ ЛОДКЕ

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото А. ГОСТЕВА.

Днем дул порывистый ветер, тучи низко стелились над потемневшей Балтикой. Но к вечеру, когда подводная лодка покидала базу, небо очистилось и ветер внезапно стих. Вскинув бинокль, командир лодки всматривался с мостика вдаль. Он шел знакомыми местами: в Отечественную войну ему, тогда рядовому матросу, довелось здесь участвовать в жестоких сражениях с фашистскими захватчиками.

Лодка все еще в надводном положении. С мостика видны возвращающиеся из зарубежных портов наши торговые суда. Под флагом Польской Народной Республики прошло учебное судно «Искра», оно направляется к советским берегам с визитом дружбы.

Впереди безбрежные морские просторы. Оставляя за кормой вспенившиеся волны, лодка ложится на заданный курс — в район учений.

Молочная дымка белой ночи уже окутала море, когда раздался пронзительный сигнал ревуна:

— Боевая тревога!

С центрального поста передают:

— На северо-западе «вражеские» торпедные катера. — Срочное погружение! — приказывает командир.

Быстро соскальзывают по трапу сигнальщики, рулевой. Последним покидает мостик командир. Задринув рубочный люк, он спускается вниз. А в это время открывают кингстоны главного балласта — и в цистерны устремляется вода. Несколько секунд — и корабль под водой. Теперь все отсеки наглухо отделены друг от друга переборочными дверями. Связь между ними поддерживается через трансляционный радиоузел.

В оптике перископа показались силуэты «вражеских» торпедных катеров. И вот уже поданы точные расчеты.

— Слева цель... дистанция... кабельтов...

— Корма, слушай! Приготовить первый торпедный... К выстрелу!

Командир отделения Виктор Бабченко повторяет приказ. Торпедист Владимир Степанов кладет широкую ладонь на поблескивающую рукоятку. И еще одна команда, короткая, как выстрел: «Пли!» Корпус корабля содрогается от залпа.

— Прямо вижу «торпеду», — быстро передает сигнальщик.

— Полный вперед! Стоп дизеля! — приказывает командир.

След «вражеской» торпеды узкой полоской прошел в нескольких метрах...

Отбой! Теперь можно готовиться к всплытию. Сжатым воздухом продувается водяной балласт, цистерны освобождаются от воды, и лодка показывается на поверхности моря. По трапу вслед за командиром и сигнальщиком взбираемся на мостик. Тихая белая ночь! Кругом видно, как днем, далеко, далеко...

И снова «тревога». Появилась авиация «противника». Подводная лодка уходит с перископной глубины. Командир уже лишен возможности обозревать море в перископ. Но есть у него другие «глаза» и «уши» — сложнейшие радиотехнические приборы.

Мы идем из отсека в отсек. Офицер Борис Александрович Полулихов знакомит нас с новейшей техникой.

В одном из отсеков смонтирована радиолокационная станция, в другом — приборы гидроакустики. Здесь вахту несет мичман Алексей Воронов. В недавнем прошлом

столяр, он на флоте впервые в жизни встретился с такой сложной техникой. В совершенстве изучив гидроакустику, Алексей Воронов стал специалистом первого класса. С помощью приборов, улавливающих подводные шумы, Воронов может точно определить класс корабля, взрыв мины, авиационной бомбы...

— Даже если дельфин близко проплывет, тоже услышим, — улыбается мичман.

Перебираемся в другой отсек. На вахте — старшина команды мотористов, волжанин Валентин Окатов. Он пришел на флот с небольшого речного катера. Начинать все заново. Комсомолец учился упорно, долго. Сейчас он старшина первой статьи, специалист первого класса. На подводной лодке Окатов вступил в партию, комсомольцы избрали его своим вожак.

...В центральный отсек радио передало приказ командира дать точный отчет глубины, на которой идет лодка. Вахтенный взглянул на глубомер и назвал цифру. Судя по тому, как слегка качнулась корма, подводники, чтобы укрыться от «глаз» самолетов, ушли еще глубже.

Несколько часов лодка идет под водой. Но и под водой радостное оживление вызывает переданная по радио команда вахтенного: «Приготовиться к обеду...» Отсеки наполняются ароматом флотских щей. На узеньких столах появляются гречневая каша со свиным салом, компот, шоколад...

Потребовалось совсем немного времени, чтобы лодка, слегка коснувшись морского дна, «улеглась» на твердый грунт. Выключаются моторы, и на миг в отсеках устанавливается тишина. Никто не знает, сколько придется отлеживаться.

Корабельная жизнь на дне морском идет своим чередом. Радио приглашает коммунистов на собрание. Сегодня в повестке дня один вопрос — прием в партию.

Волнуясь, рассказывает свою биографию командир отделения мотористов Николай Артемьевич Салихов. Когда в стране начинали осваивать целинные земли, он, слушатель школы механизации в городе Новосиль, Орловской области, добровольно отправился в Северный Казахстан, в зерносовхоз «Заря». Работал трактористом, комбайнером. С це-

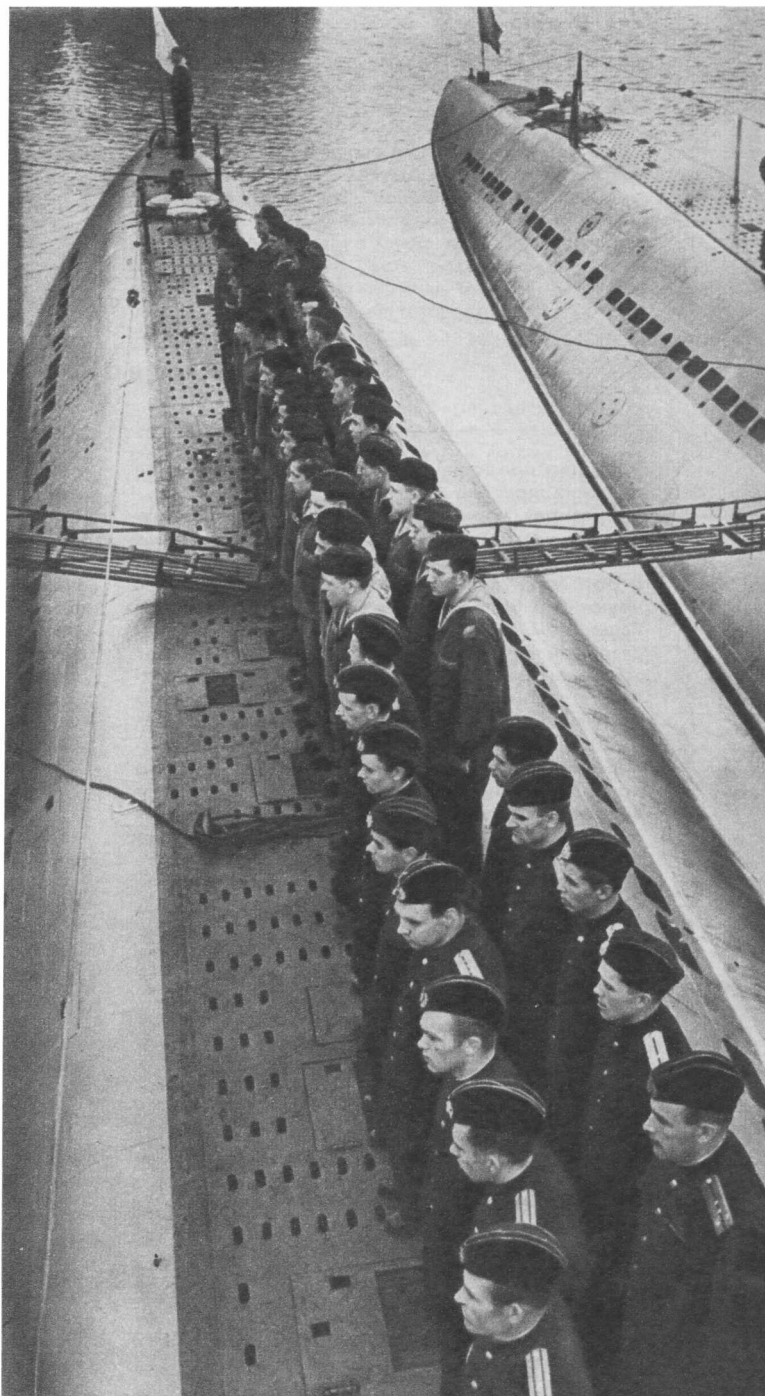
лильных земель призвали на флот. Нелегкая служба подводника явилась второй школой в жизни. Коммунисты характеризуют Салихова как требовательного командира, чуткого к подчиненным. Его единодушно принимают в члены КПСС.

После партийного собрания один из отсеков превращается в подводный «кинотеатр». Кто-то натянул экран. Прижавшись плотно друг к другу, матросы и офицеры смотрят кинофильм.

...Подается сигнал к всплытию. Заработали электромоторы. Лодка ожила, пошла вверх. Выключены моторы, запущены дизеля...

— Полный ход вперед! Идем спокойным морем, залитым ярким летним солнцем. Несколько десятков миль осталось позади. На горизонте показался город на Балтике. Командир запрашивает «добро» на вход в гавань. Лодка швартуется у бетонированной стенки. Матросам разрешено сойти на берег. Первыми устремляются «изголодавшиеся» курильщики, а замполит уже ведет запись желающих пойти на экскурсию...

Утром, прощаясь с подводниками, мы узнали, что они получили новое задание. Летняя пора на Балтике — самая горячая.

В подводном «кинотеатре».

За тридцать ЗЕМЕЛЬ

Рассказ

Евгений ВОРОБЬЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Трудно представить себе двух людей, менее похожих друг на друга.

Снегирев черноволос, с взлохмаченным чубом, с мохнатыми бровями. Ему все время приходится приглаживать усы, иначе они лезут в рот. Мускулистой, в мелких морщинках шее неуютно в белоснежном воротничке. Снегирев чаще, чем это полагалось бы в такой торжественный вечер, на виду у всего зала трогает темными негнувшимися пальцами накрахмаленный воротничок и этот чертов галстук. Зачем их только кроют из шелка — скользит, как уж!

У Квятковского гладкие, совсем светлые волосы, делающие незаметной седину; пробор приходится над переносицей. Глаза освещают веселым светом лицо в едва заметных оспенных отметинах. Галстук у него бантиком, и этот бантик мешает Снегиреву представить себе нового знакомого у мартена. Такие галстуки Снегирев видел только у артистов-гастролеров и у официантов в одном московском ресторане, где меню напечатано на нескольких языках.

Но есть во внешности Снегирева и Квятковского приметы, которые сразу выдают сталеваров. У обоих стойкий коричневый румянец; кожу на скулах припекло, и такие же коричневатые пятнышки обосновались на кончиках носов. Кожа многократно обожжена и выдублена на горячих сквозняках: сто раз на дню лицо бывает смочено потом и сто раз высушено досуха знойным дыханием печи.

Оба, не щурясь, поглядывают на яркую люстру — вот так сталевары умеют смотреть на солнце.

Трудно сказать, на чьих руках — Снегирева или Квятковского — истрепалось за жизнь больше асбестовых и брезентовых рукавиц. Но видно по всему, что оба варят сталь не первый десяток лет. Они поняли это, как только взглянули друг на друга и пожали руки.

Вечер в честь польской делегации прошел

очень торжественно. При открытии оркестр Дворца металлургов исполнил государственные гимны — польский и наш. Дирижер самодеятельного оркестра Тигран Вартанович, заведующий лабораторией мартеновского цеха, срочно оркестровал и разучил гимн «Еще Польска не сгинела». Гимн прозвучал с неожиданной восточной интонацией, может быть, потому, что сам Тигран Вартанович играл в оркестре на зурне.

Прошла трудная немота первых минут знакомства, и Снегирев уже удивлялся тому, как быстро они научились понимать друг друга. «Правда, у меня после этой беседы руки будут болеть, зато наговорились досыта».

Снегирев важно познакомил с Квятковским цеховых приятелей. Подошел подручный сталевара ночной смены Шеремет, веселоглазый, смуглолицый, стриженный под «бокс», что еще больше делало его похожим на запряженного спортсмена. С ним вместе подошла лаборантка Любочка Голубничая. Квятковский галантно, как у них принято, когда знакомятся с дамой, поцеловал ей руку; он принял Любочку за жену Шеремета.

Любочка вспыхнула, но Квятковский уловил в ее взгляде, обращенном к Шеремету, не столько растерянность и неловкость, сколько тайный восторг.

Любочка отошла. Квятковский проводил внимательным взглядом ее стройную фигуру: чем-то Любочка напомнила ему Констанцию...

— Никак не наговоритесь? — пробасил мимоходом директор завода Осадчий. — Взял бы, Сергей Герасимович, да и пригласил гостя к себе домой. Или не догадался?

Снегирев тут же пригласил Квятковского завтра вечером отведать хлеба-соли. Гость в знак благодарности церемонно приложил руку к груди и пригладил блестящие волосы, которые и без того лежали безупречно, разделенные посерединке пробором.

Снегирев знал, что польского сталевара зовут Чеслав. А отчество? По отчеству у них в Польше не называют. Как же быть? Все-таки надо узнать, как звали отца. Отца звали Яном. — Значит, по-нашему, Вячеслав Иванович? — Проще, пожалуйста! — Так в святцы и запишем...

Хозяйка дома Татьяна Терентьевна готовилась к ужину, когда раздался резкий звонок. Приехал Еланский, один из заместителей директора завода.

Он был свысока любезен. Лицо Еланского по обыкновению выражало вежливую осмысленность. Он всегда боялся в чем-то ошибиться, и, даже когда здоровался за руку, казалось, что он это делает лишь из предосторожности.

Еланский замялся, не решаясь объяснить цель своего визита.

— Сами понимаете, дорогие товарищи... Момент очень ответственный...

— А в чем дело? — робко осведомился Снегирев.

— Все-таки я отвечаю за делегацию. А вы, не согласовав ни с кем... Не выяснив соответствующее мнение на этот счет... В частности, меню, сервировка стола...

— Стол наш не нравится? — воинственно прищурилась Татьяна Терентьевна.

— Нет, почему же... Но, сами понимаете, если требуется... Можно доставить сервиз. На любое число персон...

— Что еще за персоны?

— Так говорится. — Еланский надул щеки и погладил слоеный подбородок. — Вопросы внешней политики требуют, чтобы...

— Какая тут еще политика? — перебила Татьяна Терентьевна. — Рабочие люди собрались о жизни поговорить, поужинать.

Еланский заметил, что руки у Татьяны Терентьевны в муке. Глаза его потеплели.

— Пельмени?

— Человек на Урал приехал. И чтобы настоящих пельменей не отведать?!

— А квартирка у вас подходящая, — все больше оттаивал Еланский. — Правда, есть еще один момент — мебель. Может, кресла завезти понаряднее?

— Мы со своих стульев не падаем.

— Разрешите ознакомиться, поскольку, сами понимаете... — Еланский распахнул дверь из столовой и несколько бесцеремонно начал обход квартиры.

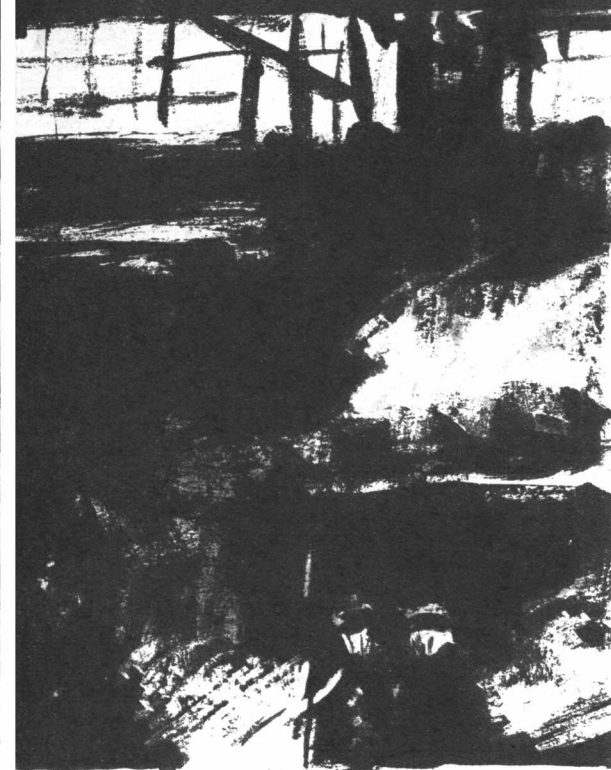
На кухне Еланский увидел в углу икону и поморщился, как от боли:

— Вот видите!

Снегирев виновато почесал затылок.

— А нельзя ли, дорогие товарищи, это наглядное пособие временно... Полотенцем, что ли, завесить...

— Это старушки, матери Сергея Герасимовича, икона, — отрезала Татьяна Терентьевна и принялась отряхивать муку с рук. — Николай-чудотворец. Разве за границей нету набожных? А может, у гостя нашего все семейство в церковь ходит?

— Вы имеете в виду костел? Этот момент мне неизвестен. Воля ваша, но, поскольку вопрос международный, я бы все-таки...

Как всегда, когда следовало высказать какое-то определенное суждение, Еланский не договорил до конца.

Уже собираясь уходить, он сказал:

— Вообще говоря, мероприятие подготовлено хорошо. Но, — Еланский кивнул в сторону кухни, — отдельные моменты еще хромают...

Татьяна Терентьевна встретила гостя с искренним радушием и без всякой суетливости. Ужин она соорудила на славу; дети, Сергей и она сама принарядились; в квартире ни соринки, ни пылинки. Чего же еще?

— Милости прошу, Вячеслав Иванович, в наш шалаш!

Машину, на которой приехал гость, отпустили. К чему зря морозить шофера? Пусть приезжает часов в десять.

Квятковский и Снегирев долго и увесисто хлопали друг друга по спине и по плечам, прежде чем подошли к столу.

— Хочешь быть сыт — садись подле хозяйки. — Снегирев сделал широкий приглашающий жест. — Хочешь быть пьян — садись подле хозяйки.

— Але можно нейтрально?

Квятковский заговорщицки подмигнул детям и уселся между хозяином и хозяйкой.

Снегирев сразу оживился, потянулся к графинчику и тут же осведомился, пьет ли гость водку, на что тот ответил, что, поскольку водка жидкая, он ее пьет. Все рассмеялись, а громче всех дети, обещавшие сидеть чинно и тихо.

Гость не устал повторять свое «бардзо добже» и не отказывался от добавок, а Татьяна Терентьевна тем временем рассказывала о пельменях, которые изготавливают в Москве на мясокомбинате. Разве это пельмени? Только сибиряков и уральцев срамят! Пленка из теста должна быть тоненькая-тоненькая. Видите, как фарш просвечивает? Но чтобы, не дай бог, из фарша не вытек сок, в этом соке весь вкус. И чтобы лук был свежий. И чтобы черный перец. А к замороженной говядине свиной добавить. И не в мясорубке молоть, а рубить мясо ножом полагается.

Гость одобритительно кивал, а хозяин устало отмахивался — не впервые ему было слышать эту лекцию.

— Да что ты, жена, на московские пельмени так злобишься? Тебе-то какая забота?

— Вот тебе и раз! В Москву всякие делегации приезжают. Даже из тропических стран. Где бананы или орехи вместо хлеба едят. Конечно, все заграничные гости спешат пельмени откусывать. А им суют какие-то склеенные клецки.

— Да откуда ты, жена, про московские пельмени знаешь? Ты же в Москве сроду не была!

— В газетах писали. Целую рецензию на пельмени напечатали.

Гость заинтересованно поднял брови: «То добже!»

Татьяна Терентьевна извинилась, что не приготовила судака по-польски. Но у них на Голубом озере судак не водится. Она выяснила это у заводских рыбаков; все свои выходные дни они мерзнут у прорубей.

— Судак по-польски? — Гость поднял брови еще выше.

Татьяна Терентьевна объяснила: ну, там с картошечкой, с маслом, с крошеным крутым яйцом.

Гость недоуменно пожал плечами: в Польше так рыбу не готовят. А как называется это смачное блюдо? Винегрет? У них такого блюда тоже нет. Да, да, конечно, с русской горчицей нужно быть поосторожней. Он уже научен — горький оказался опыт! Не такую горчицу подают к столу в других странах. Ту можно и чайными ложечками есть — не прослезиться...

Гость достал из кармана и протянул хозяйке семейную фотографию: он, жена, милотвидная блондинка с фигурой, как у барышни, двое детей — девочка лет восьми с завитыми волосами и мальчонка лет шести, гладко причесанный, с пробором посерединке, как у отца. «Вот ведь какое совпадение! — отметила про себя Татьяна Терентьевна. — И у меня с Сережей двое ребят — девочка да мальчик!»

Татьяна Терентьевна долго вглядывалась в фотографию, конечно, придирчивее всего к жене гостя.

Все чужое в этой польке: и платье не нашего покроя, с узкой, в рюмочку, талией; и прическа, каких у нас не носят, с зазорной челкой на лбу. А ведь тоже жена сталева! Шикарная дамочка, а так же стирает, наверно, мужу рубаху после смены — даже крупинки соли выступают на этих пропотевших сталевазовых рубахах. Вода после стирки ржавая-ржавая. А потом совсем так же, наверно, сушит белье, оберегает его от копоты. И, наверно, так же ловко латает дырки в спецовке и белье; брызги стали скатываются, а брызги шлака прилипают к материи, от шлака ожоги чаще... И так же цыкает, наверно, на детей, когда отец отсыпается после ночной — ну, никак утром нет на детей утомону! И так же, у нее, наверно, на душе кошки скребут, когда муж на заводе задерживается. Все-таки не на огороде — у огня хлопочет: долго ли до беды в их опасном ремесле...

Милая незнакомка, с челкой, закрывающей лоб, и по-девичьи узкой талией, вдруг стала по-родственному близка Татьяне Терентьевне, и она уже знала, что ее так сроднило с этой полькой: общие заботы и хлопоты, тревоги и волнения, которые выпадают на долю всех жен сталевазов, на каких бы языках они ни разговаривали и где бы их мужья ни варили сталь.

И приливом нежданной нежности прониклась Татьяна Терентьевна к Констанции: вот и глаза у нее совсем усталые.

Перед тем как спрятать в бумажник фотографию, гость всмотрелся в нее еще раз.

— Как говорится по-русски, — он пощелкал пальцами, подыскивая слова, — за три земли, и еще за девять земель.

— За тридцать земель, — поправил Снегирев.

— Вот-вот! — обрадовался гость. — Я запомнял.

Кто бы мог подумать, что «запомнял» в переводе на русский значит забыл, а не запомнил!

Сергей Герасимович тянулся к стопочке усерднее, чем обычно, а гость от него никак не отставал.

Неожиданно гость затанул высоким и чуть сипловатым голосом, навсегда сорванным в мартене, где вечно приходится перекикивать всеобщий грохот, популярную уже и в России песню «Шла девчечка из лясечка...»

Дети уже давно отправились спать, когда в комнате раздался приглушенный детский плач. Гость обернулся на дверь — ему показалось, что в комнату внесли грудного младенца. Сергей Герасимович ухмыльнулся в усы и показал на стенку:

— Ничего не поделаешь, такая звуководность в доме! На эту тему даже куплеты сочинили, клоун их в городском цирке распевает:

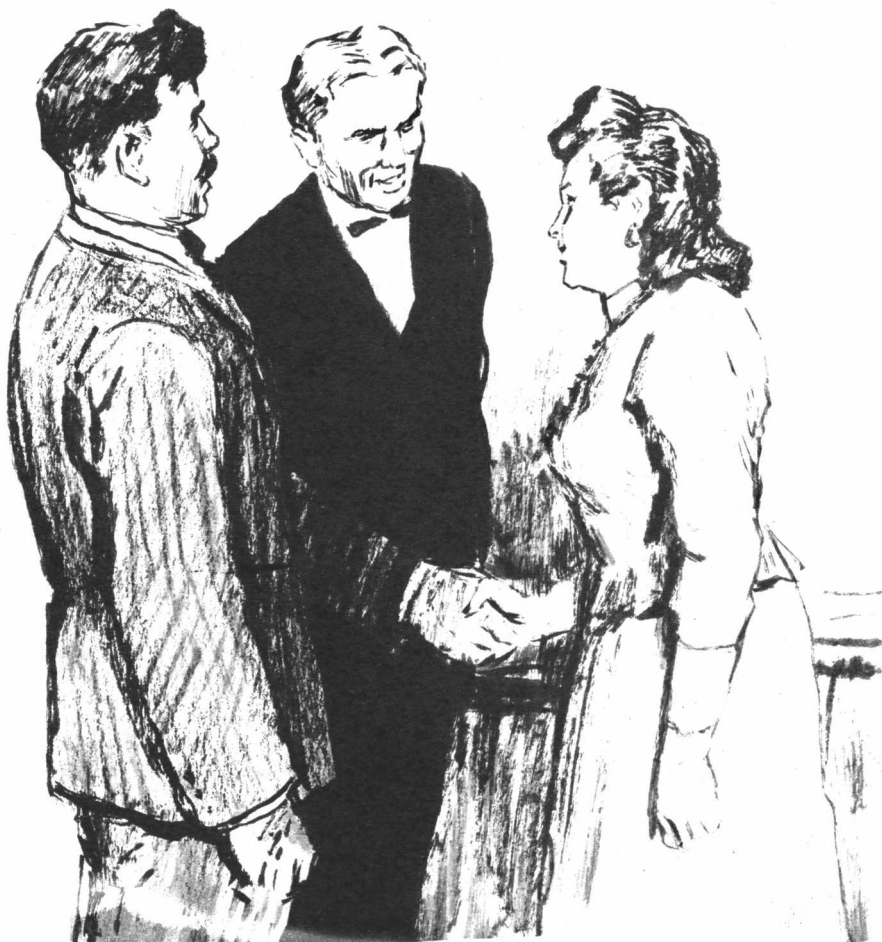
Стены в доме тоньше ситца —
Слышно, что соседке снится.
Прибивал сосед картину —
Угодил гвоздем мне в спину!..

Гость вдосталь, с удовольствием посмеялся, затем сразу помрачнел и сообщил, что у них, в Силезии, тоже не всегда дома хорошо строят. Один дом построили с такими узкими лестницами, что в новую квартиру нельзя было внести шкаф и пианино. Пришлось эту мебель через окно на четвертый этаж затаскивать! Татьяна Терентьевна даже руками всплеснула от сердитого удивления. Выходит, не только у них, в Каменногорске, есть неразумные архитекторы.

Заслышав плач младенца за стеной, гость заговорил вполголоса, прикладывая палец к губам. Не он ли своим ужасным пением разбудил ребенка?

Татьяне Терентьевне понравилось, что гость носит обручальное кольцо, и она пожалела, что у них с Сережей нет таких колец. А гость к слову сообщил, что у них, в Польше, стариков, которые отмечают свою золотую свадьбу, даже награждают орденами. Он с Констанцией тоже надеется отпраздновать золотую свадьбу, но, конечно, тот орден не должен быть единственным за всю жизнь. У рабочего человека слава под мозолями лежит. Не правда ли? Гость, возможно, и не решился бы этого сказать, если бы не видел Сергиуша Герасимовича на торжественном вечере при наградах.

В самый разгар веселья раздался звонок; за гостем пришла машина. А ему явно не хотелось сейчас уезжать! Ехать в мороз чуть ли не за сорок километров в дом отдыха на Голубом озере — в том доме разместились делегация! Может, гость здесь заночует? И комната отдельная к его услугам. Все равно утром

делегация приедет для беседы с директором завода и на экскурсию. Пусть шофер позвонит из гаража в дом отдыха: Квятковский сегодня не приедет. И не придется гнать машину к Голубому озеру и обратно.

Шофер отправился восвояси. Как удачно, что у Снегирева завтра выходной!

Татьяна Терентьевна постелила гостю постель. Сергей Герасимович отстегнул ненавистный пристежной воротничок и отдышал от ужа-галстука, когда раздался новый звонок.

— Кого это нелегкая несет в такой поздний час?

Сергей Герасимович вернулся из передней встревоженный.

— Посыльный из цеха. Галлиулин захворал. Сталь варить некому. Просят выйти в ночь.

Вот когда Татьяна Терентьевна всполошилась не на шутку.

— Как же ты, Сереженька? После такого ужина...

— В дороге остыну. Мороз обнимет — весь хмель испарится...

— А кто у Галлиулина подручным? С кем тебе у печи хлопотать?

— В том-то и дело! — Сергей Герасимович вздохнул. — Шеремет, он на стадионе мастер, а в мартене еле-еле подмастерье...

Гость все понял. Он принялся щелкать пальцами, подбирая слова, показал на свои ладони и потер их так, словно у него руки чесались, достал пропуск на завод. То и дело слышалось: «бардзо про́шу», «працо́вать», «Сергиуш Герасимович».

Вот было бы здорово — поработать с Вячеславом Ивановичем! Но, может, это неудобно? Что скажет Еланский? А наплевать! Пропуск у гостя круглосуточный, чего же еще?

— А самочувствие позволяет? — осторожно осведомился Снегирев, косясь на пустой графин.

— Здоров, как рыба! Клянусь христовыми ранами!..

Снегирев вопросительно поглядел на жену. — Ступайте вдвоем, — распорядилась Татьяна Терентьевна, подумав. — Пусть Василь Васильич решает, на то он и начальник.

Квятковский прошел на кухню, подставил голову под холодный кран, затем заново причесался на прямой пробор. Татьяна Терентьевна достала ему спецовку. Квятковский быстро и с удовольствием переоделся. Холщовая куртка, которая Сереже была впору, гостю оказалась тесноватой в плечах. Пока на нем был модный мешковатый пиджак и галстук бабочкой, незаметно было, что гость — такой плечистый мужчина.

Перед тем как отправиться на завод, гость перекрестился на бабушкину икону — видимо, он всегда перед работой так делал.

Уже на лестнице Квятковский прищелкнул пальцами и произнес «пельмени» так, будто в слове этом было четыре мягких знака.

После такого ужина пройтись по морозцу пешком было не только приятно, но и совершенно необходимо. Кто же знал, что придется спешить на завод?

Они долго шли по бульвару, пересекли просторный сквер с фонтаном, занесенным снегом. Чернели стволы тополей, лип и еще каких-то деревьев, которым гость не знал названия — пойдя разберись, когда деревья без листьев, а их верхушки лишь смутно угадываются в белой мгле. У них, в Силезии, старые заводы стоят стена к стене с жилыми домами. Ну куда это годится? От его дома в Сиротском переулке до мартена рукой подать. Хорошенькое наследство оставили капиталисты, чтоб не увидеть им царствия небесного! Над головой всегда дымное небо. Констанция жалуется: даже при закрытых окнах нельзя повесить белые занавески. Угольная пыль проникает через все щели. Или эта пыль пролетает сквозь стекло? О том, чтобы развесить во дворе белье после стирки, и думать нечего — высохнет уже грязное. Черепица на их крыше была когда-то морковного цвета, а стала черная. Хорошо, что новые заводы и поселки у них строят, как в Советском Союзе: подалее друг от друга. И озеленяют поселки тоже, как в Советском Союзе: взрослые, можно даже сказать пожилые, деревья пересаживают.

— Сады садами, — Снегирев нахмурил мохнатые брови, — а копоты в Каменногорске хва-

тает. Весной снежный сугроб лопатой разрезать — весь черный, в белых прослойках. Можно подсчитать, сколько за зиму снегопадов было. А весной, когда растает, земли под сажей не видно.

Квятковский развел руками. Что же поделаешь, такая у металлургов планида, никуда от копоты не спрячешься!..

— Нужно больше о дыме печалиться, — сказал Снегирев строго. — Ловить копоты! Здоровее будет. Чище. Красивее. И выгоднее. Тут ученые еще подводят нашего брата, и сильно подводят! Вся их наука в трубу вылетает...

— Наши гутники теж обижены...

— Чтобы не умили дым поймать! Вроде архитекторов, которые плохие дома сочиняют. Выходит, Вячеслав Иванович, нам не только достижениями делиться следует. И от ошибок друг дружку остерегать.

— Имеешь правду в своих словах...

Чем ближе они подходили к заводу, тем светлее становилось вокруг. Розово-багрово-оранжевые облака, озаренные с исподу, висели совсем низко, перекрашивая на свой лад снег на крышах и верхушки деревьев.

Темноте навечно отказано в пропуске на металлургический завод. Ночь напролет не прекращается волшебная игра света и тьмы. Там можно увидеть величественную картину рождения металла и первых минут его жизни.

Одна из доменных печей выдавала плавку, и багровые отсветы подрагивали на стеклах проходной, на ее перилах, отполированных миллионами рук, на утопанном до блеска снегу.

Сталевары поднялись на мост для пешеходов, перекинутый через железнодорожные пути. Под мостом сновали паровозы. По снегу шастали оранжевые, пунцовые, багровые пятна, поблескивали разноцветные рельсы и, под стать переменчивому освещению, окрашивались ключья пара и дыма, когда они пронеслись мимо раскрытых паровозных топок.

Снегирев простер руку к дымному серо-розовому небу. Оно было сейчас совсем низко, в него упирались трубы мартеновского цеха.

— Раз, два, три, четыре, пять. — Снегирев, тыча в небо пальцем, пересчитал слева направо трубы, стоящие в ряд. — Пятая печка моя...

Чем ближе подходили к цеховой конторе, тем больше робел Снегирев.

«Может, я промашку сделал, что завлек гостя на завод? Ему спать ночью полагается, а не работать. Тем более депутат Польского сейма. Да еще неизвестно, от какой партии».

Но начальник ночной смены Василь Васильич не возражал против того, чтобы гость поработал смену вместе со Снегиревым. Пусть попотеет, если есть такое желание. Тем более человек, по всему виду, опытный.

Снегирев достал Квятковскому войлочную шляпу, всю в рыжих ожогах и подпалинах, с обугленным ворсом. К шляпе наподобие козырька были прикреплены синие очки. Стоило чуть надвинуть шляпу на лоб, чтобы можно было пристально всматриваться в кипящую сталь.

Он работал сегодня с каким-то веселым иступлением. Удивительно быстро освоился Квятковский в этом цехе, где трезвонят краны и завалочные машины, где гудят паровозные гудки. Мощные паровозы с груды навывкате чувствуют себя под крышей мартена вольготнее, как под сводами вокзала. Впрочем, какое дело гостю до всего цеха? Его дело — помогать Сергиушу Герасимовичу у печи: она неотрывно смотрит на него, на Квятковского, пятью огненными окнами-зрачками.

В каждом движении Квятковского чувствовалась повадка истинного сталевара. Вот он вслед за Снегиревым подходит к окну мартена с лопатой. Руки уже отведены в сторону для сильного взмаха. Резкое движение, идущее от плеча, лопата взметнулась, и магнетизм летит в печь. Лицо Квятковского закрыто локтевым сгибом. Рука, держащая уже пустую лопату, расслабляется плавным, изящным жестом. Только что на рябоватом лице Квятковского блеснули капельки пота, но они испарились мгновенно, когда он подступил к огнедышащему окну и сделал швырок лопатой.

Квятковский с удовольствием слушал властный голос Снегирева. Здесь, у печи, того словно подменили. Куда делась его домашняя сговорчивость, уступчивость?

А Снегирев сразу признал в Квятковском от-

личного сталевара. Этой ночью Снегирев чаше уступал гостю право старшего и добровольно брал на себя обязанности первого подручного, чтобы тем самым подчеркнуть — они варят сталь на равных. Они ведут плавку вдвоем, никому из них не зазорно стать подручным у другого.

Найти общий язык у печи оказалось еще легче, чем за столом. Хорошо, что названия металлов не нуждаются в переводе!

Второй подручный, Шеремет, уже несколько раз зачерпнул пробу ложкой, похожей на поварешку с длинной-предлинной рукояткой. И уже несколько раз у печи появлялась Любочка Голубничая в синем халате, чуть-чуть более коротком, чем халаты девушек, которых природа не наделила столь стройными ногами.

Квятковский улыбнулся ей, как старой знакомой. В ее карих глазах все время мерцали золотые искорки. Нос слегка вздернут, словно Любочка совсем было решила стать курносой, но в самый последний момент передумала. Волосы выбивались из-под маленькой косынки. От волос, просвеченных насквозь, исходило сияние — голова была, как в блестящем ореоле. Волосы у Любочки такие: еще самая малость, и ее можно было бы назвать рыженькой. Или волосы попросту позолотило огнем? Квятковский улыбнулся вздорной придумке: может, создатель капнул каплю золота в таз, когда она мыла голову, и волосы сохранили этот червонный отблеск навсегда.

— У вас разве экспресс-лаборатория? — поддразнивал Шеремет. — Какая-то шарара! «Максим-лаборатория»!

— Что мы, сложа руки сидим? Недоволен — сам мог пробу принести. Пока еще не министр!

— Есть у меня время на беготню!

Шеремет осторожно наливал ложкой сталь в пробный стаканчик. При этом сталь слегка расплескалась. Золотые кляксы огня быстро темнели.

— Разве не видишь? — Шеремет поднял на Любочку жизнелюбивые, со смешинкой глаза. — У меня уже и так дым из ушей идет. И пар с загривка...

Любочка расхохоталась, показав все зубы.

— Огнетушитель надо носить с собой.

Шеремет соскреб ломиком наплывы стали, прилипшие к настилу, и только тогда ответил: — Из-за вашей лаборатории я скоро на пенсию выйду.

— Ничто не старит так, как возраст.

— Не по возрасту, — уточнил Шеремет. — По инвалидности пенсию выпишут. А кто виноват? Только вывеска у вас — экспресс. Черепашка на побегушках!

— А тебе только с черепахой и знаться. Еще неизвестно, кто из вас более толстокожий. — Ну и характер у тебя, Любочка! Никак в анализ не попаду!

— Твой анализ через три минуты поспеет, — перевела разговор Любочка. — Звони насчет хрома!

Она ухватила клещами пробный стаканчик и унеслась на своих легких, длинных ногах.

Шеремет, заложив руки в карманы, смотрел ей вслед. Любочка обернулась на ходу:

— Если вздумаешь искать свои руки — они у тебя в карманах! Не надорвись на работе! Молодым людям было так весело, что слова сами собой начинали смеяться, едва попадали к ним на губы.

«Сам мог пробу принести!» — ворчала Любочка, когда ей хотелось сказать: «Петенька, милый! Как я соскучилась!..»

«Есть у меня время на беготню к тебе!» — отругивался Шеремет, а самому не терпелось признаться: «Ах, Любочка, было бы время — давно прибежал бы повидаться!»

Взаимоотношения молодых людей вступили в ту пору, когда достаточно легкого толчка извне, чтобы они решились признаться себе в самом важном, осмелились сказать друг другу единственные и самые необходимые им обоим слова.

Квятковский почти ничего не понял и не услышал из их перебранки у печи, да ему некогда и незачем было прислушиваться. Но он видел глаза молодых людей, их улыбки.

Квятковский дружески подтолкнул в бок Шеремета, показал глазами на Любочку, которая уже отошла от печи, и сказал:

— Пани бардзо ладна, сановна!
— Характер у нее бардзо трудный, — вздохнул Шеремет. — Много кремния в характере. — И, опасаясь, что поляк не поймет, добавил: — Кремний, или, выражаясь по-латыни, силиций.

Квятковский рассмеялся и поглядел вслед девушке; она торопливо шла мимо соседней печи, пламя расцветило ее халат мечущимися пунцово-рыжими пятнами. Любочка снова напонила Квятковскому его Констанцию. Может быть, походкой? Есть такие девушки: ходят в тапочках, а похоже, что они на французских каблучках.

Снегиреву очень хотелось, чтобы сталь попела в их смену, чтобы они с Вячеславом Ивановичем успели выдать плавку. Приближался конец смены, и возрастало напряжение у печи.

Шеремет снова и снова бросался в аппаратную, к телефону, и допытывался у Любочки: «Как хром? Как марганец? Как углерод?»

Когда наконец сталь полилась упругим, слепящим потоком в ковш, Снегирев и Квятковский стояли совсем близко от желоба — воздух обжигал легкие, лица были высушены огнем.

— Ну как, коллега? Вшисто в пожондку? — За ночь познания Снегирева в польском языке намного обогатились.

— На сто два! — заверил Квятковский и выразительно поднял большой палец.

Снегирев уже знал: это что-то вроде нашей пятерки с плюсом...

Подождал Шеремет; он утерся рукавом, отчего смуглое лицо его стало еще грязнее, и возвестил:

— Ночная смена прошла в дружественной обстановке, в атмосфере полного взаимопонимания и доверия!..

Сталевары смыли под душем пот, копать и усталость минувшей ночи.

Снегирев не успел совладать с чубом, как повелительным стуком его вызвали из душевой.

Еланский метался по коридорчику. Ни один мускул его одутловатого лица не оставался спокойным, когда он заговорил со Снегиревым:

— Вы, дорогой товарищ, отдаете себе отчет в поступках?

Снегирев вопрошающе посмотрел на него.

— Это же мальчишество! Неужели не понятно, что...

— Что именно? — Снегирев обеспокоенно пригладил взлохмаченный чуб.

— Целый ряд моментов. Ну, зачем гость остался у вас ночевать? — Еланский говорил свистящим шепотом, он боялся, что услышит Квятковский.

— Ничего плохого не вижу. Комната отдельная. У нас, знаете, диван какой? Лучше всякой кровати. Пружины из рессорной стали.

— Ну ладно, засиделись за ужином, заночевал гость. Уже один нежелательный момент имеется. А на завод для чего вы его, дорогой товарищ, притащили?

— Попросился. Зачем же обижать человека? Рабочая душа! И Василь Васильич одобрил.

— Много он понимает в международной политике!

— Да ведь мартен здесь, товарищ Еланский, а не Генеральная Ассамблея.

— Член делегации — и вдруг в самом пекле! Есть еще один ответственный момент. — Еланский опасливо посмотрел в сторону душевой. — Квятковский — депутат Польского сейма, и сами понимаете...

— Чтобы сейм запретил сталевару сталь варить? — Снегирев повысил голос. — Не поверю! Наш Петрович тоже в Верховном Совете заседает. А у печки своей загорает лучше, чем на пляже!..

— Смотрите, дорогой товарищ, как бы...

Снегирев беззлобно, даже добродушно отмахнулся от Еланского и вернулся в душевую: надо же все-таки причесться перед зеркалом...

Народ из ночной смены узнал о необычной плавке, и сталевары, подручные, крановщики, разлишники, машинисты завалочных машин наведались в красный уголок: всем хотелось познакомиться с гостем из Польши. Пришел Тигран Вартанович, пришел и Шеремет, споря о чем-то на ходу с Любочкой Голубничей.

Начали припоминать: кто-то из цеховых но-

сил планку с ленточками польских наград. Так это же Багрянцев с одиннадцатого мартена! Он воевал у Рокоссовского на Первом Белорусском фронте. Их дивизия освобождала Ченстохову, там есть металлургический завод. Не из той ли местности наш гость? Нет, гость из Силезии.

— А студенты? — Шеремет хлопнул себя ладонью по коротко стриженному затылку. — Летом приезжали на практику. Помнится, они на завод Костюшко потом собирались.

Не там ли гость варит сталь? Нет, завод Костюшко в Хожуве. А гость живет и работает в Новом Бытоме, и называется его завод «Покуй», что в переводе на русский значит «Мир».

Шеремет снова хлопнул себя по затылку.

— Надо позвать с канавы Лукиных. Забыли разве? Он же с нашей делегацией в Польшу ездил!

Лукиных разливал сталь в изложницы и прийти не мог, но выяснилось, что он был на польском заводе «Бобрек».

Квятковский снова отрицательно покачал головой.

— Никак общего языка не найдем, — огорчился Шеремет.

— Как же не найдем? — рассмеялся Василь Васильич. — Уже нашли общий язык. Даже скоростную плавку выдали. Без всякого переводчика.

Тигран Вартанович не удержался, выступил вперед и сказал торжественно:

— Восточная пословица говорит: «От хвороста, собранного сообща, пламя костра всегда бывает выше». Потому сегодня такую плавку выдали! Пускай наша дружба никогда не ржавеет. Зачем ржавчина? Как эта сталь! Замечательный анализ!

Высказавшись, Тигран Вартанович простер перед собой руки так, словно собрался дирижировать невидимым оркестром. Ах, как ему не доставало сейчас музыки! Неужели они раз-

учили польский гимн, чтобы сыграть его единственный раз тогда, во Дворце металлургов?

— Понимаю, бардзо понимаю!

Квятковский прочувствованно прижал руку к груди и поклонился. Он сказал, что, когда их делегация ехала в Каменногорск, все перевели стрелки на четыре часа вперед, с варшавского на уральское время. Значит, он тогда постарел на четыре часа. А сейчас, после ночной смены, чувствует себя помолодевшим на много лет!

Еланский, не переставая, ерзал на скамейке и бубнил Снегиреву в ухо:

— Подвели вы меня!.. Хворост какой-то вытащили!.. Сами понимаете, дорогой товарищ, что...

При этом Еланский то хмурился, то суетливо и беспомощно улыбался. Снегирев был очень доволен, когда Еланский, встревоженный, ушел.

Гость сходил в раздевалку, где висело пальто, вернулся в красный уголок со сверточком и развернул его. Запестрел большой цветастый платок вычурного и смелого рисунка. Любочка видела такие яркие, оригинальные платки на плечах делегатов Всемирного фестиваля. Сама она на фестивале не была, а тех девушек с платками видела на экране.

Гость достал перочинный нож, сложил платок углом и разрезал его по диагонали; образовались две косынки. Одну косынку он, подобно пионерскому галстуку, повязал на шею Любочке, а другой косынкой заарканил Шеремета. Затем он подтолкнул молодых людей поближе друг к другу и связал концы обеих косынок в узел, так что Любочка и Шеремет оказались лицом к лицу. Щеки их залило таким жарким румянцем, будто оба снова очутились у самого мартена, когда открыты его слепящие окна и время брать пробу.

Любочка принялась было дрожащими пальцами распутывать узел, но шелк ее не слушался, и гость поспешил девушке на помощь. При

этом он сказал, что платок по-настоящему красив только тогда, когда части его живут не разрозненно, а сообща. Хорошо бы хустечку, то есть платок, сшить заново, пусть эти косынки вновь соединятся!

Гости поняли, и слова его встретили всеобщим веселым одобрением. Кто-то зааплодировал, кто-то неожиданно закричал «горько». И тогда Любочка и Шеремет, те самые молодые люди, которые вечно спорили, препирались и ссорились между собой на виду у всего цеха, совершенно неожиданно расцеловались и в обнимку, словно узел, соединявший концы двух косынок, так и не был развязан, убежали из красного уголка.

Все это походило на помолвку, на объяснение в любви, прозвучавшее во всеуслышание, но не потерявшее от этого своей прелестью и стыдливой интимности, чистоты, робости.

И по тому, как молодые люди счастливо смутились и убежали, Квятковский понял: быть этой стройной золотоволосой девушке женой сталевара! А разве это плохая партия для девушки? Констанция, та никогда не жалуется, по крайней мере вслух.

Только человек, который ночь напролет проработал, обливаясь потом, у печи, в знойном чаду, в полной мере наслаждается чистым морозным воздухом. Замоороженные облачка дыма улетучиваются, пронизанные солнечным светом, одно за другим, одно за другим. Человек не просто дышит, как все другие. Он жадно лакомится каждым глотком этого благословенного воздуха.

Квятковский и Снегирев шагали из цеха в заводоуправление, не торопясь, с удовольствием ступая по выпавшему ночью снегу, слыша его скрип под ногами, глядя (по профессиональной привычке не шурясь) на его искрящуюся белизну.

Глаза Квятковского западали от утомления, но они были полны веселого синего блеска; он с удовольствием оглядывался вокруг, заново привыкая к ярким краскам солнечного утра. Ведь он проходил здесь в темноте, он видел лишь зарницы и сполохи бессонного завода.

А сейчас он впервые видит величественную панораму завода — работы и богатства.

Утро выдалось безветренное, и все дымы, дымки, дымочки — от едва заметных, почти лишенных цвета, до черных, отягощенных копотью, — подымались прямо вверх, в голубое небо, смешиваясь вместе и грязня его. Густые клубы пара почти сверхъестественной, первозданной белизны таяли, не успев обогнать дымы в этом всеобщем стремлении ввысь.

Квятковский уже несколько раз оглядывался назад, на мартен.

Алые, фиолетовые, рыжие факелы огня то и дело возникали над трубами, на фоне загрязненного неба...

Ну, а Снегирев, тот не глазел по сторонам вовсе: ему давным-давно все знакомо.

Он увидел впереди Любочку и Шеремета; те поднимались на мост. Молодые люди шли, не разнимая рук, держась друг за друга, будто им под ноги ложились ступеньки более скользкие, чем под ноги всех других пешеходов.

«Как же это я проглядел жениха и невесту? — недоумевал Снегирев, глядя вслед молодым людям. — Ругались все время Шеремет с Любочкой, переругивались. Что же оказалось? Влюбленные! Вячеслав Иванович сразу приметил!»

А все дело было в том, что гость не слышал всегдашних колкостей, которыми обменивались молодые люди. Он не слышал, как Любочка громогласно твердила «нет», когда ее глаза говорили «да». Плохое знание языка помогло гостю увидеть лишь веселую игру взглядов, услышать лукавый язык улыбок. И не было ни одной улыбки невольной...

Сталевары остановились, пропуская состав со слитками стали. Сизый воздух струился над составом. Слитки были подобны огромным китайским фонарям, обтянутым оранжевой бумагой, — ребра слитков потемнели, их уже покрывала чернота остывания.

Слитки ехали, растапливая транзитным жаром снег на горячих путях. Всю длинную зиму на этих путях снегу суждено таять, а лужам — смерзаться и оттаивать вновь.

Когда состав со слитками наконец прошел, Снегирев потерял из виду Любочку и Шеремета, но увидел на пешеходном мосту Еланского.

Тот быстро шел навстречу, балансируя руками.

— Где же вы, Сергей Герасимович, застряли в такой момент? — Голос Еланского осекался от одышки. — Товарищ Осадчий ждет. И вся делегация там... Вы ведь в герои дня попали. Именинники некоторым образом...

— Откуда вы знаете, когда у меня день ангела? — спросил Снегирев отчужденно.

— Конечно, именинники. — Еланский круто повернулся к Квятковскому и наскоро ему улыбнулся. — Сверхскоростная плавка! Но разве дело в рекорде? Идея замечательная! Плавка дружбы!

— Значит, понравилась идея? — ухмыльнулся Снегирев в заиндевшие усы.

— Идея мне сразу понравилась. — Еланский сделал вид, что не заметил иронии. — Только, сами понимаете, Сергей Герасимович... В каждом отдельном случае следует... А сейчас есть мнение широко осветить в печати. Международный момент!

Снегирев промолчал. Он замедлил шаг, чтобы отстать от Еланского, быстро шагнувшего, несмотря на одышку.

— Тогда я побегу вперед. Доложу товарищу Осадчему, что вы идете.

Снегирев молча кивнул.

— Только, пожалуйста, Сергей Герасимович, не задерживайтесь! А то вы меня опять подведете.

— Вас послушать — мы оба только о том и думаем, как бы вас подвести. Даже непонятно, когда успели стать сварить!

Еланский поежился и заторопился вперед, даже спина его выражала крайнюю озабоченность.

Перед тем как спуститься с моста, Квятковский еще раз всмотрелся в панораму, которая открывалась его взору.

В сотню труб дымил завод, копя и без того закопченное небо.

Квятковский отыскал глазами мартеновский цех и принялся старательно пересчитывать слева направо трубы мартена, те самые трубы, на которые указывал Снегирев ночью, идучи на работу.

— Еден, два, тши, чтере, пьеньч... Пьента печка — ваша, Сергиуш Герасимович!

— Наша печка, Вячеслав Иванович! — поправил Снегирев.

Квятковский согласно кивнул и, сузив зоркие глаза, еще раз по-хозяйски всмотрелся в бурый дымок над пятой трубой.

ИНДОНЕЗИЯ

ВЕСНОЙ 1958 ГОДА

Генрих БОРОВИК

Специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

«Победившие в битве буйволов»

Ровно через тридцать минут, как и обещал полковник Яни, четыре машины вышли из Паданга на север, по направлению к «столице» мятежников на Суматре — Букиттинги. Дорога все время идет, как по дну ущелья: с двух сторон стеной поднимаются джунгли. Приняты необходимые меры предосторожности: задние борта у машин откинuty, на них установлены пулеметы, боковые чехлы сняты, сзади на каждой машине стоит во весь рост солдат, возвышаясь над брезентовым верхом, и внимательно осматривает дорогу.

В нашей машине — пресса. Три иностранных корреспондента, два индонезийских кинооператора, наш общий руководитель капитан Муин и громадный веселый сержант из охраны, который, как потом выяснилось, оказался художником-моменталистом из Джокьякарты.

Капитан Муин знакомит нас.

— Это Юсуф, — говорит он. — Он высадился в Паданге вместе с десантом и отснял уже не один киловатт пленки. Он перестал бриться с тех пор, как мятежники объявили о создании своего «революционного правительства».

— В знак протеста! — смеется сержант.

— Бороду я сбрую в тот день, когда будет освобожден Букиттинги и мятеж разгромлен, — объясняет Юсуф.

— Ахмед — тоже кинооператор, — продолжает Муин.

— Его величество Ахмед, — с ехидцей поправляет Юсуф.

— Почему «его величество»? — спрашиваю я.

— Очень просто. Ахмед — отпрыск одной из древних феодальных фамилий. Поэтому мы все оказываем ему королевские почести: «Ваше величество, подвиньтесь, ваше величество, дайте локну».

«Его величество» Ахмед смеется вместе со всеми. Кто-то из корреспондентов замечает, что

аристократы теперь стали странные. На острове Бали, например, все «короли», а их там шесть, ходят в членах социалистической партии. Хотя странного ничего и нет: социалистическая партия Индонезии одна из самых реакционных.

Муин называет и мою фамилию. Юсуфу она кажется слишком трудной.

— Будем звать его Бубукин, — предлагает сержант. — Эту фамилию у нас все знают.

Ну что ж, Бубукин так Бубукин. Видно, наши футболисты, побывавшие недавно в Индонезии, оставили о себе хорошую память.

...Чем дальше от Паданга, тем пустышнее становится дорога. Безлюдны деревни. Жители ушли подальше от этого шоссе, по которому отступали войска мятежников.

Стоят диковинные, с огромными крутыми крышами дома. Жалобно мяучит кошка у крыльца. Ее забыли. От домов совсем нет тени: солнце стоит над самой головой; мы на экваторе.

— Это дома народа минангкабау, — поясняет капитан Муин. — Очень миролюбивый и спокойный народ. Минангкабау в переводе означает «победивший в битве буйволов». С этим связана целая легенда.

Все придвигаются поближе к Муину, чтобы послушать легенду, кроме веселого сержанта, которому положено смотреть вперед.

— Когда-то, в средние века, — рассказывает капитан, не отрывая взгляда от бегущей навстречу дороги, — в места, где жили минангкабау, пришли иноземные завоеватели. Основной «техники» тогда были буйволы и буйволицы, которых гнали на стан противника, и они топтали, разрушали все вокруг. Вроде танковой атаки. Стадо разъяренных животных могло уничтожить целую армию. А у минангкабау эта армия была небольшой. Обученных для битвы буйволов у них тоже не было. Тогда минангкабау пошли на хитрость. Они собрали со всей своей территории буйволят, несколько дней не подпускали их к матерям. А за это время сделали множест-

во металлических наконечников, которые и надели на головы животных. Когда иноземцы бросили на народ минангкабау своих разъяренных буйволов, минангкабау выпустили маленьких голодных буйволят. Те кинулись к большим животным, стараясь найти молоко, и металлическими наконечниками наносили им смертельные раны. Вот с тех пор и зовут этот народ «победившим в битве буйволов»...

У народа минангкабау до сих пор сохранился матриархат, — продолжает капитан Муин. — Землей владеет жена, наследство передается по женской линии, инициатива брака исходит от родителей девушки. На мужчине в семье лежит лишь забота о пропитании. Всем остальным управляет жена.

— В таком случае во всем мире — матриархат, — заметил веселый сержант.

— Хусейн пытался вербовать солдат из минангкабау, — продолжал Муин, — но это не принесло ему никакого успеха. Они отказывались драться. Хотя те же самые миролюбивые минангкабау — и мужчины и женщины — прославились своим мужеством, когда сражались против голландских, английских колонизаторов после второй мировой войны.

...Четыре машины все так же стремительно несутся по узкой асфальтированной дороге.

Машины идут в сторону Букиттинги.

Взрыв «изнутри»

В городке Солок, освобожденном правительственными войсками три дня назад, машину Яни окружил чуть ли не полк солдат, рослых, плечистых, как на подбор. Даже наш brave сержант не выглядел среди них гигантом. Солдаты были одеты в маскировочные халаты, но вместо касок на голове красовались беретки из такой же маскировочной материи. На каждом беретке эмблема — голова буйвола — и девиз: «Никогда не отступающий».

Памятуя о том, что воинские подразделения в Индонезии формируются по национально-географическому признаку, я решил, что вся рота состоит из минангкабау. Здоровяки в беретках окружили полковника Яни, и по их взволнованно-улыбчивым лицам я понял, что разговор идет задушевный. Бородатый Юсуф и «его величество» Ахмед нацелились на группу своими камерами, а капитан Муин объяснил:

— Это часть полковника Яни. Он командовал раньше этим полком на Яве. Их перебросили недавно на Суматру. Теперь они протоптали в Солок триста километров, чтобы встретиться со сво-

им командиром. Вот видите, обе «стороны» довольны.

— Пожалуй, есть серьезные недостатки в том, что мы формируем части преимущественно по географическому признаку, — говорил мне потом полковник задумчиво. — Возьмите мятежников. Они очень ловко использовали это, посеяв среди населения этих районов страх перед «солдатами с Явы»... И поддерживают их лишь военные части, которые сформированы из жителей Центральной Суматры.

Среди военных я не впервые слышал подобное мнение. Но слышал также, что изменить существующий порядок формирования войск сразу — дело трудное. Солдаты и офицеры в Индонезии — вольнонаемные, получающие зарплату за службу в армии. В мирное время солдаты живут в казармах вместе с семьями, и поэтому экономически дешевле формировать части из людей, семьи которых сконцентрированы где-то в одном месте.

— Армия должна представлять всю страну, а не отдельные районы, — продолжал Яни. — Но это — дело будущего.

Вечером четыре машины добрались до городка Савахлунто. Он совершенно не похож на те городишки и деревни, которые мы только что проезжали: на улицах полно народу, несмотря на то, что вечер пасмурный и моросит мелкий, раздражающий дождик. Люди ходят группами, смеются, шутят, поют песни. У каждого продавца печеных бананов — очередь.

Не верится, что городок этот только два дня назад освобожден правительственными войсками. Слышится музыка: где-то идет представление театра теней. Поперек улиц — плакаты: «Приветствуем правительственные войска!», «Долой мятежников Хусейна и их иностранных покровителей!».

Юсуф кивает на виднеющиеся вдаль две беслесные сопки правильной конической формы. И сразу все становится понятным: угольные шахты! Значит, несколько тысяч рабочих-угольщиков. Сильная профсоюзная организация. Люди, которых не так-то легко обмануть даже ловко по-

ставленной пропагандой. Деловитый капитан Муин сообщает статистические данные: в городе две угольные шахты и одна открытая разработка. Дневная продукция — 300—400 тонн высококачественного угля. Запасы угольные в этом районе оцениваются приблизительно в 350 миллионов тонн. Оценка, конечно, далеко не полная, так как разведано здесь до смешного мало.

— И освобожден-то город был не как другие, — рассказывает мне капитан. — Изнутри. Молодежь, рабочие и рота солдат под командованием сержанта Гасперса. Все эти плакаты-приветствия появились до того, как в город вошли правительственные войска. Наши солдаты вели бои еще на подступах, а из города уже были изгнаны мятежники.

В тот же вечер полковник Яни познакомился с солдатами роты Гасперса. Они стояли в три шеренги, радостные и взволнованные. Раздалась команда «Равняйся!». Согласно уставу, солдаты по-гусиному вытянули шеи, подались всем корпусом вперед и замерли. Как тогда в Паданге, Яни произнес короткую приветственную речь. Потом спросил, из какого места солдаты.

— Из разных, — ответил сержант Гасперс, стоявший впереди.

— Кто с Суматры, поднимите руки! — крикнул полковник. Поднялось с десяток рук. — Кто с Явы? — Еще десяток. — Кто с Бали, Сулавеси, Калимантана, Мадур? — Каждый раз кто-нибудь откликнулся.

— Вы еще забыли остров Амбоина, — напомнил сержант.

— И откуда есть? — удивился Яни. — Кто же?

— Я, — ответил черный крепыш Гасперс.

— Вот это и есть войска будущего, — сказал Яни. — Они символ единства нашей нации.

Когда церемония окончилась, я подошел к сержанту Гасперсу и попросил рассказать о делах роты.

История была простая. От самого Паканбару рота под командованием капитана мятежников Суху отступала почти без боя. Как ни бесился капитан, как ни уговаривал, ни убеждал, ни угрожал, ничего не помогало. Солдаты несли свои новенькие американские автоматы, пулеметы, противотанковые ружья, с которых еще не сошла заводская смазка, и... не стреляли. В лучшем случае они занимали позиции, согласно приказам. Но как только подходили правительственные войска, они брали в руки чистенькое свое оружие и шли дальше. Причем нельзя сказать, что рота была составлена из людей трусливых или необученных. Нет, все это были кадровые солдаты, многие в свое время прошли закалку боев против англичан и голландцев. Просто не за что было драться. А использовать остатки розни между суматрийцами и яванцами мятежники не могли, так как в роте были солдаты из всех уголков Индонезии.

Наконец сержант Гасперс втайне от капитана предложил: хватит бродить по джунглям, надо переходить на сторону правительственных войск и громить мятежников. Были возражения: не стоит-де вмешиваться; когда дерутся два слона, погибает маленький ягненок. Но Гасперс ответил тоже пословицей: когда плывет

по воде каноз, лианы сплетаются между собой. Это означало, что если приближается враг, надо объединиться. Гасперса поддержало большинство. Капитан Суху, прослышав о решении солдат, не нашел ничего лучшего, как бежать в джунгли. А рота под командованием Гасперса вступила в Савахлунто, объединилась с рабочими, молодежью и обратила оружие против мятежников. Вот тогда сошла заводская смазка с новеньких ружей, автоматов и пулеметов. Оружие оказалось в общем неплохим, когда солдат знал, ради чего нажимает он на спусковой крючок.

Бойцы, окружавшие нас во время рассказа Гасперса, показали мне оружие. Я тщательно переписал фирменную марку с одного из новеньких пулеметов. Вот что там было написано: «№ 879664 US INSP BROWNING MACHINE GUN US CAL 30... MAN'ED BY... GENERAL MOTORS CORPORATION».

Это оружие рота получила два месяца назад в Паканбару. Никто не скрывал от солдат, что оно было сброшено с американских самолетов и привезено на американских кораблях через порт нефтяной американской компании «Калтекс».

Мне вспомнилось заявление представителя американского госдепартамента в Вашингтоне господина Линкольна Уайта, который всего за несколько дней до этого отрицал причастность Соединенных Штатов к помощи мятежникам на Центральной Суматре. Я рассказал об этом заявлении солдатам. Они в ответ просто замесились — это был самый убедительный аргумент против госдепартамента.

В тот день мне еще не раз приходилось вспоминать выступление мистера Уайта. Удар «изнутри» был таким неожиданным для мятежников, что они бежали из Савахлунто, оставив полные склады, невывезенные железнодорожные составы. Мы увидели значительные запасы оружия, боеприпасов, обмундирования. Новенькие ящики, даже нераспакованные. Как видно, мятежникам поставилось все, начиная от базук и кончая пистолетными патронами и солдатскими фляжками.

А госдепартамент пытался заставить весь мир, что этими поставками занимаются «отдельные авантюристы». Нет, это могло делать лишь сильное государство, ведущее авантюристическую внешнюю политику.

Часть оружия американцы переправляли мятежникам через третьи руки, чтобы в случае чего умыть свои собственные. Поэтому на многих ящиках поверх американских фирменных надписей стояли жирные иероглифы тайваньского происхождения. В Савахлунто я увидел поезд, груженный свеженькими, густо и аккуратно смазанными автомобильными запчастями. В одном из складов лежали горы мешков, наполненных сахаром. В первом случае стояла марка «Сделано в США», во втором — на джутовых мешках снова бросались в глаза тайваньские иероглифы.

Вечером ко мне подошел полковник Яни.

— Помните, вы спрашивали

однажды, когда будет освобожден Букиттинги? Так вот теперь я могу точно назвать вам срок. Завтра утром мы будем там.

В «столице»

Юсуф выскочил из машины первым. Он схватил за руку какого-то солдата и направил объектив киноаппарата на ручные часы. Они показывали 10.45 утра. Солдаты цепью двигались вдоль домов с карабинами наперевес; асфальт был усыпан листовками, которые только что разбрасывал с нашей машины сержант-художник. В листовках говорилось, что жители Букиттинги не должны верить пропаганде мятежников, что в городе в самом скором времени восстановится нормальная мирная жизнь; те, кто покинул Букиттинги по приказу мятежных властей или из страха перед боями за город, должны вернуться и приступить к обычной деятельности.

Передовые части правительственных войск вошли в Букиттинги только час назад. Вошли без боя. Несколько броневиков мятежников, которые, по данным разведки, курсировали рано утром по улицам «столицы», исчезли в неизвестном направлении.

Полковник Яни сидит в брошенном доме — бывшей канцелярии одного из «министров революционного правительства» — и слушает доклад об обстановке.

Обстановка такова: «правительство» разбежалось в разных направлениях. Есть данные о том, что некоторые министры пробегутся в Сингапур, другие — на Сулавеси, но часть остается здесь, на Суматре, чтобы вести «партизанскую борьбу». Яни смеется: безграмотные люди! Для того, чтобы вести партизанскую войну, необходимы два условия: боевой дух и активная поддержка населения. Ни того, ни другого у них нет...

Официальные учреждения в городе закрыты, продолжается доклад, чиновники по приказу «правительства» под угрозой силы эвакуировали город, базар не работает, жители отсиживаются в близлежащих деревнях. Солдаты правительственных войск прочесывают улицы города, чтобы обезвредить их от оставленных диверсантов.

Мы садимся на «газик» и едем по пустынному городу. Вот дом, в котором помещалось «революционное правительство». Там сейчас орудут саперы — обезвреживают мины. Вот дом, принадлежавший одному из главарей мятежников, проворовавшемуся на военной службе полковнику Джамбеку. Из письменного стола полковника выгребают портативные американские книжонки с надписью: «Только для мужчин».

Люди сидят по домам. Рискнувшие выйти жмутся к стенам. На базаре под большими бамбуковыми зонтами еще нет торговцев.

Но постепенно город начинает оживать. Вот открылись ставни, и в окне показалось немного испуганное, но полное любопытства лицо мальчишки. В другом месте уже целая группа ребятшек обступила braveго солдата, эдакого индонезийского Василия Теркина, и, затаив дыхание, слушает рассказы о боевых делах. Вышли пе-

Полковник Яни делает заявление для Джакартского радио об освобождении «столицы» мятежников.

* Инспекция США, пулемет Браунинг, калибр 30, изготовлено... Джeneral моторс корпорейшн.

ИНДОНЕЗИЯ

Фото Г. БОРОВИКА.

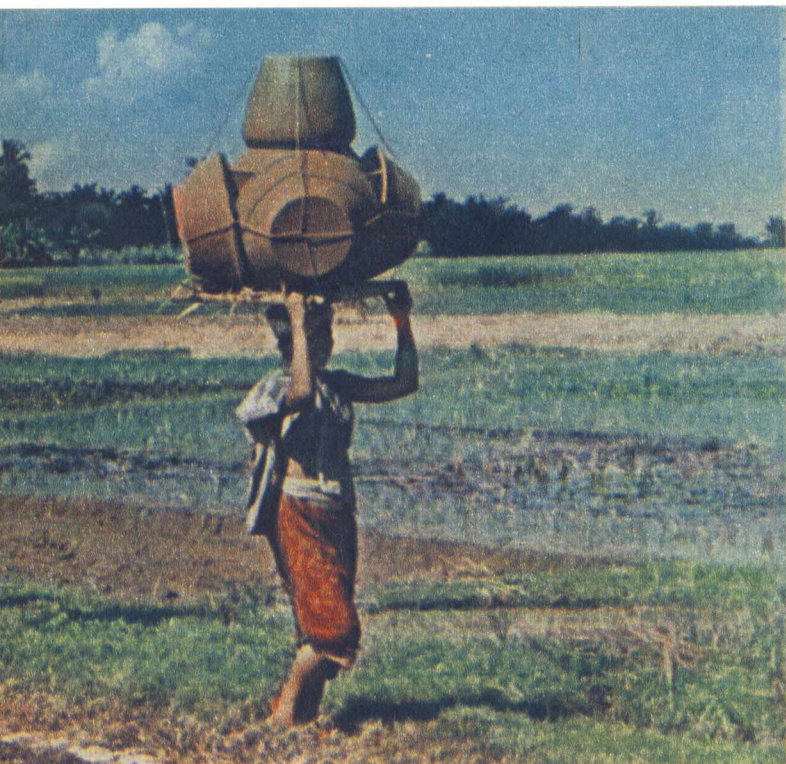

Хорошо утоляет жажду
сок кокосового ореха.

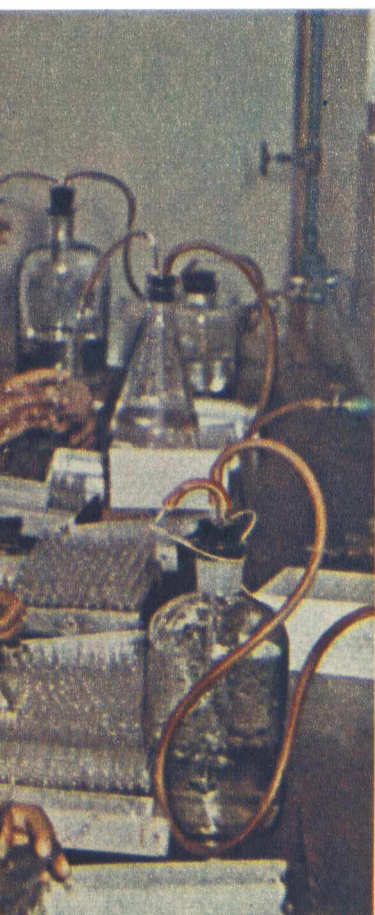

Сушат зонтики.

Крестьянки несут на базар гончарные изделия.

Индонезийские женщины работают на бандунгской хинной фабрике, ранее принадлежавшей голландцам.

→ Деревни возле города Чилачапа на Яве славятся умелыми рыбаками.

Поля индонезийские.

Богатый урожай риса собрали этой весной на острове Ява.

рекинуться словом главы семейств — женщины. Самые решительные из них отправились на базар.

Во второй половине дня появились первые «возвращенцы». Они несут на головах скромные свои пожитки.

— Почему вы уходили из города? — спрашиваю я одного.

— Я думал, что действительно Хусейн даст здесь бой. Столько об этом говорилось! Кроме того, грозили, что строго накажут тех, кто не покинет город. Вот мы всей семьей и решили переждать, — разводил руками молодой торговец. — Ведь с теми, кто был против их приказов, мятежники не церемонились — в тюрьму или расстреливали.

Солдаты располагаются на отдых. Они меняют брюки на простые куски материи, как юбки, оборачиваемые вокруг тела, устраивают стирку, играют в карты, пишут письма, едят вареный рис, завернутый в пальмовые листья. Кто-то уже достал гитару, и медленно плывет песня «Индонезия, страна моя». А на танковой пушке сушатся солдатские штаны. Поход окончен!

Ночное происшествие

«Ночной зефир струит эфир». С шумом и треском струя эта пробивается сквозь небольшой батарейный приемник, который принес в отель начальник службы связи. Боже мой, чего только не наслышишься в этот вечерний час! «По данным, полученным от обычно осведомленных источников, — передает австралийское радио, — правительство Джакарты собирается выступить в мирные переговоры с «революционным правительством», находящимся в Букиттинги. Это означает признание революционных сил, которые...» А, знакомый почерк! Это «сработал» кто-то из «пропастей» иностранных журналистов в Джакарте.

Господин Ли Сын Ман призывает «свободный мир» оказать помощь «борцам за демократию» в Индонезии. Он заявляет о своей готовности послать войска в поход против «коммунистов из Джакарты». Жив курилка!

Радио Манилы многозначительно передает на индонезийском языке о «военных экзерсисах» флота СЕАТО вблизи индонезийских берегов. «В маневрах принимают участие 24 корабля пяти стран — участниц СЕАТО». И, кажется, слышишь между словами диктора визгливый, угрожающий крик: «Прекратить! Запретить! Уничтожить!» Ах, как хотелось бы им прекратить! Прекратить ход истории, запретить ей двигаться, повернуть вспять лет на сорок и заморозить — пусть стоит.

В древности греки называли зефиром свежий ветерок с запада. Какую гниль и тухлятину несут этот западный ветер в двадцатом столетии!

...Все офицеры, включая и полковника Яни, ночуют сегодня в маленьком отеле «Динай», что на языке минангкабау означает «я». Хозяин отеля — индонезиец, управляющий — голландец, несколько лет назад перешедший в индонезийское гражданство. Зовут его Андре. Господин Андре очень живой, экспансивный человек.

Узнав, что я журналист, он радостно сообщает, что в этом самом отеле при мятежниках жили

иностранные корреспонденты. Вертелось их здесь очень много. Последние две недели оставалось только одиннадцать человек. Семеро уехали из Букиттинги неделю тому назад, а четверо американцев продолжали жить здесь до последнего момента. Они убрались только вчера вечером. Куда? Господин Андре не знает. Их фамилии? Пожалуй: Фромсон, Меррей, Удик, Гриффин. Я заглядываю в свой блокнот, где у меня записаны фамилии американских корреспондентов, прибывших в Паданг за три дня до объявления мятежниками знаменитого «ультиматума» — в феврале этого года. Ну да, те же самые фамилии! Я их выписывал из книги гостей в падангском отеле «Муара». Редкая осведомленность — знать о начале мятежа с точностью до одного дня! Эти журналисты пользовались неограниченными возможностями в любое время встречаться с любым членом «революционного правительства», им предоставили в личное пользование машины, переводчиков, секретарей.

Признаться, такие корреспонденты больше похожи на политических советников или наблюдателей, чем на простых газетчиков. Да и не в привычках американских журналистов сидеть на месте, когда уже известно, что игра проиграна, сенсации — увы! — больше не будет.

— Да, они здесь не чувствовали себя в гостях, — подтверждает господин Андре.

На улице уже давно темно, и под потолком ярко горит лампа «молния». Окна открыты настежь. Во дворе два — три часовых. Остальные спят.

...Выстрелы раздались близко и сразу с нескольких сторон. Стреляли из винтовок, и в эту теплую ночь казалось, что во дворе просто рвутся елочные хлопушки. Офицеры сползли с кресел и подобрались к окнам.

— Не стрелять, пока не подойдут ближе! — скомандовал Яни.

Господин Андре подскочил к лампе и моментально погасил огонь. Стрельба усилилась и как будто приближалась, но в крошечной тьме за окнами ничего различить было невозможно. Раздалось несколько выстрелов и из нашего дома. Те, кто стрелял по дому, притихли, но через мгновение снова раздалась пальба.

— Если у них есть миномет, — сказал один из офицеров, — то дело плохо...

Яни послал троих солдат занять оборону сзади дома, чтобы обезопасить тыл. Андре побежал показывать дорогу. Отельная любезность и учтивость не оставляли этого человека:

— Осторожно, здесь ступенька, не ушибитесь, тут дверь. — Он даже достал откуда-то здоровенный электрический фонарь. — Ложитесь вот здесь, тут не так сыро, потому что...

— Да уберите вы, черт подери, ваш идиотский свет! — не выдержал один из офицеров.

Яни послал кого-то в расположение полка, чтобы вызвать подмогу.

Ночное происшествие кончилось примерно через час так же неожиданно, как и началось. Пришла подмога из полка, и мятежники бежали, так и не рискнув приблизиться к дому на расстояние гранатного броска.

— Расчет у них был простой, — сказал позже полковник Яни. — Одним ударом покончить со всем командованием. Их там было около двух взводов, видимо, специально оставленных в городе для этой цели. И будь они чуточку порешительнее, дело могло кончиться плохо для нас. Вот вам еще одно доказательство того, что одно оружие, даже самое первоклассное, ничего не решает.

Юсуф едет на Сулавеси

Утром нас разбудил шум и веселое оживление за окнами. Во дворе было необычно много солдат. Они жали друг другу руки, хлопали по спинам и вообще всячески выражали радость и восторг.

Через несколько минут в холл отеля вошло несколько незнакомых нам офицеров во главе с сухоньким пожилым человеком в потертом дождевике и с ружьем в руках. Полковник Яни поднялся ему навстречу и улыбнулся.

— Проиграл, проиграл я пари, полковник! — весело сказал человек в плаще. — Сдаюсь. А ведь как спешил! Все-таки вы раньше меня вошли в Букиттинги.

Человек с ружьем был заместителем начальника штаба вооруженных сил Республики Индонезии генерал Джатикусумо. Он прибыл со своими войсками с севера, из Медана.

— Прекрасное путешествие, прекрасное! — возбужденно размахивал он руками. — Они бежали, как трусливые кошки. Всего несколько боев!

Два военачальника сели к столу подводить итоги операции и обсуждать планы. Итоги были хорошие: соединились войска генерала Джатикусумо и полковника Яни, то есть южная и северная группировки. Это значило, что практически Центральная Суматра освобождена от мятежников. Осталось лишь несколько разрозненных групп, которые не могли уже причинить серьезного вреда.

— Единственное, на что они теперь способны, — сказал генерал, — это грабежи на дорогах.

Так бесславно окончил свое существование заговор на Центральной Суматре, выпестованный и выношенный американскими империалистами при помощи предателей индонезийского народа — Лубиса, Хусейна, Симболана, Шафруддина и компании.

Через две недели после описываемых событий в Джакарте состоялась премьера документального фильма об операции «17 августа». В зале кинотеатра «Метрополь» я встретил одного из авторов этого фильма, оператора Юсуфа. Он был в элегантном штатском костюме, но все еще с бородой.

— Послушайте, Юсуф, вы же хотели побриться, как только падет Букиттинги и будет разгромлен заговор!

— Через несколько дней я еду на Сулавеси, — ответил он. — Там продолжение. Борода, Бубукин, будет сбрита, как только наши войска войдут в Манадо.

Американские пулеметные ленты в Савахлунто.

Сейчас, когда вы читаете эти строки, уже фактически разгромлен мятеж на Сулавеси. Правительственные войска вошли в город Манадо. Обнаружены новые и новые доказательства скрытой интервенции США и некоторых других стран — участниц СЕАТО в Индонезию. В этих очерках приведена только небольшая часть их.

Тайная война против Индонезии не кончилась, как не кончилась она против всех народов, сбросивших ярмо колониализма.

Но события, происшедшие весной 1958 года в Индонезии — «стране тысячи островов», — суровое предупреждение тем, кто хочет «прекратить» историю.

Женщина минангкабау направляется на базар.

Анастасия Фоминична с внучкой Валей и ее подругами.
Фото автора.

Анастасия Куприянова и Альчиде Черви

Пожокий летний день. Светлая улица нового городка залита ярким солнцем. В тени недавно высаженных деревьев сидит на скамейке старая женщина.

Сколько тепла в ее глазах, ласково следящих за игрой внучат! Смотрит она на них, резвых, шаловливых, а мысль невольно обращается к их отцам, ее, Анастасии Куприяновой, сынам. Было их четверо. Когда-то и они вот так же резвились на улице. Нынешний городок был тогда неприметной деревушкой Жодино.

Все четверо партизанили, все четверо погибли, сражаясь за Родину. Самый младший, Петр, повторил подвиг Александра Матросова, и ему посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

Шли годы. Время не залечило материнских ран. Нет, кажется, того дня, чтобы не всплакнула Анастасия Фоминична. Однажды из газет она узнала, что где-то далеко от ее городка живет итальянец Альчиде Черви и на сердце у него такое же горе, как и у нее: его семь сыновей погибли, сражаясь с фашистами.

Анастасия Фоминична послала письмо итальянцу. «У меня не стало четырех сынов, у вас — семи, — писала она Альчиде Черви... — Но я не хочу, чтобы были новые вдовы и сироты.

А есть еще такие люди — да их и людьми нельзя назвать, — которые жаждут войны и готовят человечеству новую бранию. За лишним миллиардом долларов они готовы пролить реки человеческой крови, бросить в огненный смерч миллионы людей. Известно, что их дети воевать не будут, а до чужих каноев им дело!

Дорогой Альчиде! Ни я, ни вы — я знаю это — не желаем войны. Не хочет ее и мой народ, ибо ведает, какие тяготы и горе несет она с собой.

Приезжайте к нам в гости. Вы увидите, какие прекрасные мы строим города, какие богатые растим сады! Вы увидите, как быстро поднялся из руин и пепелищ наш Минск, как на месте маленькой деревни Жодино вырос крупный рабочий поселок с заводами, клубами и школами, больницей, почтой, магазинами, многоэтажными жилыми домами. Главная улица поселка носит имя моего сына — Петра Куприянова...»

И вот пришел ответ от Альчиде Черви, 83-летнего итальянского крестьянина:

«На призыв бороться за мир, который шлете мне с вашей земли вы, мать и дорогой русский товарищ, откликаюсь самими горячими чувствами, которые значительно сильнее, чем можно предполагать, учитывая мой пожилой возраст и сердце, утомленное тяжелыми переживаниями былого, и к моему отклику присоединяются вера и надежда народа моей страны...»

...Мне, гражданину Италии, надлежит зорко следить за жизнью нашей республики, которая появилась на земле, орошенной кровью таюе и моих семи сыновей. Вместе со всеми демократическими силами мне предстоит бороться за то, чтобы Италия могла отбить атаки объединенных усилий иностранного империализма и его клерикало-фашистских сил. Вместе, в единстве наших народов и народов всех стран и континентов, мы обязаны быть на вахте, чтоб мир победил.

Желаю вам много, много здоровья и новых больших успехов вашему великому народу. Мои новости и внуки горячо обнимают свою далекую бабулю, а я крепко жму руку дорогому другу...»

В. ПОНОМАРЕВ

Семья Черви в 1937 году. Стоят (слева направо): Овидио, Диомира, Джелиндо, Альдо, Антеноре, Рина, Этторе. Сидят: Фердинандо, Альчиде Черви, его жена, Агостино.

Кислород... притягивается магнитом

В Нью-Йорке, в выставочном зале «Колизей», где проходила Международная промышленная выставка по автоматизации, особенно людно было у двух советских приборов. На крышке их вместо названия завода стояли загадочные буквы «ОКБА». Эти приборы — деполяризационный и магнитный газоанализаторы — автоматически и непрерывно наблюдают за содержанием кислорода в газовых смесях.

...Еще совсем недавно содержание кислорода определялось вручную. Но ручной анализ и долог — на него уходило не менее 15—20 минут, — и трудоемок, и не очень-то надежен. Однако при получении, например, синтетического спирта из пропана всего лишь два процента лишнего кислорода ведут к катастрофе — взрыву. Поэтому везде, где применяют этот самый деятельный газ, необходим строжайший контроль над ним. Обеспечить такой контроль может автоматически действующий прибор.

...В основу магнитного газоанализатора создатели его — инженеры ОКБА, Опытного конструкторского бюро автоматики Государственного комитета по химии — положили интересное свойство кислорода, открытое великим английским физиком Фарадеем. Более ста лет назад Майкл Фарадей заметил, что пламя свечи, поднесенной к магниту, втя-

гивается в его поле. Повинен в этом кислород — единственный из газов, способный притягиваться к магниту.

Если в поле постоянных магнитов открыть доступ газу, содержащему кислород, и там его подогреть, то возникнет движение газа, которое физики образно называют магнитным ветром. Холодный кислород втянется в поле, там, естественно, нагреется, растеряет с повышением температуры свои магнитные свойства и будет вытолкнут новыми, холодными частицами газа. Движение кислорода, а тем самым и его концентрацию зафиксирует измерительный элемент. Таков схематично изложенный принцип действия магнитного газоанализатора.

Вмешательство человека в работу прибора требуется лишь раз в сутки: лаборант должен сменить диаграммную бумагу на записывающем устройстве. Все остальное прибор делает сам, даже автоматически отрегулирует поступление кислорода в производство.

Детище ОКБА особенно дорого химикам, потому что оно позволяет анализировать кислород в процессах, где участвуют так называемые агрессивные среды, например, серная кислота, которая разъедает большинство металлов.

Н. ВЕРИНА

ДВОЕ ПАРИЖАН И ОДНА МОСКВИЧКА

во время бомбежки Парижа, она оставалась неотресторонированной и после войны: в дождь классы заливало водой, падала штукатурка.

...Возвращаясь в СССР, Медведевы не знали, в каком городе они будут жить и работать.

На другой день после приезда инженер Медведев стал работать в одном из столичных институтов. Его жена Мария Тимофеевна — переводчином в редакции газеты. Наташа и Костя 1 сентября 1956 года стали учениками школы № 417.

В конце прошлого года у Наташи и Кости появилась черноглазая сестренка. Теперь у Медведевых трое ребят: двое парижан и одна москвичка.

— Наши знакомые говорят, что надо сравнить счет: в семье должно быть двое парижан и двое москвичей, — улыбаясь, говорит Мария Тимофеевна. — За два года, прожитых нами в Москве, Костя и Наташа «омосквичились», хорошо ориентируются в столице и в дни Шестого фестиваля были гдями для встреченных нами знакомых французов.

Недавно Костя Медведев с бабушкой осматривали новое здание МГУ. Она напомнила внуку давнишний разговор:

— Помнишь, в Париже, в кино, когда мы смотрели фильм, я говорила тебе, что ты еще будешь учиться в этом университете? Пройдет пять лет, и ты сможешь поступить в Московский университет. И будешь физиком, как твой папа...

Когда мы навестили семью Медведевых, маленькой москвичке Танюше исполнилось полгода. По этому случаю Костя решил впервые сфотографировать малышку вместе со старшей сестрой — третьеклассницей Наташей.

Пока Костя Медведев нацеливался, я тоже сделал снимок, на котором запечатлены все трое ребят: двое парижан и одна москвичка...

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

Все скважины автоматизированы

Перед вами пульт управления нефтяными скважинами. К этому аппарату, который по своим размерам чуть больше радиоприемника «Мир», подключены 248 скважин нефтепромысла «Андижан» в Узбекской ССР.

Автоматизация главнейших процессов нефтедобычи внесла большие изменения в работу нефтяников. Исчезла тяжелая профессия оператора добычи, в обязанности которого входило днем и ночью, в любую погоду ходить от одной скважины к другой и смотреть, работают ли они.

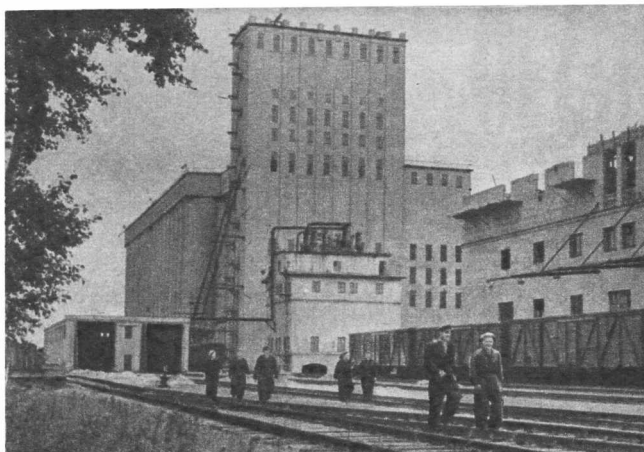
Теперь диспетчер, сидящий в конторе нефтепромысла, тратит на проверку скважин, которые находятся от него на расстоянии 8—10 километров, несколько секунд. За полчаса он успевает все их «обойти».

Скоро на промысле вступит в строй динамометр — аппарат для проверки глубинных насосов.

Л. ГРИШНИН

Диспетчер Т. Н. Белякова за проверкой скважины.
Фото С. Безносова.

На строительстве нового мельничного комбината в Москве. Слева — здание элеватора-автомата.

Фото Ф. Короткевича.

НОВЫЕ ХЛЕБНЫЕ ЗАКРОМА

Пошел хлеб нового урожая. Сначала тонкими ручейками, а затем широкой, полноводной рекой потекли в государственные закрома пшеница и рожь. По всей стране идет строительство элеваторов и складов.

Большой мельничный комбинат, производительностью более тысячи тонн муки в сутки, строится в одном из районов Москвы.

Проект комбината составлен государственным институтом «Промзернопроект» Министерства хлебопродуктов СССР. Там рассказали нам:

— Уже вступил в строй огромный элеватор, емкостью в 72 тысячи тонн зерна. Это первый в мире автоматический элеватор, где все управление осуществляется одним человеком. Здесь впервые применен способ саморазгрузки вагонов посредством качания. Вагон поступает на наклонно установленную, качающуюся платформу, и зерно само собой сыплется в подземные лари. Оттуда оно транспортерами доставляется к башне элеватора, высотой более 60 метров. Зерно взвешивается, направляется в сепараторы для очистки, в сушилки и затем в силосы на хранение. Здание элеватора выходит на Москву-реку. Для разгрузки судов на берегу сооружен причал. И здесь широко применена автоматика. Для разгрузки трех тысяч тонн зерна достаточно суток.

Элеватор-автомат вызывает большой интерес у иностранцев. Владелец одной крупной американской фирмы, делаясь своими впечатлениями о виденном в Москве, сказал, что больше всего его поразили самолет «ТУ-104» и элеватор-автомат. Представители канадских деловых кругов, осмотревшие элеватор, записали в книге отзывов: «Мы находимся под исключительно благоприятным впечатлением от эффективности работы предприятия, в особенности от обеспыливающих устройств. Вы можете гордиться вашими достижениями».

В полном разгаре и строительство девятиэтажного здания мельницы. Новый комбинат, оборудованный самой совершенной техникой, в будущем году вступит в строй.

Завершается расширение Омского элеватора. Теперь емкость его превысит 150 тысяч тонн. Здесь, как и в Москве, элеватор оборудуется пневматикой для разгрузки зерна с судов: сюда много хлеба пойдет с бассейна Иртыша.

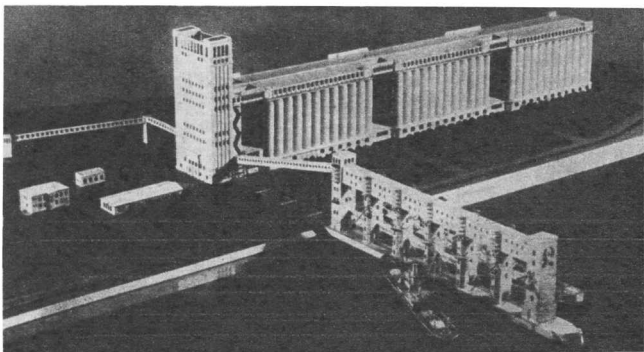
Два больших элеватора сооружаются на Волге: в Казанском речном порту и рядом с Куйбышевской гидроэлектростанцией, в городе Ставрополе на Волге. Здесь уже завершается строительство первой очереди элеватора общей емкостью в 100 тысяч тонн зерна. Когда поплывешь по Волге, видишь издали его высокое, красивое здание.

Крупнейший в Европе портовый элеватор строится в Одессе на территории, отвоеванной у моря. Он предназначен не только для экспортных операций. Это будет базисный элеватор для хранения украинского зерна.

Широко развернулось строительство хлебных закромов в районах целинных земель. В частности, заканчивается сооружение элеватора в Кустанае. Его емкость — 50 тысяч тонн зерна. К нему подведены узкоколейная дорога из глубинных районов и широкая железнодорожная колея для отгрузки целинного зерна в глубь страны.

В районах целинных земель ведется также большое строительство складов и сушильно-очистительных башен, в которых зерно просушивается для хранения в государственных закромах.

Я. ЛАПИН

Проект строящегося в Одессе портового элеватора.

Клара Цеткин и охранка буржуазной Латвии

В Центральном государственном архиве Латвийской ССР обнаружены материалы, касающиеся Клары Цеткин. Зимой 1922 года, возвращаясь из Москвы с IV конгресса Коминтерна, Клара Цеткин вместе со своим секретарем Хорты Остерло была проездом в Латвию. В вагоне поезда агенты буржуазной охранки осмотрели ее багаж, составили протокол.

Что же послужило причиной грубого нарушения международных норм транзитного проезда? В материалах, найденных в архивах, фигурирует выписка из речи Клары Цеткин на IV конгрессе Коминтерна. Она резко осудила белый террор, свирепствовавший в это время в Латвии, Эстонии, Венгрии, Югославии, упоминая имена заключенных в тюрьмы ра-

ботников Латвийской коммунистической партии.

По-видимому, охранка надеялась найти в багаже Клары Цеткин «важные документы Коминтерна», но потерпела полную неудачу. Вместо предполагаемых «сенсационных» документов были обнаружены только тетрадь с упражнениями по русскому языку, заметки о Ницше и Шопенгауэре, список книг по строительству и т. п.

Офицер латвийской охранки, руководивший обыском, вел себя вызывающе грубо. На протесты члена редакции «Дейче альгемайне цейтунг» буржуазного публициста Клейнова, ехавшего вместе с К. Цеткин, он ответил площадной бранью и оскорблениями в адрес коммунистов. Так как Клара Цеткин была депутатом рейхстага,

Фотокарточка Клары Цеткин, находившаяся в охранке буржуазной Латвии с 1922 года.

германское правительство направило ноту правительству Латвии, потребовав извинения и наказания виновного офицера.

В. ПЕТЕРСОН, научный сотрудник ЦГА Латвийской ССР.

Спустя шестнадцать лет

В кабинете председателя Центрального комитета ДОСААФа генерал-полковника П. А. Белова раздался телефонный звонок.

— Кто говорит? Дедушка? — с удивлением переспросил генерал, сняв трубку.

Но уже в следующее мгновение, вспомнив что-то, он радостно улыбнулся:

— А, товарищ Воронченко! Наконец-то мы разыскали друг друга. Обязательно повидаемся, обязательно!

— Только теперь меня не узнают старые друзья, — предупредил по телефону собеседник, — хоть и шестнадцать лет прошло с той поры, а я вроде помолодел: бороды как не бывало.

Давно знакомы Павел Алексеевич Белов и Сергей Иванович Воронченко.

С января по июнь 1942 года действовала в тылу гитлеровцев группа генерала Белова в составе кавалерийского корпуса, воздушно-десантных и стрелковых частей. В четырехугольнике между Вязмой, Дорогобужем, Ельней и селом Всходы советские войска удерживали территорию, равную Бельгии, отбивая ожесточенные атаки противника, наносившие фашистам огромный урон. В тех же районах Смоленщины воевали и многочисленные партизанские от-

ряды. Наиболее крупный из них именовался «Дедушка» — в честь своего командира Сергея Исаевича Воронченко, носившего окладистую седую бороду.

Много раз Белов и Воронченко поддерживали друг с другом контакт через связных, по телефону, по радио. Но лично встретиться им тогда так и не довелось.

И вот встреча эта состоялась шестнадцать лет спустя.

В гости к Павлу Алексеевичу Белову вместе с С. И. Воронченко, инженером Министерства путей сообще-

А. К. Кононенко, С. И. Воронченко, П. А. Белов, П. Ф. Силантьев. Фото Г. Рамского.

ния, пришел бывший комиссар партизанского полка П. Ф. Силантьев — ныне работник Ново-Гиреевского горкома партии — и бывший начальник разведки кавалерийского корпуса полковник запаса А. К. Кононенко. Теплой, душевной была эта встреча боевых соратников.

А. АКИШИН

После выступления «Огонька»

«О мужской сорочке»

В № 19 журнала «Огонек» был опубликован репортаж А. Григорьева «О мужской сорочке», где шла речь о низком качестве рисунков и расцветок хлопчатобумажных и штапельных тканей для сорочек, о том, что новые модели сорочек плохо используются на швейных фабриках.

Член Госплана СССР Н. Чесноков направил директору Всесоюзного института ассортимента изделий легкой промышленности и культуры одежды Д. М. Хазан-Андреевой и заместителю министра торговли СССР В. Ульянову следующее письмо:

«Имея в виду, что поднятый автором статьи «О мужской сорочке» вопрос улучшения качества и ассортимента мужских сорочек имеет важное значение, прошу вас организовать совместно с работниками домов моделей одежды, текстильных и швейных фабрик и торгующих организаций широкий просмотр ассортимента хлопчатобумажных и штапель-

ных сорочечных тканей и пошитых из этих тканей мужских сорочек. По результатам просмотра снять с производства хлопчатобумажные и штапельные сорочечные ткани, непригодные по рисунку и расцветке для пошива сорочек, и мужские сорочки устаревших, не пользующихся спросом у покупателей моделей».

Далее предлагается разослать швейным фабрикам альбомы с образцами хлопчатобумажных и штапельных сорочечных тканей, выпускаемых текстильными фабриками.

В письме рекомендуется текстильным и швейным фабрикам внедрять в производство новые сорочечные хлопчатобумажные и штапельные ткани и сорочки, красивые по рисункам, расцветкам и моделям.

Базам Главтекстильторга предлагается ввести совместно с представителями швейных фабрик в обязательный порядок расписание плана производства хлопчатобу-

мажных и штапельных сорочечных тканей. В нарядах, выдаваемых текстильным фабрикам на отгрузку сорочечных тканей швейным фабрикам, надо указывать в строгом соответствии с расписанием артикул, номера рисунков и расцветок тканей.

В репортаже «О мужской сорочке» указывалось, что швейники Свердловской области получают с фабрики «Красная талка», находящейся в городе Иванове, зефирин грязного цвета. Ее директор П. Лукоянов запросил редакцию, кто из свердловчан имеет претензии к ивановцам. Мы ответили: Ирибтская швейная фабрика.

От тов. Лукоянова нами получено письмо, в котором он сообщает, что репортаж «О мужской сорочке» обсуждался среди руководящих работников и коллектива художников фабрики «Красная талка». В Ирибт послан запрос с просьбой выслать образцы зефирина с расцветкой, не удовлетворяющей покупателей.

ПОЗНАВАЯ МИР И ВСЕЛЕННУЮ...

Академик И. БАРДИН,
председатель Советского комитета по Международному
геофизическому году

Кандидат физико-математических наук В. ТРОИЦКАЯ,
ученый секретарь комитета

Эмблема V Ассамблеи МГГ.

30 июля в Москве открывается V, расширенная Ассамблея специального комитета по Международному геофизическому году. В ней примут участие представители 65 стран, будут подведены предварительные итоги наблюдений. О некоторых результатах проведенных работ рассказывает публикуемая статья.

На пороге в космос

Международному геофизическому году исполняется тринадцать месяцев. Возраст его не достиг еще совершеннолетия (длится он, как известно, полтора астрономических года). Наблюдения еще в полном разгаре. Они должны быть собраны, обработаны и обобщены в научных институтах, и только тогда можно будет сделать научные выводы. Однако уже сейчас можно сказать: успехи МГГ столь значительны, что они явятся знаменательной вехой не только в истории науки, но и в многовековой истории человечества. Разве имела когда-нибудь раньше Земля истинно космические луны? А сегодня спутники, построенные и поднятые ввысь человеком, совершают свой полет вокруг Земли по заранее расписанной для них программе. Спутники и высотные ракеты — центральное событие МГГ.

Как известно, были запущены три больших спутника в нашей стране и три спутника значительно меньших размеров в США. Что они дали науке?

Получены исключительно важные данные о плотности электронов на высотах, которые еще год назад показались бы фантастическими: от 200 до 3000 километров. Это имеет очень серьезное значение для радиосвязи. Уникальным экспериментом было наблюдение за живым существом в условиях космического полета.

Колоссальный размах приобрели ракетные исследования. В течение Международного геофизического года будет осуществлено 400 запусков ракет: в Арктике, Антарктике, в Сахаре, Австралии, Мексике, Флориде и других местах. В Советском Союзе к 1 июня из них запущено 59 ракет. Одна из них поднялась на рекордную высоту — 473 километра. Ракеты принесли нам много нового, в том числе интересные данные о присутствии рентгеновского излучения в полярных сияниях, о напряженности магнитного поля Земли на больших высотах, о космических лучах.

Материк или архипелаг?

Сколько на Земле материков? До сих пор во всех учебниках и справочниках земного шара называлось шесть. Однако за послед-

нее время эта цифра взята под сомнение. Возможно, что нам придется примириться с существованием пяти материков.

Исследования советских гляциологов в Антарктике, подтвержденные затем исследованиями американских и английских ученых, показали, что коренные породы там залегают на десятки и сотни метров ниже уровня моря и лишь в отдельных местах возвышаются над ним. Даже поселок Мирный, заложенный, как предполагалось, на материке, оказался на острове, и до ближайшего берега от него... 400 километров! Весьма вероятно, что Антарктика представляет собой архипелаг островов.

Значительно большей, чем это думали раньше, является мощность ледниковой шапки. Толщина ледникового панциря достигает 200 метров у берега и более 3000 — в центре. Любопытно, что древнее оледенение Антарктиды было гораздо мощнее современного. В наши дни происходит постепенное сокращение ледникового покрова.

Интересны и плоды геологических изысканий. В оазисе Бангера и ряде других мест есть все основания ожидать богатых залежей железной руды. Там же обнаружена марганцевая руда. В районе гор Амундсена и Сандау Пьезо имеется оптическое сырье.

Составлены надежные карты почти трети всего побережья Антарктики.

Страны, проводящие исследования Антарктики, вложили в них чрезвычайно много средств и труда. Однако до сих пор многие важные и интересные явления представляют собой загадку. Поэтому Международный совет научных союзов вынес решение о продолжении работ в Антарктике еще на один год.

Куро-Сиво меняет курс...

Семьдесят специально оборудованных кораблей бороздят просторы мирового океана. Четырнадцать из них принадлежат Советскому Союзу. О «Витязе» рассказывалось и писалось не раз. Им открыта и изучена самая большая глубина мирового океана — 10 990 метров, обнаружены неизвестные подводные горы и впадины. «Витязь» проводил и много других исследований. В частности, изучая трассу теплового течения Куро-Сиво, советские океанографы установили, что оно сместилось на 300—400 километров к северу.

На Дальнем Востоке работает Тихоокеанская экспедиция. Она изучает строение земной коры в месте перехода от азиатского континента к океану. Как известно, эта зона отличается самой вы-

сокой в СССР сейсмической активностью. Чем вызываются здесь землетрясения? В какой степени они зависят от строения земной коры? Где их очаги?

Чтобы ответить на эти вопросы, геофизики произвели с кораблей сейсмическое зондирование на линии протяжением в 3500 километров. Определено, что земная кора утолщается под островами и резко уменьшается под океаническим плато. На острове Итуруп создана сеть станций, ведущих регистрацию слабых местных землетрясений. Это позволит определить сейсмический режим острова и даже предсказывать землетрясения.

Во всех океанах и 25 морях побывал дизель-электрод «Обь». В дальнем плавании — уникальное немагнитное судно «Заря». Важные исследования ведет «Ломоносов». В первой половине 1958 года осуществлены океанографические экспедиции в Норвежском и Гренландском морях.

Служба Солнца

В центре внимания геофизиков — само Солнце, первоисточник жизни на Земле. Семнадцать советских обсерваторий несут ежедневную службу Солнца. Каждый день в Советский региональный центр оповещений поступает 150 телеграмм. В них сообщается о состоянии Солнца и о том, как происходящие на нем процессы воздействуют на геофизические явления на Земле.

Подводя первые итоги МГГ, можно сказать, что система Международного быстрого оповещения о вероятной активности геофизических явлений оправдала себя. Вот один пример. Как-то советская обсерватория, расположенная вблизи Москвы, первая заметила возникновение мощных вспышек на Солнце. Тут же о них было сообщено в Мировой центр оповещения в Вашингтоне. Затем на основании полученных сведений Мировой центр объявил специальный мировой интервал, и все станции земного шара были предупреждены о необходимости вести тщательное наблюдение по расширенной программе.

Обсерватории не только регистрируют вспышки (подсчитано, что за шесть месяцев их было 4646), но и фотографируют их и измеряют силу этих вспышек. Кроме того, проводится серия других наблюдений над Солнцем. Построено большое количество так называемых световых кривых развития хромосферных вспышек, получена структура магнитных полей в активных областях на Солнце и в местах расположения вспышек. Это дает возможность изучить механику их возникновения.

Вместе с египтянами

Жители многих городов и сел, расположенных в весьма низких широтах, за последние 12 месяцев несколько раз наблюдали по-

лярные сияния. Так было, например, 29 сентября в Ташкенте, 11 февраля в Киеве. Это явление, так же как и земные токи, зодиакальный свет, ионосферные бури, космические излучения и многие другие процессы, внутренне связанные между собой и зависящие в своих проявлениях от солнечной активности, также подвергается самым детальным исследованиям.

Нередко в южных широтах можно наблюдать, как на небе после наступления темноты или перед рассветом появляется слабое сияние. Это микроскопические тела, движущиеся вокруг Солнца, отражают солнечные лучи, создавая так называемый зодиакальный свет. Наблюдать за ним, согласно программе МГГ, должны были в двух пунктах земного шара в одно и то же время. Для этого под Алма-Атой, в Аксенере, была создана специальная станция. Другая группа ученых во главе с академиком В. Г. Фесенковым выехала в Египет, в Ливийскую пустыню. В Асуан, где работала эта группа, были привезены специальные приборы, сделанные в Астрофизическом институте Академии наук Казахстана. За два с лишним месяца было выполнено около 20 тысяч оценок яркости зодиакального света и ночного неба. Обработка этих наблюдений позволит провести теоретические дискуссии о содержании пыли и электронов в межпланетном пространстве.

Наблюдения продолжают в Каире и Харькове, в Кейптауне и Крайстчерче — на всех 6 тысячах больших и малых станций Земли. Теперь уже возник важнейший вопрос, как лучше собирать и обрабатывать экспериментальные материалы, которые лягут в основу всесторонних научных выводов. Поэтому обмен мнениями по полученным предварительным результатам между участниками предстоящей Ассамблеи очень важен и, несомненно, будет плодотворен. Предстоят крупнейшие научные дискуссии по результатам исследования верхних слоев атмосферы с помощью ракет и спутников, обсуждение исследований, проведенных в Антарктике океанографическими экспедициями. Надо решить вопросы дальнейшего сотрудничества; в частности, не исключается, что по ряду исследований период наблюдений по программе Международного геофизического года будет продлен. Многие ученые уже высказали такое пожелание.

Московская Ассамблея рассмотрит также вопрос об охране интересов стран и отдельных ученых при использовании материалов Международного геофизического года, примет решения по некоторым организационным и специальным вопросам. Нет сомнения в том, что она явится крупным этапом в развитии международного научного сотрудничества.

Медная пуговица

Роман

Лев ОВАЛОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

12. АЛЬБОМ ДЛЯ ОТКРЫТОК

Не думаю, чтобы Янковская провожала мистера Тэйлора при его отлете из Риги, но она, оказывается, видела его после моей встречи с ним.

Она появилась, когда уже стемнело, легкой, танцующей походкой вошла в гостиную, поцупалась у себя в сумочке и небрежно, двумя пальчиками, протянула мне заклеенный конверт.

— Меня просили передать это вам.

Я разорвал конверт...

Напрасно я усомнился в честности мистера Тэйлора. Он был точен в делах и выполнял взятые на себя обязательства: в конверте находился аккредитив на один из шведских банков, делавший меня обладателем пятидесяти тысяч долларов.

— Вы довольны? — задорно спросила Янковская.

— А вам известно, что находилось в конверте? — поинтересовался я.

— Обеспеченное будущее, — уверенно произнесла она. — Я догадалась. Я не интересовалась суммой, но знаю, что мои заокеанские друзья умеют платить.

Я пренебрежительно пожал плечами.

— Ну, я думаю, они знают, за что платят...

— Ого! — воскликнула Янковская. — Впрочем, это неплохо — знать себе цену... Она испытующе посмотрела мне в глаза. — Но помните, Август, люди Тэйлора требовательны, они дотянутся до вас, где бы вы...

Я не был уверен, следовало ли сообщить ей о странном подарке, полученном мною от Тэйлора, но я не вполне понимал его значение... Что, действительно, могла значить эта медная пуговица?.. Я почему-то не забывал о ней и время от времени нащупывал у себя в кармане...

Пожалуй, никто, кроме Янковской, не сможет объяснить значение этого подарка.

— Мистер Тэйлор подарил мне странный сувенир, — сказал я и, разжав ладонь, показал пуговицу своей собеседнице.

Она пылливо вскинула на меня глаза.

— Он ведь объяснил вам что-нибудь?

— Он сказал мне, что это знак моей неуязвимости. Что его парни, если даже я стану им поперек дороги, не посмеют меня тронуть...

Янковская задумчиво смотрела на меня.

— Он вам не солгал. По-видимому, вы чем-то расположили его к себе. Это действительно нечто вроде талисмана. Если вы даже возбуждете какие-либо подозрения, агенты заокеанской разведки не посмеют вас тронуть, увидев эту штучку. Теперь для того, чтобы вас ликвидировать, требуется санкция самого мистера Тэйлора.

— А может быть, здесь дело не столько в расположении, — возразил я, — сколько в том, что даже самому мистеру Тэйлору завербовать советского офицера потруднее, чем какого-либо короля?

— Вы правы, — немедленно согласилась Янковская. — Вы для него клад! — Все с тем же задумчивым видом она повертела в руках пуговицу. — Несомненно, вы относитесь к числу тех драгоценных агентов, которых очень трудно заполучить даже заокеанской разведке, — продолжала она. — Слишком большие надежды возлагаются на вас, чтобы какие-нибудь резиденты могли распоряжаться вашей жизнью.

— А у вас есть такая? — поинтересовался я. Она нахмурилась. По-видимому, мой вопрос был или бестактен, или обиден.

— Нет, — сказала она не то с легким вызовом, не то с печалью. — Я могу обойтись без подобного талисмана. Мне не придется работать в такой сложной обстановке, как вам...

Она с любопытством всматривалась в меня, точно мы виделись впервые. У меня появилось ощущение, будто я предстал перед Янковской в каком-то новом качестве после свидания с мистером Тэйлором.

Она как бы порхнула на диван и приветственно помахала мне рукою. Вообще она вела себя в этот вечер очень театрально, говорила с излишней аффектацией, принимала неестественные позы, никак не могла усидеть на месте. Думаю, что и приезд господина Тэйлора и мое приобщение к его ведомству возбудили ее нервы необычной даже для нее остротой положения.

— Кстати, я хочу дать вам один добрый совет, — дружелюбно произнесла Янковская. — Мне кажется, что вы все-таки недооцениваете значения своей пуговицы, а это, повторяю, могущественный талисман. Носите ее всегда при себе. Всегда может случиться, что она выручит вас из большой беды.

— Хорошо, — сказал я и сунул пуговицу в карман пиджака.

Она улыбнулась.

— Вы еще меня вспомните!

— Вот что, Софья Викентьевна, — сказал я, переходя на сугубо деловой тон и стараясь по возможности делать вид, что инициатива по-прежнему остается за ней. — Этот самый Тэйлор заявил, что вы можете мне превратить в реальность какую-то фантастическую агентурную сеть. Не будем откладывать дело в долгий ящик. У вас есть список, к которому мы должны подобрать ключ...

Она посмотрела на меня не без удивления.

— Вы, кажется, действительно хотите оправдать полученные деньги?

Каким-то балетным жестом она пригласила меня пройти в кабинет, подошла к стене, сняла одну из акварелей Блейка, вставленную в очень узенькую рамочку, шпилькой, вынутой из волос, вытолкнула из рамки какой-то шпенец и вытряхнула на стол скатанный в тонкую трубочку листок.

— Можно прочесть? — вежливо спросил я. Янковская не ответила.

Я развернул листок.

Это был список фамилий на английском языке. Позже я их пересчитал: двадцать шесть фамилий с инициалами.

— Я не понимаю, что же здесь сложного? — удивился я. — По-моему, все ясно.

Янковская снисходительно улыбнулась.

— Если бы это было так. Попробуйте найти в Латвии имеющегося в списке Клявиньша... Их тысячи! А инициалы означают что угодно, но только не имя и отчество...

Я с любопытством держал в руке крохотный листок бумаги, еще раз перечел фамилии, и вдруг совсем другая мысль пронизала мое сознание.

— Скажите, — спросил я Янковскую. — Неужели из-за этого листка и поплатился Блейк своей жизнью?

— И не только Блейк, — ответила она. — Вы тоже могли поплатиться, хотя имели к этому листку совсем косвенное отношение.

— Это так дорого? — спросил я, глядя на листок.

— Очень, — сказала Янковская. — В Советском Союзе за него тоже дали бы немалые деньги. Кажется, это Наполеон сказал, что хороший шпион стоит целой армии?

Она взяла листок и заботливо его расправила.

— Это все первоклассные агенты...

— Но почему же Блейк не пожелал продать этот список?

— Noblesse oblige! — произнесла она с иронией. — Благородное происхождение обязывает!

— И вы убили его, чтобы завладеть этим списком? Неужели для вас деньги дороже человека?

— Ах, да при чем тут деньги! — с досадой ответила Янковская. — Просто те сильнее, они убрали бы и меня, как убирают всех, кто не желает с ними сотрудничать.

— А вы не боитесь, что Интеллидженс сервис не простит вам этого?

— А я не собираюсь дразнить Интеллидженс сервис, — ответила Янковская. — В тот вечер, когда мы с вами познакомились, Блейк должен был переслать список в Лондон. В Англию возвращался крупный английский коммерсант, находившийся со своей женой в России в качестве туриста. Ночью он улетал в Стокгольм. Блейк не подпускал меня к списку. Я знала, что он должен пойти в ресторан отеля «Рим» и через день этот список очутился бы в тайниках Интеллидженс сервис. Блейк собирался на свидание. Я видела, что у него имеется два экземпляра списка. Один он должен был отдать, второй, вероятно, хотел сохранить для себя. Я предложила ему продать дубликат. Он засмеялся. Я пригрозила ему, сказала, что он рискует жизнью. Он ударил меня. Я застрелила его и пошла на свидание вместо Блейка. Сказала, что его пытались убить, что это, по-видимому, дело рук

советской разведки, что раненый Блейк поручил мне отдать список...

— Таким образом, Интеллидженс сервис имеет список?

— Да, этот турист успел улететь; еще несколько часов, и он застрелен бы здесь, — подтвердила Янковская. — Иначе меня не оставили бы в покое. А ключ к списку или изобретен в Лондоне, или отправлен куда раньше. — Она указала на листок. — Эта бумажка очень

важна, но пока что ею нельзя воспользоваться.

— А что же мы с вами будем делать?

— К вам пришлют одного из тех, кто перечислен Блейком. Единственного, кто известен заокеанской разведке. Может быть, с его помощью мы отыщем ключ.

— Ну, а скажите, на что заокеанской разведке английские агенты?

— Как вы не понимаете? — удивилась Янковская. — Тэйлор и его люди всегда таскают каштаны из огня чужими руками. Блейк потратил несколько лет для того, чтобы подобрать своих агентов, а они приберут эту сеть к своим рукам и будут ею пользоваться.

— А тем все равно, кому служить?

— В основном да, — подтвердила Янковская. — Конечно, агенты Блейка — тоже люди не

без принципов, но, в общем, это один принцип — ненависть к Советам; с этой точки зрения им почти безразлично, кому служить. Кто заплатит больше, тот и будет их хозяином.

— В таком случае вы тоже перепродались? Судя по вашей теории...

— Конечно, — перебила меня Янковская. — Но что касается меня, я предпочитаю служить не столько тем, кто щедрее, сколько тем, кто сильнее.

— Ну, а если Интеллидженс сервис узнает о вашем предательстве? Вы не боитесь ее мести?

— Во-первых, не узнает, — равнодушно ответила она. — А во-вторых, тот, кто не захочет подчиниться Тэйлору, отправится вслед за Блейком.

— Ну, а почему же вы служите немцам? Или это тоже реальная сила?

— Немцы — сентиментальные дураки, — резко сказала Янковская. — Сила-то они сила, только не очень разумная. Пока что немцы выматывают Россию, и им позволяют это делать. Но помяните мое слово: они тоже таскают каштаны для кого-то другого.

И тогда я задал ей один неосторожный вопрос:

— А не думаете ли вы, поклонница непреодолимой силы, что настоящая сила на той стороне, откуда пришел я?

— А вот этой силе я не подчинюсь никогда! — закричала она. — Сила, принадлежащая серому быдлу!..

Голос ее сорвался. Она бросилась в кресло и точно утонула в нем.

— И если вы, Андрей Семенович... — Она почти никогда не называла меня этим именем... — Если я замечу, что вы снова поглядываете на восток, клянусь, я убью вас соб-

стенными руками! — Она тут же встала. — Прикажите Виктору отвезти меня домой.

Я вызвал Железнова.

— Отвезите Софью Викентьевну, — распорядился я. — Ей нездоровится, поэтому не торопитесь, пусть она подышит свежим воздухом. Железнов вернулся очень быстро.

— Я не заметил, чтобы она была больна, — сказал он. — Она не захотела ехать домой и приказала отвезти ее к Гренеру.

— Ну и слава богу, — отозвался я. — Значит, мы можем спокойно поговорить.

Я протянул ему аккредитив.

— Это что? — спросил он.

— Цена предательства, — пояснил я. — Мистер Тэйлор решил, что в эту сумму я ценю Родину.

Я подробно рассказал о своей встрече, показал список, открыл тайну убийства Блейка.

— Да, поучительный разговор, — задумчиво заметил Железнов. — Теперь многое становится понятным: и почему тянут со вторым фронтом и откуда у немцев нефть...

Он попросил показать ему пуговицу, держал на ладони и бережно мне вернул.

— Береги, это может пригодиться, — посоветовал он и как бы спросил самого себя: — Хотел бы я знать, есть ли еще такие пуговицы в нашей стране...

Затем он склонился над списком Блейка.

— Война когда еще кончится, нам до Берлина еще идти да идти, а они уже о другой, о следующей войне думают, — продолжал он размышлять вслух. — Политика дальнего прицела, сверхдальнего...

Он бережно скатал и спрятал драгоценный листок на прежнее место.

— Помнишь, — спросил он меня и почти слово в слово повторил Янковскую, — по-моему, это Наполеон как-то выразился, что один хороший шпion стоит иногда целой армии, так что в тайной войне эти двадцать шесть человек — немалая сила.

— Пока это только список, — заметил я. — К нему нет ключа.

— Но ведь к тебе кого-то пришлют? — возразил Железнов. — Не может быть, чтобы мы не достигли цели!

— А может быть, это псевдонимы? Может быть, этот список написан для отвода глаз?

— Правильно, все может быть! — Железнов засмеялся. — Однако Блейк поплатился за него жизнью. Теперь, когда мы имеем хоть что-то, мы обязаны взяться за работу, теперь есть над чем подумать, и мы обязаны решить эту задачу...

Ту короткую летнюю ночь, проведенную вместе с Виктором, мне не забыть никогда.

За окном было темно, только в фиолетово-черном небе слабо мерцали редкие звезды. А у нас в комнате горел свет. Мы вспоминали Родину, говорили о нашей жизни, обдумывали свою работу, строили планы...

Мечтательное наше настроение нарушил какой-то шелест, донесшийся до нас с улицы, точно мостовую скребли огромной щеткой.

Мы выглянули в окно. Рассветало. Эсэсовцы с пистолетами в руках вели толпу женщин, подростков и стариков. Толпа была какая-то удивительно серая, безликая, призрачная; эсэсовцы в своих черных мундирах напоминали только что сработанных глянцевых оловянных солдатиков.

Куда они вели этих людей?..

Мы смущенно посмотрели друг на друга. Наступил новый день, и у каждого из нас были свои обязанности.

— Ну, я пойду, — сказал Железнов и вышел из кабинета.

Через день Железнов сказал:

— Видел Пронина. Доложил о твоей встрече с Тэйлором. Просил передать ему копию списка. Говорит, это будет большой выигрыш, если удастся расшифровать...

А еще через день Марта сказала, что меня спрашивает какой-то человек.

Я с таким нетерпением ждал появления какого-нибудь незнакомца, что сразу поспешил к нему навстречу.

Мы вопросительно поглядели друг на друга.

— Господин Берзинь? — обратился ко мне посетитель.

— Он самый... — Я вежливо наклонил голову. — С кем имею честь?

Посетитель посмотрел на меня рыжими и липкими глазами.

— Арнольд Озолс, к вашим услугам.

— Раздевайтесь, — пригласил я его. — Прошу в кабинет.

Мы прошли в кабинет.

Озолс неторопливо опустился в кресло, минуту помедлил, сунул руку во внутренний карман пиджака, достал оттуда почтовую открытку, на которой были изображены незабудки, посмотрел на рисунок, посмотрел на меня, еще раз посмотрел на цветы, положил открытку на стол и прикрыл ее ладонью.

Разговора Озолс не начинал.

— Чему обязан? — церемонно сказал я.

— Скажите, у вас есть лошади? — неожиданно спросил он. — Выездные лошади?

— Нет, — сказал я. — У меня нет лошадей.

— А верховая лошадь?

— Нет, нет, — сказал я. — У меня машина.

— Может быть, у вас есть корова? — спросил Озолс.

— Нет, — сказал я. — И коровы у меня нет.

— Это плохо, — сказал Озолс. — Всегда лучше пить молоко от своей коровы.

— Я согласен с вами, — сказал я. — Но как-то, знаете, не обзавелся.

Озолс опять посмотрел на незабудки и перевел взгляд на меня.

— А свиней вы не держите?

— Не держу, — сказал я.

— Это тоже плохо, — сказал он. — В каждом доме бывают отходы, домашняя ветчина вкуснее.

— Хорошо, если вы считаете это необходи-

мым — сказал я, — я постараюсь обзавестись поросенком.

— А собаки у вас нет? — спросил Озолс. — Вы не охотник?

— Пожалуй, что охотник, — сказал я. — Но собаки у меня нет.

— Очень жаль, — сказал Озолс. — И кошки нет?

— Я не совсем вас понимаю, — ответил я ему тогда на вопрос о кошке. — Я не помню, какое количество животных описано Бремом, но смею вас заверить, что ни одного из них, к моему великому огорчению, у меня нет.

— Дело в том, что я ветеринарный врач, — с достоинством ответил Озолс. — Мне сообщили, что у вас заболело какое-то домашнее животное.

Он опять взял в руки свою открытку, с сожалением посмотрел на незабудки и задумчиво покачал головой.

— Очень жаль, по-видимому, произошло недоразумение, не смею вас больше задерживать...

И вдруг меня осенило! Я вспомнил, что где-то уже видел такую открытку с незабудками... Да ведь я видел ее у себя! В гостиной у Блейка валялось несколько альбомов для открыток... Я еще подивился, зачем этот эстет держал у себя такие мешанские альбомы с почтовыми карточками... В одном из них я видел точно такие же незабудки!

И тут я вспомнил, что много месяцев назад ко мне приходил заведующий каким-то дровяным складом и тоже все время вертел перед моими глазами какую-то почтовую открытку...

— Одну минуту, господин Озолс! — воскликнул я и пошел в гостиную...

Я схватил альбом, перелистал, нашел открытку с незабудками и поспешил обратно в кабинет.

— Посмотрите, господин Озолс, — сказал я. — Какое удивительное совпадение: у меня такая же открытка, как у вас!

Озолс взял мою открытку, сличил со своей, затем выпрямился в кресле и с каменным лицом посмотрел на меня.

— Я не понимаю, господин Берзинь, для чего вам нужна была эта комедия? — с достоинством спросил он. — У других тоже есть нервы.

— Извините меня, Озолс, — непринужденно ответил я. — Но сперва у меня возникли сомнения...

— Какие же могут быть сомнения? Посмотрите сами.

Он подал мне обе открытки — не могло возникнуть сомнений в их идентичности.

— В последнее время столько неожиданностей... — Я виновато посмотрел в рыжие глаза Озолса. — Так что известное предубеждение...

— Какие неожиданности могут быть между нами! — Ироническая улыбка чуть тронула губы моего посетителя, он слегка вздохнул и выжидательно на меня посмотрел. — Я слушаю вас, господин Берзинь.

— Вам кто передал, что нужно явиться ко мне? — деловито спросил я, как бы проверяя своего посетителя.

Озолс приветливо улыбнулся.

— Один мой старый друг из-за океана. Ведь я...

В этом разговоре все следовало угадывать с одного слова.

— Ведь вы...
— Да, я провел там около восьми лет.
— Вы там работали...
— Тоже ветеринарным врачом...— Озолс самодовольно улыбнулся.— Но мне не один раз приходилось участвовать в подавлении забастовок сельскохозяйственных рабочих...
— И вы по-прежнему поддерживаете связи?
— К сожалению, нет.— Озолс опять улыбнулся. После того, как я показал ему свою открытку, он превратился в воплощенную любовь: как-никак я являлся его начальником.— По возвращении в Латвию я все их растерял.

Я тоже вежливо ему улыбнулся.
— Но мы их восстановили...
Озолс утвердительно кивнул.
— Да, вы сумели найти меня.
— А что вы делаете сейчас?
— Как что? — удивился Озолс.— Лечу коров и собак.

— Нет, не в том смысле.
— А что же я могу сейчас делать? — еще больше удивился Озолс и неожиданно обнаружил проблески какого-то остроумия.— Мы будем ждать мирных весенних дней, когда опять возникнет нужда в агрономах и ветеринарах.

И правда, чем мог быть полезен такой Озолс капиталистической разведке? Мне совсем неясна была его роль. Сообщать, какие военные части движутся мимо его дома? Трудно было допустить, что такой шпион стоит целой армии...

Однако надо было как-то оправдать посещение Озолса, и не только для себя, но и для него.

— Видите, вы мне понадобились...— Я не знал, что ему сказать.— Наша служба проводит, так сказать, что-то вроде переучета. Кое-кто у нас выбыл, мы, так сказать, перестраиваем свои планы, так сказать, заново пересоставляем наши планы тайной войны...

Озолс внимательно слушал.

— Поэтому хочется еще раз подумать, чем вы можете быть полезны.

Озолс молчал.

— Я обращаюсь к вам, господин Озолс,— повторил я.— Подумайте, чем вы можете быть полезны?

Озолс заерзал в своем кресле.

— Вряд ли я смогу быть вам полезен в чем-либо другом, кроме того, что уже было запланировано, — промолвил он с некоторой тревогой в голосе.— Ни стрелять, ни участвовать в каких-либо авантюрах...— Он покачал головой.— Нет, господин Берзинь, я узкий специалист, и вне своей специальности мне не хотелось бы участвовать ни в каких планах.

Я задумчиво протянул:

— А мы запланировали для вас...

— Сибирскую язву, господин Берзинь,— напомнил мне мой посетитель тоном, ясно говорившим, что мне нечего делать вид, будто я этого не помню.— При получении соответствующего указания я и двое моих коллег, которых вы знаете не хуже меня, сможем вызвать эпидемию сибирской язвы у домашнего скота во всей Прибалтике, а в случае необходимости с помощью кисточек для бритья перенесем ее и на людей...

Да, пожалуй, такой шпион стоил армии!

— Да, да, Озолс, я помню об этом задании,— сказал я, с интересом разглядывая своего невзрачного собеседника, который вдруг предстал передо мной совсем в ином качестве.— Но я предполагал, что вы и до этого сможете оказать кое-какие услуги.

— Нет, господин Берзинь,— решительно отказался Озолс, не спрашивая даже, что я хотел ему предложить.— Я не умею ни убивать, ни похищать и не хотел бы за это браться.

— Ну, хорошо,— сказал я ему.— Очень рад был с вами познакомиться.

— Отлично,— сказал тот и поднялся.

Но я еще не хотел его отпускать. Мне надо было узнать его адрес. Надо было узнать еще что-нибудь, что перекинуло бы цепочку к другим.

— Простите, Арнольд... Арнольд...

— Янович,— подсказал Озолс.

— Арнольд Янович,— повторил я.— Ваш адрес не изменился?

— Врачи и аптекари не должны менять адресов,— назидательно ответил он.— Иначе легко растерять клиентуру.

Но мне надо было узнать, где он живет.

— Вам когда передали о моем желании видеть вас? — спросил я.

— Это было три дня назад,— сказал он.— Но я не мог выехать сразу.

Значит, он встретился со своим американским другом в день отъезда мистера Тэйлора из Риги...

— И долго вам пришлось добираться? — спросил я.

— Нет,— сказал он.— Как обычно.

— Отлично,— сказал я.— Я хочу только еще раз взглянуть на вашу открытку...

Нет, в ней не было ничего особенного, открытка как открытка: надпись «Carte postale», место для марки, а на обороте — голубые незабудки.

Я не знал, надо ли ему дать денег, но решил не давать.

— Отлично,— сказал я еще раз, возвращая открытку.— Поезжайте домой. Желаю вам всего доброго. Если вы понадобится, мы поставим вас об этом в известность.

Мы церемонно раскланялись, и я проводил его до входной двери.

Затем вернулся в кабинет, взял открытку, извлеченную мной из альбома, и пошел в гостиную...

Это был, оказывается, не простой альбом!

В нем были открытки с изображением цветов. Астры, розы, жасмин, ландыши, гладиолусы...

Я принялся рассматривать эти открытки. На некоторых из них были написаны карандашом цифры; на открытке с незабудками, которую я предъявил Озолсу, значилась цифра 3481...

Индекс, под которым значился Озолс у Блейка?

Я принялся рассматривать другие альбомы; там были репродукции с разных картин, много всяких пейзажей; в одном из альбомов были открытки с видами Латвии, улицы, площади, всякие достопримечательности...

Возможно, для того, чтобы отыскать ключ к списку, следовало узнать адрес Озолса, и это было не столь трудно: ветеринарного врача всегда можно отыскать в Латвии.

Я снова открыл альбом, в котором находились открытки с цветами, затем достал список Блейка и положил его рядом с открыткой с незабудками.

Озолс значился в этом списке восьмым по счету, Озолс Н. Е.

Но нет, это был не тот Озолс. Тот, который только что был у меня, — Арнольд Янович, а этот — Н. Е. Я перевел взгляд на открытку с незабудками. Незабудки... Незабудки... Незабудки... Нет, товарищ Железнов, моя голова тоже кое-что варит. Незабудка... Незабудка... Н. Е. забудка... Н. Е.— Озолс Н. Е.— Озолс — Н. Е. забудка. Озолс — незабудка... Озолс А. Я.— незабудка.

Я отобрал все открытки, помеченные цифрами.

Цифры не говорили мне ничего. Цветы были кличками, опознавательными кличками всех двадцати шести агентов Блейка, но что значили цифры, я не догадывался.

Я опять взял список.

Ципстиньш Н. А., Блюмс Ф. И., Клявиньш Р. О., Миезитис Л. А.

Я перебрал открытки.

Н. А. Настурция... Настурцией и был Ципстиньш... Но как его зовут на самом деле?

Ципстиньш был настурцией, Блюмс — фиалкой, Клявиньш — розой, Миезитис — ландышем...

Но каковы были их настоящие инициалы?..

Для ясности требуется сказать, что список был написан по-английски и названия цветов я тоже подставлял по-английски, и лишь для удобства читателей я показываю, как бы выглядел этот список на русском языке.

Предстояла работа, и довольно-таки кропотливая, но игра стоила свеч. Теперь-то я понимал, что сидел в Риге не зря: с господином Озолсом необходимо было познакомиться.

Он стоил наших усилий, невзрачный господин Озолс, он же незабудка, и, если это понадобится его хозяевам, он же сибирская язва!

Продолжение следует.

Г. З. Башинджагян (1857—1925).

САНАИНСКОЕ УЩЕЛЬЕ.

Г. З. Башинджаган. СЕВАН ПРИ ВОСХОДЕ СОЛНЦА.

ОТКРЫТИЕ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

А. СОФРОНОВ

Специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

I. ТЕНЬ ПРИНЦА ГАМЛЕТА

Прочтя общее название моих записок, читатели, вероятно, удивятся. Какое еще может быть открытие Южной Америки, когда всем давным-давно известно, что континент этот открыт Христофором Колумбом и прочими мореплавателями, что в южной части американского континента расположено 20 государств, что омывается он с одной стороны Атлантическим, а с другой стороны Тихим океаном... Читатели будут правы. Мы действительно кое-что знаем о странах Южной (или, как принято говорить, Латинской) Америки, их культуре, замечательных поэтах и артистах, мелодичной музыке, о природе этого континента.

Мы читали книги и слушали песни, смотрели кинофильмы и встречались в Москве с гостями из Южной Америки. Мы знали также и то, что «Аргентина — это мясо, Уругвай — шерсть, Чили — медь, Перу — серебро, Венесуэла — нефть, Коста-Рика — бананы, Боливия...» Впрочем, стоит ли перечислять эти насильно внушенные всему миру краткие характеристики целых государств и народов, отнюдь не отвечающие действительному положению вещей!

О жизни народа судят не только по ведущей отрасли промышленности, но и по его политике и духовной жизни, его культуре и его отношению к другим народам. С этой стороны Южная Америка была закрыта от нас стараниями тех, кто долгие годы пытался (да и сейчас еще пытается!) держать в колониальном повиновении целые народы и государства. Поэтому для группы советских журналистов поездка в страны Южной Америки означала открытие этих стран не только для них самих, но и для миллионов читателей наших газет и журналов, всегда с большими симпатиями и сочувствием следивших за борьбой народов этих стран за свою политическую и экономическую независимость.

Почти все из нас немало поездили за последние годы по миру. Побывали в Соединенных Штатах Америки, пересекали океаны, чтобы увидеть Австралию, исколесили Европу и Азию и дышали жарким воздухом Африки, наполненным озоном борьбы с колониализмом.

Нам нет нужды скрывать свои симпатии и антипатии. Мы душой, мыслями и сердцем с теми, кто ведет борьбу за счастье своих народов, не щадит своих сил, а когда надо, и жизни в борьбе против тех, кто пытается удержать в ко-

лодках колониализма миллионы людей, кто размахивает атомно-водородной дубинкой, рассчитывая запугать народы грибообразной смертью. Мы, советские журналисты, поставили свое перо на службу самым благородным идеям — идеям марксизма-ленинизма, и для нас нет большего счастья, когда наш скромный труд помогает их торжеству, а наше слово срывает любые завесы, мешающие людям разных народов узнавать друг друга, помогает завязывать дружбу, служит великому делу мира.

Как личное счастье, например, воспринимаем мы известия, полученные нами из Ирака, где люди, любящие свою многострадальную родину, разорвали одним ударом пути Багдадского пакта, ввергли в смутнение и замешательство заокеанских владык, до этого старательно строивших здание багдадского стовора, высказали свои симпатии славной Объединенной Арабской Республике и решили дальше идти своим самостоятельным путем. Совсем недавно, всего каких-либо полгода, мы встречались во время работы Каирской конференции с мужественными борцами за национальную независимость Ирака, слушали их пламенные выступления с трибуны конференции, а сейчас радуемся их смелому шагу. И хочется сказать: счастливого пути, Багдад!

Не так давно на одном из официальных приемов я спросил одного из дипломатов, сумею ли я, если предоставится такая возможность, посетить страну, которую он представляет у нас.

— В качестве туриста или журналиста?

— В качестве человека, дружески относящегося к вашему народу.

— Да, конечно, — ответил дипломат. — Только вы очень много выступаете против капиталистов...

— Но ведь капиталисты, которые не очень дружески относятся к нашей стране, приезжают к нам?!

— Да, конечно, — сказал мой собеседник, — я думаю, что в качестве туриста будет удобнее...

Откровенно говоря, я не думал, чтобы туристская путевка могла изменить образ мыслей...

В Южную Америку мы ехали не по туристской путевке. Мы летели туда, представляя редакцию наших газет и журналов. Летели друзьями, ибо все, что мы знали раньше о народах, живущих в южной части американского континента, располагало нас к этой дружбе. Но знали мы не очень

много, и открыть то, чего мы не знали, было нашей задачей.

Погода ломает расписание

Вернемся к апрелю этого года. Какой же он был? Теплый? Как будто. Впрочем, не очень.

Весна запаздывала.

Самолет «ТУ-104», нырнув в синее окошко над аэродромом, через несколько минут оказался на высоте 11 тысяч метров. В окно было яркое солнце; казалось, что мы летели над тундрой. В самолете шли гадания: дождался ли нас самолет скандинавской компании САС, который должен был с нами отправиться в столицу Уругвая, или улетел?

— Самолет улетел, — сказал представитель Аэрофлота, встречая нас у самолета в Копенгагене.

— А как же мы?

— Возможности выясняются.

Возможностей было немного. Или сегодня же лететь в Париж, а оттуда, разбившись на две — три группы, отправиться дальше, или, дождавшись в Копенгагене очередного рейса, через три дня лететь всем вместе.

— Компания САС предлагает остаться. Мы позаботимся о вашем отдыхе. Устроим прогулку в северную Зеландию. Можете посетить замок Кронборг, в котором происходили события, описанные английским драматургом Шекспиром в трагедии «Гамлет», — предлагает нам Нильс Вальтерс, голубоглазый сервис-агент компании САС.

«Гамлет», кажется, всех убеждает.

— Кроме того, вы отдохнете, — говорит Вальтерс.

— Быть! — решаем мы.

И вот мчимся по улицам Копенгагена. Обгоняем велосипедистов, одетых в прозрачные плащи и капюшоны. У некоторых домов стоят велосипеды. Кожаные сиденья у них тоже словно в целлофане. Останавливаемся в тихом отеле «Меркур». Серое небо. За окном потоки дождя.

Несколько лет назад по дороге в Исландию нам также пришлось вместо одного дня прожить в Копенгагене неделю. Правда, тогда был сентябрь, золотая осень. На мостовых и тротуарах лежали груды ломких багряных листьев, и весь город был веселым и шумным. Веселье это было нарушено появлением американских и английских моряков, пришвартовавшихся в Копенгагене после военно-морских маневров НАТО. Дебоши, пьяные драки, оскорбления женщин увенчали тогда финал маневров.

И в этот дождливый апрельский вечер, отправившись побродить по городу, мы наткнулись возле соседнего отеля на группу бордатых мужчин в рыцарских доспехах, в рогатых железных шлемах. Мы невольно остановились. Рыца-

ри были навеселе. Один из них обратился к нам:

— Знаете, кто мы такие?

— Нет.

— Мы потомки викингов! Мы готовимся к встрече викингов из Филадельфии.

Мы засмеялись. В каких только обликах нам не приходилось встречать американцев!.. Но викинги? Да еще из Филадельфии?!

Впрочем, к встрече викингов из Филадельфии в Копенгагене готовились по-разному. Наш транзит через Копенгаген совпал с днями подготовки к заседаниям сессии НАТО. Известно, что участники сессии не встретили особенно дружелюбного приема со стороны жителей столицы Дании и вынуждены были заседать под охраной усиленных нарядов полиции. Мы же были свидетелями такого эпизода. Однажды вечером на мосту, перекинутом через канал, датчанин съездил по физиономии некоему гражданину, который не уступил ему дорогу. Появившийся полицейский схватил за руку датчанина.

— В чем дело?

— Нечего американцам делать в Дании!

— Но я же не американец, я немец! — воскликнул потерпевший.

— Американец, я вижу, — мрачно утверждал датчанин.

— Вот мои документы! — настаивал немец.

— Тогда, извините, ошибся... Ведите в полицию, — сказал датчанин и покорно пошел впереди полицейского.

В этот вечер мы зашли в одно из маленьких кафе. Есть какая-то прелесть в их тишине. Сюда приходят люди выпить стакан молока или бутылку пива. Здесь часами сидят за чашкой кофе пожилые люди, шурша газетами. Пятнадцать — двадцать столиков неслышно обслуживает одна официантка в белом переднике. Она молча записывает заказ, молча приносит заказанное, молча получает деньги и только покраснеет до ушей, если вы неосторожно оставите ей сверх положенного «на чай», так как в счете, который она вам подает, уже учтены 10—15% надбавки за обслуживание.

Мы сидели около окна и сквозь бегущие по стеклу дождевые капли наблюдали редких прохожих. Вот, обняв временную подружку, прошел, покачиваясь, американский морячок в лихо сбитой набок белой шапочке. Подошел к дверям кафе пожилой, плохо одетый человек, внимательно перечитал вывешенное у входа в кафе меню, постоял несколько секунд в раздумье, открыл было дверь, но так и не вошел. Прочитала меню молодая парочка; юноша, сдвинув брови к переносице, пошевелил губами, затем обратился к девушке и что-то смущенно ей сказал. Она беззаботно махнула рукой,

Смена караула королевской гвардии.

поцеловала его в мокрую щеку, и они отправились дальше...

Шапки из медвежьих шкур

Каждого, кто побывает в Копенгагене, неизбежно ожидает вопрос:

— Видели ли вы смену королевского караула?

И если вы скажете, что не видели, вас встретит недоуменный взгляд.

В воскресный день мы добросовестно осмотрели своеобразный музей — клипботеку Якобсона. Когда-то, еще в прошлом веке, предприимчивый молодой человек перевез в шапке из Германии в Данию рецептуру немецкого пива. Открыл в Копенгагене завод. Дело пошло успешно. Потребители приняли пиво одобрительно. Появилась возможность работать на экспорт. Якобсон разбогател. Одновременно с расширением пивоварения занимался культуртрегерством. Организовал своеобразный музей, в котором ныне собрано немало античной скульптуры, подлинников и копий Родена. Под стеклянными крышами здесь же, по соседству с мрамором и гипсом, находятся различные чудеса ботаники из далеких, заморских стран. В одном из залов — вывезенный из Рима мозаичный пол второй половины первого века нашей эры. Вход в клипботеку бесплатный. Посетителей мало.

Мало посетителей и в Национальной картинной галерее, в которой наряду с живописью старых скандинавских и других европейских мастеров, с несколькими полотнами Рембрандта вы можете увидеть бредовые «опыты» модернистов начала XX века и нынешних путаников от изобразительного искусства.

Возле одного такого опуса — раскрашенного куска фанеры с приклеенной рогожей, — держа друг друга за руки, стояли хрупкие веснушчатые юноша и девушка в коротких, до колен, брюках и таращили глаза на эти изделия деревообрабатывающей промышленности. Мы задержались, чтобы услышать хоть какое-либо восклицание из уст юных ценителей живописи. Напрасно. Немое восхищение — и больше ничего. У полотна Рембрандта было пусто.

К двенадцати часам дня надо было поспеть к королевскому дворцу на площадь Амалиенбург. В это время происходит смена караула королевской гвардии. Когда мы появились на площади, был уже почти полдень. На мостовой стояла толпа людей. У дворцовых окон маршировали литым строем в синих мундирах, перекрещенных на груди широкими белыми ремнями, гвардейцы. Шевелился под легким ветерком черный мех лохматых шапок. Гвардейцы были бравыми ребятами; им, видно, нравилось, что за их маршировкой наблюдают сотни людей.

Около нас оказался человек в дождевике с капюшоном. Видимо, узнав в нас русских, он счел обязательным заговорить:

— Вы, наверно, гадаете, господа, откуда у гвардейцев такие шапки? Как ни странно, они имеют отношение к России...

— К России?

— Именно к России... Еще в те годы, когда здравствовал ваш Николай II, он подарил нашему королю двести медвежьих шкур, из которых были сшиты вот такие шапки.

— Эти вот?

— Нет, не эти... Их «предки». Все в этом мире изнашивается. Износились и двести медвежьих шкур. Но к этому времени у вас не оказалось Николая второго... Что было делать? Текстильная промышленность при помощи каких-то синтетических соединений пришла на помощь. Попробовали делать шапки из искусственного материала. Но он оказался невысокого качества, не было необходимой упругости и стойкости. Тогда вспомнили о Канаде. Там оказалось достаточное количество черных медведей. Так что эти шапки, которые вы видите, сделаны из шкур канадских медведей.

Смена караула закончилась. Зрители покидали площадь Амалиенбург.

В гости к Гамлету

Ровно в 9 утра к отелю «Меркур» подкатил маленький автобус. Из него вышел Нильс Вальтерс.

— Готовы ли господа отправиться на прогулку? — спросил он. Мы были готовы.

— Жаль, дожидаясь погоды, но здесь авиакомпания бессильна... Надеюсь, наши скандинавские ту-

чи не омрачат вашего русского настроения?

Мы заверили Нильса, что настроение наше не зависит от погоды.

Автобус бодро шел мимо лесов и озер. В озерах плавали лебеди. Высокие деревья еще сохранили осеннюю листву. Кое-где в лесу работали лесорубы, видны были графически четкие поленницы дров. Остались позади леса, с двух сторон дороги замелькали черные вспаханные поля. Навстречу промелькнул трактор. Тракторист сидел под прозрачным тонким куполом; это уж, видимо, местное приспособление от дождя. В автобусе зазвучала песня: «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина».

— Похоже на нашу русскую природу, — сказал кто-то, глядя на небольшие рожицы с черными ветками, на которых застыли бисеринки дождя. Ох, уж эта журналистская страсть все на свете сравнивать с родными пейзажами!

Но скоро пейзажи, позволяющие такие сравнения, исчезли. Мы въехали в небольшой одноэтажный каменный городок Хиллеред. Здесь тоже шел дождь. На тротуаре стояла стайка школьниц в прозрачных плащах. Мимо шли женщины, на туфли которых было надето что-то похожее на прозрачные ботинки, а шляпки у них были также заключены в прозрачные оболочки. На углу стояли запряженные в грузовую телегу широкогрудые першероны, на них целлофана не было. Мы подъехали к старинному замку Фридрихсберг. У входа его на большом камне было что-то высечено.

— Первое изображение Христа на камне, — сказал радушно встретивший нас служитель музея.

Мы стояли на широких стертых плитах, на которых когда-то происходили рыцарские турниры. Все здесь дышало стариной и запахом реставраций. Работали маляры, вода взад-вперед широкими кистями. Сквозь зубы они мурлыкали какой-то печальный мотив. В церкви, в которой происходили коронации королей, гид обратил наше внимание на орган, установленный здесь в 1620 году, и на алтарь, созданный художником из Гамбурга. На высоких стенах церкви много гербов. Все они рыцарские. Когда кто-либо посвящался в рыцарское звание, герб

его немедленно помещался в церкви. Рыцарское звание получили и президент США Эйзенхауэр и Уинстон Черчилль, на гербе которого записаны многозначительные слова: «Мир — путем взаимного понимания». Здесь висит и рыцарский герб фельдмаршала Монгомери. Фельдмаршал, как военный человек, не обладал, видимо, излишней доверчивостью. «Будь всегда на страже», — записал он на своем гербе.

— Здесь все рыцарские. Только один датский гражданин, знаменитый физик Нильс Бор, имеет свой герб... Вот, видите, ядро в центре и девиз: «В споре рождается истина», — указал служитель музея на скромный, отличающийся от других герб.

Чем больше мы ходили из зала в зал, рассматривая картины и панно, тем больше создавалось впечатление, что датчане были когда-то очень воинственным народом. Мы сказали об этом нашему гиду. Ему это очень понравилось.

— О, да! — воскликнул он. — Мы всегда воевали со шведами!

— А теперь каковы у вас отношения?

— Теперь наши разногласия не имеют значения. Есть разногласия побольше наших.

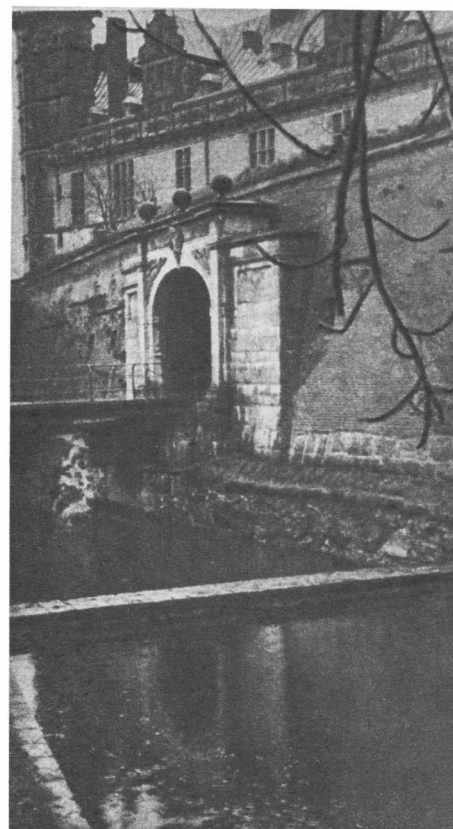
В разных комнатах одновременно начался звон и бой часов.

— Двенадцать, — сказал Вальтерс, — пора ехать в замок Гамлета.

Уже при выходе в одной из комнат мы обратили внимание на групповые портреты, выполненные в реалистической манере.

— Это зал портретов героев движения Сопротивления, — сказал служитель. — Надеюсь, вы знаете, что мой маленький народ вел героическую борьбу против фашистских оккупантов? Почти все эти люди погибли в концлагерях и фашистских застенках.

Мы, конечно, знали об этом, но короткое напоминание вдруг отодвинуло прочь рыцарские гербы

Вход в замок.

и доспехи. Молча мы направились к выходу. Нас провожал нестройный звон часов. В замке не все часы шли точно...

Рядом с корабельными доками в городе Хельсингёр, главенствуя над мачтами кораблей, стоял замок... Старые, покрытые ржавым мохом стены. Голенастые деревья, изогнутые словно в нечеловеческой муке. Ров, наполненный темной неподвижной водой. Чугунные пушки на каменных брустверах. Горки черных ядер. Старина, старина... Не по этому ли каменному двору бродил принц датский, решая простой и очень непростой вопрос: быть или не быть?

Нильс сказал нам:

— На этом дворе обычно устраиваются традиционные представления «Гамлета». Здесь играли лучшие исполнители главной роли. К сожалению, я не видел ни одного русского Гамлета... Нам говорили, что советский режиссер Николай Охлопков замечательно поставил «Гамлета» в своем театре. К сожалению, когда я был прошлым летом в Москве, этого театра не было в столице. Я, правда, видел «Три сестры» в Художественном театре. Также очень хорошо, у них по-своему поставлен вопрос: быть или не быть?

Нас встретил со связкой ключей в руках красивый человек в строгой черной форме.

— Оге Даниельсон — смотритель музея, — представился он и пригласил нас в замок.

— Вот комната королевы.

— Какой?

— О, их было слишком много! Обратите внимание на пол, ему уже триста лет.

В рыцарском зале Даниельсон сказал:

— Прошу, господа, обратить внимание на потолочные балки. Потолок построен в 1630 году. Балки с тех пор не менялись.

Мы взглянули на балки. Черные, ребрами торчащие под потолком, они действительно производили внушительное впечатление. Да если еще принять во внимание, что им уже почти 330 лет...

— Когда гостям становилось во время пиршеств дурно, они выходили сюда, — открывая дверь, проговорил Даниельсон. — Несовременное учреждение, но все же говорит о некоторой культуре той эпохи.

Мы остановились возле одного из окон. Из него был виден пролив, подернутый легким туманом.

В маленьком датском городке.

Пушки на бруствере, горки ядер.

— А что за берег виднеется сквозь туман?

— Это шведский городок Хельсингборг.

— А скажите, Даниельсон, что вы знаете о Гамлете?

Смотритель посмотрел на нас чуть снисходительно.

— Что знаю? Станный он был парень... Но это — далекое прошлое.

— Сейчас похожих нет?

— Откуда они могут быть в наш век?

— А вам всегда все ясно?

— Не понимаю вас.

— Ну, у вас никаких сомнений в жизни не бывает?

Даниельсон на мгновение задумался.

— Да какие могут быть сравнения? У меня хорошая работа, приличное жалованье.

— А что нужно, чтобы быть смотрителем такого музея?

— Нужно знать английский и немецкий языки, не сидеть до этого в тюрьме и иметь хорошие солдатские бумаги.

Да, от Гамлета здесь ничего не осталось. Старые своды замка, выцветшие гобелены, реставрированные картины. Рыболовы со спиннингами возле чугунных пушек... Пожалуй, некоторые наши театральные постановки выглядят более помпезно!

Когда мы возвращались к автобусу, оставленному нами у ворот замка, раздалось несколько автомобильных сигналов, и во двор замка, с маленькими пушками на прицепе, вкатилась ватага «джипов». В них, накрывшись мокрыми плащ-палатками и маскировочными сетками, сидели солдаты. Где-то по соседству, видимо, проходили военные учения.

Быть или не быть?

На другой день в полдень мы попрощались с Копенгагеном. С утра еще шел дождь, но потом тучи рассеялись, выглянуло солнце, засверкали винты самолетов.

Промелькнула под нами Германия. Короткая остановка — только во Франкфурте-на-Майне.

Швейцария. Чистенький аэропорт Цюриха. Как и всегда, те же швейцарские часы, тот же шоколад. Один за другим в разные концы земли уходят самолеты. Поднимаемся в воздух и мы. Следующая посадка в Лисабоне. Внизу фран-

цузская земля. Самолет идет на высоте четырех с лишним километров. Сквозь разрывы облаков видны зеленые лесные массивы. Затем пейзаж меняется. Справа лазурно-синяя гладь. Накат волн в несколько рядов. Это беспокойный Бискайский залив. На берегу городки с красными черепичными крышами. Но скоро берег уходит из поля зрения. Самолет потряхивает. Под нами морщинистые, безлесные, с черными прожилками складки Пиренеев. Начинается Испания. Долго тянется кажущаяся сверху безжизненной коричнево-серая суровая земля. Кое-где небольшие города, вбирающие в себя пучки дорог. Ослепительно сверкает медленно сползающее вниз солнце.

Просматривая газеты, читаем сообщение: вице-президент США Никсон прилетел в Уругвай и после этого посетит еще семь стран в Латинской Америке.

Вспоминаем о том, что в Вашингтоне при посещении Белого дома мы видели кабинет Никсона, но сам вице-президент не пожелал встретиться с советскими журналистами.

— Теперь поглядим на него, — говорит кто-то.

— Вряд ли... Он уже перелетит в Аргентину.

Упоминание об Аргентине возвращает нас к мыслям о нашем путешествии. Мы вылетели из Москвы с одними уругвайскими визами и с обещаниями, что визы в другие страны Латинской Америки мы, возможно, получим в Монтевидео.

— Быть ли нам в других странах или нет? Вот в чем вопрос.

А самолет уже идет над Португалией. Под нами густая, темная зелень. Почти красная, словно подожженная земля. Глубокие овраги. Рядом с ними широкие виноградники. Круто выходящие, бегущие к океану горные реки. Большие озера. Самолет теряет высоту и проносится над белыми и желтыми домами. Это предместья Лисабона. Мелькают навстречу кварталы высоких каменных зданий. Мосты. Виадуки. Чаша стадиона. Короткая пробежка — и мы выходим на зеленое поле аэродрома.

Здесь уже ждут служащие авиакомпании, подкатившие к самолету тележки с едой. Теплый морской воздух обволакивает нас. Солнце уже совсем на заходе, и все вокруг какого-то мягкого розового цвета: здание аэропорта, ангары, крылья стоящих на поле самолетов. У входа в аэропорт стоит рослый полицейский с пистолетом и кинжалом. Здесь, видимо, такая форма. В аэропорту шумно, чувствуется, что португальцы — люди темпераментные. На стенах аэропорта яркие плакаты, приглашающие посетить Португалию и посмотреть бой быков. В ресторане много монахов в черных одеяниях. Они степенно пьют пиво. В киоске с сувенирами местные изделия из пробкового дерева и хорошо выполненные статуэтки из красной глины.

Продавец, заворачивая сувениры и узнав, что мы из Советского Союза, говорит:

— Наконец-то наши товары пойдут в Москву.

Быстро темнеет. Взглянув на европейскую белую луну, выплывшую в густую синеву неба, мы снова поднимаемся в самолет.

— Полет будет продолжаться тринадцать часов, — говорит стю-

ардесса. — Первая посадка в Латинской Америке — город Ресифи. Мы уверены, что никаких происшествий не будет, но на всякий случай прослушайте, как пользоваться спасательным жилетом...

— Лучше бы им пользоваться в ванной, — говорит, засыпая, Аджубей.

Шекспировские страсти в Голливуде

Не один раз мне приходилось летать ночью через океаны, но, кажется, к этому никогда не привыкнешь. Ощущение, что внизу нет земли, не покидает в полете. Кажется, что ты вместе с самолетом затерялся в темной громаде неба, хотя ровно гудят моторы, светят звезды, горит электрический свет, по самолету неслышно бродят стюардессы, предлагая легкие одеяла — укутать ноги. Все вспомнишь, все передумаешь в таком полете.

В таких случаях лениво перелистываешь журналы в надежде найти что-либо интересное.

Так и на этот раз. На обложке одного из них я увидел скорбное лицо женщины... Вместе с переводчиком мы разобрались в том, что происходило с ней. Нет, все-таки смотритель музея Даниельсон был не прав. Шекспировские страсти, правда, освобожденные от философии, докатились и до Голливуда, затронув непосредственно одну из голливудских звезд. «Мужчины — ее судьба» — гласил заголовок. Дальше шел синтез судьбы киноактрисы Ланы Турнер. «После пяти замужеств и бесчисленных любовных историй она попала в руки Джонни Стомпанато — писаного красавца, платного обольстителя в ресторане¹, который имел связи с

¹ Штатная должность в ресторанах для привлечения богатой клиентуры.

Дождь идет...

Скульптура русалки в Копенгагенском порту работы Эдварда Эрикссена.

гангстерским миром. Эта связь кончилась трагедией. Чериль, 14-летняя дочь Ланы, зарезала гангстера кухонным ножом, когда тот угрожал изуродовать лицо кинозвезды Ланы».

Затем излагалась вся история этой трагедии, в которой, как в капле воды, отразился мир страны, так широко расхваливающей свой «образ жизни».

Лана Турнер не впервые испытывает такую трагедию. Много лет назад был застрелен и ограблен ее отец. Мать Ланы отдала тогда свою десятилетнюю дочь в семью, где она стала домашней работницей. Девочку избивали до крови. Мать взяла дочь обратно, стараясь прожить на 10 долларов в неделю. В 15 лет Лана поступила в монастырскую школу и пыталась стать монахиней, но ей это не понравилось. Попытка перекавалифицироваться в машинистку также не удалась. В 16 лет, как она сама говорит, Лана стала «королевой ночных клубов». Она ходила в красном джемпере и обладала фигурой, «на которую обращали внимание все мужчины». Этого было достаточно, чтобы Лана попала в Голливуд. Дальше идет калейдоскопическая смена мужей, пока кинозвезда на время не успокаивается, полюбив дирижера джаза Арти Шоу. Но Шоу оказался человеком нравственным. Он требовал, чтобы Лана не употребляла губную помаду и ходила на низких каблуках. Он учил ее гладить свои рубашки и читал ей книгу Ницше «Так говорил Заратустра». Через четыре месяца «Лана устала гладить рубашки и решила, что прекрасно может обойтись в жизни и без Ницше». Журнал с протокольной точностью описывал, с кем встречалась Лана после того, как рассталась с дирижером джаза... Наконец она встретилась с Джоном Стомпанато, сыном парикмахера из штата Иллинойс. Он был связан с гангстерскими кругами, в частности с Бугси Сиглем — калифорнийским королем гангстеров. Сигль был одним из руководителей гангстерского акционерного синдиката «Смерть», который, как сообщал журнал, «с середины

30-х годов господствовал над всем североамериканским континентом». Стомпанато научился, как надо убивать, терроризовать, насиловать, угрожать... Стомпанато был жестоким человеком, и его темперамент был просто ужасным. «Его лицо могло становиться серым от гнева, нижняя челюсть начинала дрожать, а глаза метали молнии». Этим, видимо, он и покорила Лану Турнер. 4 апреля этого года Чериль, дочь Ланы, стала свидетельницей скандала, когда Стомпанато в ярости угрожал ее матери, что он изрежет ее лицо бритвой, изувечит, задушит ее.

«Больше ты не будешь мучить мою маму!» — крикнула Чериль и, как пишет журнал, «бросилась на гангстера и со всей силой вонзила кухонный нож в его диафрагму. Стомпанато несколько секунд удивленно смотрел, а потом без звука упал на ковер в спальне Ланы Турнер. Через минуту он умер».

Бедная, бедная девочка Чериль, в каком мире ты живешь?! И до каких глубин падения привел мир капитализма человека! И где границы этого падения?! Как высоко стоит Гамлет над этой бездной! ...Черная атлантическая ночь редкими звездами провожала наш самолет на южноамериканский континент.

Быть!

Это была очень длинная ночь. Кто-то тронул меня за плечо. Я открыл глаза, стюард стоял возле меня с подносом. За окном все еще было звездно.

— Почему так рано?

— По скандинавскому времени семь утра.

— А по южноамериканскому?

— Где-то посредине...

Пассажиры просыпались. Сначала робко, а затем все ярче алел восток. Временами, когда самолет проносился сквозь облака, казалось, что мы летим в розово-золотистом дыму.

Подождал стюард и спросил:

— Не нужна ли электробритва?

Нашлись охотники бриться садовой бритвой.

Но вот внизу показался желтый срез берега. Это была уже бразильская земля, Южная Америка. В окно было видно, что многие домики стоят, окруженные водой. Здесь прошли большие дожди и затопили пригороды Ресифи.

Жмурясь от яркого солнца, в шесть утра по бразильскому времени мы вышли из самолета.

Несмотря на раннее утро, было очень душно. В ресторане, куда нас проводили, чтобы выпить по стакану апельсинового сока, к нам подошел официант.

— Как ваше имя? — спросили мы его.

Официант удивился.

— Зачем вам?

— Нам хочется знать имя первого человека, с которым мы разговаривали на этом континенте.

Официант был доволен.

— Азамиро, — сказал он. — Я хороший человек... Можете быть спокойны. Как вам нравится наш аэропорт?

— Красивый.

— Это новый... Вы будете в Рио-де-Жанейро?

— Еще неизвестно.

— Это самый красивый город в мире.

— А вы видели какие-либо другие столицы?

Официант пожал плечами.

— Зачем? Об этом все знают...

Не сговариваясь, мы улынулись, вспомнив Остапа Бендера. Значит, Остап — плод веселой фантазии Ильфа и Петрова — недаром рвался в Рио-де-Жанейро! Самолет за часовую стоянку внушительно нагрелся, в нем было душно, как в парной. Даже веера, которыми нас снабдили стюардессы, не помогали. Но вот снова стало прохладно. Самолет взял свою обычную высоту и пошел вдоль кромки между сушей и океаном. Справа была густая, темная зелень бразильских лесов, слева бескрайняя голубизна Атлантического океана...

Аэропорт в Рио-де-Жанейро более старый, чем в Ресифи. Почему-то здесь в этот полдень было много школьников. В синих юбках, белых блузках с синими галстуками, они бродили стайками возле здания аэропорта. У выхода аэропорта с колчаном стрел и луком стоял длинноногий, в коротких штанишках англичанин. Лицо его выражало недовольство. Он прилетел в Бразилию, чтобы здесь заниматься стрельбой из лука, но автомашина, видимо, опаздывала, и он бормотал, что это варварская страна и у этих туземцев нет никакой точности...

В газетном киоске мы обнаружили журнал, в котором злым, нечестным объективом была снята наша красавица Москва.

Мы были на пороге неизвестного нам мира, который нам предстояло познать.

Еще час полета. Посадка в Сан-Паулу — кофейном центре Бразилии, городе, процветающем в связи с быстро растущей добычей нефти в этом районе.

Последний перегон до Монтевидео, где мы должны покинуть самолет и остаться на земле Уругвая. Солнце спускается справа за облаками. Стюардесса разносит бокальчики шампанского — последний привет САСа. Вдруг один бокал падает и разбивается.

— К счастью! К счастью! — раздаются возгласы.

Стюардесса смущенно подбегает с пола осколки.

— У нас это тоже к счастью, — говорит она.

Под нами темная пустынная земля — степи Уругвая.

— Проведем вечер с нашими товарищами из посольства, — говорит Чернышев. — Завтра ведь Первое мая!

Самолет касается колесами бетонной дорожки. Мы видим небольшую группу встречающих. Открывается дверь. В самолет вбегает человек.

— Товарищи, быстро давайте паспорта.

— Что случилось?

— Вы этим же самолетом летите в Буэнос-Айрес...

Мы ошеломлены.

— Как? Почему?

— Вам расскажут. — И советский консул, забрав все десять паспортов, исчезает в вечернем сумраке.

Мы поднимаемся в ресторан, где нас встречает представитель уругвайского МИДа господин Пьедемонте и сообщает о том, что по возвращении из Аргентины уругвайские деятели культуры будут рады видеть советских журналистов и писателей.

Мы спрашиваем работников советского посольства:

— Что случилось?

— Завтра в Буэнос-Айресе передача власти от временного президента Арамбуру законно избранному президенту Артуро Фрондиси. Аргентинские друзья помогли получить визы. Наш работник сейчас мчится в Монтевидео, чтобы в аргентинском консульстве проставить визы в ваши паспорта. Отсюда до города не так близко, больше тридцати километров.

— А самолет? Он же летит по расписанию?

— Компания САС оказала любезность и задержала самолет до возвращения консула с визами.

Мы переглядываемся.

— Кажется, все-таки быть!

— Быть! Быть!

Проходит час. Полтора. Мы идем к самолету. Но консула еще нет. Мы видим, что корректная команда самолета нервничает: ничего не говоря, они смотрят на часы. Еще десять минут. Двадцать... Вдруг из темноты появляется консул. Он протягивает паспорт.

— Все в порядке! Летите!

— До встречи!

Мы снова в самолете. Стюардесса напоминает:

— Застегните ремни.

Ах, да, надо застегивать ремни! Самолет идет на небольшой высоте. Через 30 минут посадка в Буэнос-Айресе. Оказывается, САС еще из Монтевидео сообщил нашему посольству в Буэнос-Айресе о том, что летят советские журналисты... Нас встречают.

— Прямо с вечера приехали, — говорит представитель Совэкспортфильма Сергей Константинов. — Давайте скорей в гостиницу — и к нам в посольство на первомайский вечер.

Мы идем к автомашинам. Над нами распростерлось звездное аргентинское небо. Я оглянулся — тени принца Гамлета уже не было.

Лисабон. Аэропорт.

Сегодня матч СССР-США

НА СТАРТ ВЫЙДУТ СИЛЬНЕЙШИЕ
ЛЕГКОАТЛЕТЫ МИРА

Сегодня на Центральном стадионе имени В. И. Ленина встретятся две сильнейшие легкоатлетические команды мира — СССР и США. Этот «матч столетия», как его окрестила американская пресса, имеет огромный спортивный интерес. Для того, чтобы отобрать лучшую американскую команду, потребовалось провести национальное первенство. Только двое лучших в каждом номере программы получили право состязаться в Москве.

По такому же принципу отбиралась сборная команда СССР на личном первенстве страны, которое состоялось несколько дней назад в Таллине.

Только обладатели золотых и серебряных медалей могли попасть в сборную. Эти суровые требования наложили свой отпечаток на весь ход борьбы. Никакие заслуги, никакие ранее показанные результаты не могли повлиять на состав спортивной делегации, которой предстояла встреча с американцами. Наоборот, безвестный спортсмен, проявивший себя на первенстве, мог стать участником международного соревнования в Москве.

Борьба советской и американской команд, как известно, началась на XV олимпийских играх в Хельсинки, где впервые встретились спортсмены двух стран. Следующая встреча состоялась через 4 года в Мельбурне, на XVI олимпийских играх,

и вот теперь предстоит третья встреча.

Поэтому таким напряжением были насыщены отборочные состязания в Таллине.

Не увидим мы среди участников «матча столетия» А. Игнатова — лучшего нашего бегуна на 400 метров. Он не смог выдержать стремительного темпа, предложенного ему М. Никольским и В. Рахмановым. Не увидим мы среди участников матча и Владимира Куца. Выступив впервые после долгого перерыва в беге на 5 тысяч метров, двукратный олимпийский чемпион вел самоотверженную борьбу с атаковавшими его от круга к кругу П. Болотниковым и Х. Пярнакиви и вынужден был выпустить их вперед. Знаменателен был итог этого бега: два первых призера вышли из рубки 14 минут, показав результат экстракласса.

Печально закончились состязания и для известного прыгуна в высоту В. Ситкина. Встреча 15 сильнейших прыгунов еще раз показала, каких сдвигов удалось добиться в этом еще недавно отстававшем виде легкой атлетики. Правда, на этот раз никому не удалось проникнуть в «стратосферу», и Ю. Степанов, завоевавший титул чемпиона СССР, преодолел планку на высоте всего лишь 2 метров и 3 сантиметра, но следующие за ним три спортсмена

достигли такого же результата, а два прыгуна преодолели высоту на уровне 2 метров. Таким образом, 6 человек показали высокие достижения.

Тяжело придется при встрече с американскими шестовниками нашим спортсменам В. Чернобаю и В. Булатову. Нелегким будет положение и двух наших спринтеров — Л. Бартенева и Ю. Коновалова. По примеру прошлого года, они полюбовно поделили между собой золотую и серебряную медали в беге на 100 и 200 метров. На этот раз первым в беге на 100 метров был Бартенев, а в беге на 200 метров — Коновалов.

Спринт продолжает оставаться одним из слабых мест нашей легкой атлетики, между тем как у американцев бег на короткие дистанции является одним из главных козырей. Но как знать, не явится ли встреча наших бегунов с сильнейшими бегунами Америки тем сдвигом, который изменит соотношение сил в будущем?

Многого добились за последние годы наши легкоатлеты. Замечательных результатов достиг десятиборец В. Кузнецов. Как известно, недавно ему удалось побить мировой рекорд американца Р. Джонсона. Теперь два сильнейших десятиборца мира должны встретиться в Москве.

В. Кузнецов попробовал свои силы в нескольких видах легкой атлетики, входящих в программу десятиборья, и показал высокие результаты.

В беге на средней дистанции нашу команду представляют: Г. Говоров и П. Варрак — на 800 метров, И. Пипине и В. Валявко — 1500 метров.

Бесспорно, напряженным будет состязание прыгунов в длину, в котором О. Федосеев и И. Тер-Ованесян окажутся серьезными соперниками американских спортсменов.

Борьба среди женщин была не менее упорной, чем среди мужчин. И здесь молодежь смело атаковала передовые позиции. Так, Т. Пресс, ученица заслуженного тренера В. Алексеева, отодвинула на второе и третье места двух других известных его учениц — Г. Зыбину и Т. Тышкевич.

В беге на 100 метров вто-

На личном первенстве страны. Забег на 5 тысяч метров. Впереди Петр Болотников — победитель соревнования. Фото Б. Светланова.

рой на финише после В. Крепкиной была студентка Кишиневского педагогического института В. Масловская. В прыжках в высоту второе место после Т. Ченчик заняла девушка из Оренбурга — Г. Доля.

Высокую форму показала в метании диска Н. Пономарева. В метании копья мы

увидим двух молодых спортсменов: Б. Залагайтиса, студентку из Каунаса, и Т. Цветкову.

Сочетание опыта спортивных ветеранов с молодыми легкоатлетами определяет лицо нашей команды.

В. ВИКТОРОВ

г. Таллин.

Айтикé и Жоробéк

Толен ШАМШИЕВ

Пыль взвивая стеной,
Быстро кружатся шины —
По дороге степной
Вихрем мчит машина.

Смел и быстр ее бег,
Потому что в машине
За рулем — Жоробéк,
Как батыр на картине.

Грезил он перед сном,
И теперь ему мнится,
Что на пункте ссыпном
Первым сгрузит пшеницу.

Жоробéк мчит-летит
По дороге по узкой,
Тешит душу в пути
Звонкой песенкой русской.

Вдруг кольнуло в груди:
На пути нет прохода.
Видит он: впереди
Едет с хлебом подвода.

Стал в тупик Жоробéк,
Парень ловкий, бывалый,
А такого вовек
С ним еще не бывало...

Занял путь Айтикé —
Допотопный возница.
Жив задор в старике,
С ним придется возиться.

Не важны для него
Ни сигналы, ни крики,
А объехать его
Не позволят арыки.

Айтикé — человек
С давних лет непреклонный.
Потому Жоробéк
Обратился с поклоном:

— Айтикé, уступи
Поскорей мне дорогу.
Не свернешь ты с пути —
Не поспею я к сроку.

Но сидит Айтикé,
К уговорам несклонный;
Вожжи — в левой руке,
В правой — кнутик ременный.

Он сказал: — Жоробéк,
Ты меня помоложе.
Не окончен мой век,
Соревнуюсь я тоже.

Ты силен и удал,
Я хвалю удалого,
Но я честное дал
Председателю слово.

А сейчас не смолчу
И скажу без коварства:
Раньше всех я хочу
Хлеб свезти государству.

И поэтому встал
Я еще до рассвета.
Кто б ругать меня стал,
Ты скажи мне, за это?

— Ай, — сказал Жоробéк,
Спор продолжить готовый, —
Ты плохой человек,
Айтикé, бестолковый!

Мы друг друга пойдем,
Если спор подытожим:
Ведь машина с конем
Состязаться не может.

И джигит належке
Победит аксакала...
— Н-но! — вскричал Айтикé.
Лошадь вновь зашагала.

А за ней Жоробéк
Вслед на скорости малой.
Да! Такого вовек
С ним еще не бывало.

Вот и пункт вдалеке
За горой показался.

На коне Айтикé
К цели первым добрался.

За возницей седым
Вслед с мешками большими
Появился вторым
Жоробéк на машине.

— Ай, — сказал Айтикé, —
Жоробéк осрамился:
Руль держал он в руке,
А за мною «хвостился»!

Я его обманул,
Но далек я от мести.
Напишите одну
Нам квитанцию вместе!

И сказал Жоробéк,
Стариком покоренный:
— Айтикé — человек
Неплохой, но мудреный.

...Я в стихах вам, друзья,
Рассказал то, что было,
Но машину не зря
Победила кобыла.

Победил аксакал
Молодого шофера,
Чтоб не хвостал и знал,
В чем достоинство спора!

Авторизованный перевод
с киргизского Н. ЩЕРБАКОВА.

КАК ПОМИРИЛИСЬ ИВАН КИРИЛЛОВИЧ И ИВАН ГАВРИЛОВИЧ

Виктор БЕЗОРУДЬКО

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Глава первая, в которой рассказывается о героях

Ну, конечно же, вы никогда не были в Березовке и, пожалуй, и не слышали про нее ничего! А жаль, очень жаль! Что за село! Какая очаровательная красота! Нигде не увидите вы таких верб над Сулой, только в Березовке! А как солнце всходит в степи, как выплывает оно из великого и тихого океана пшеницы, вы видели? А как одинокие огоньки тракторов плывут ночной стелью? Березовка! Тут, что ни воскресенье, по утрам пахнет пирогами, а вечером дивчата и хлопцы такие песни поют, что на левадах соловьи замолкают, а на заседаниях в правлении колхоза забывают о критике и самокритике. Разве об этом думать, когда песня режет сердце на части и каждому из поседевших и усатых деятелей колхоза «Шлях до коммунизму» о любви и о давно прошедшей молодости напоминает?.. Нет, нет, лучшего села, чем Березовка, не найти вам на Полтавщине! Даже на Черкасщине таких нет.

Если вы не были в Березовке, то, может, хоть что-то слышали о председателе колхоза Иване Кирилловиче? Живет он вот тут —

третий двор от кооперации, как раз напротив тетки Якилыны. Хата у Ивана Кирилловича крыта белой черепицей, и петушок на жердочке.

А рядом точно такая же хата, только без петушка. Тут живет Иван Гаврилович, механик колхоза.

Да вот они как раз идут по улице. Оба солидные. Оба крепкие. Оба усатые. Только Иван Кириллович похож на большой колокол ободьями вниз, а Иван Гаврилович похож на колокол ободьями вверх.

Крепкой веревочкой связала их жизнь. Вместе они холостяковали и влюблялись вместе в Оксану, стройную, как тополь, и веселую, как весенний ветер, девушку. Вместе Иван Кириллович и Иван Гаврилович революцию делали и в отрядах Буденного славился храбрыми рубками. А потом колхоз свой строили.

Долго мирно и дружно жили Иван Кириллович и Иван Гаврилович, но в жизни, как на долгой ниве, по-всякому бывает. И в один прекрасный день развязалась эта веревочка.

Глава вторая, в которой рассказывается, как развязалась веревочка

Избрали Ивана Кирилловича председателем колхоза «Шлях до коммунизму», а Иван Гаврилович пошел работать бригадиром тракторной бригады в том же колхозе.

У Ивана Кирилловича спокойный и мягкий характер. Он любит критику сверху и снизу. Не любит он только критику сбоку. Кто стоит сбоку, сам не работает, тому не ждаться пощады от Ивана Кирилловича. Изничтожит.

Еще любит председатель пироги с маком, жареных карасей, но, конечно, отдает предпочтение арбузам и дыням. Давно уже известно, что лучшего баштана, чем в Березовке, нет на Полтавщине.

Ах, дыня! Ну с чем сравнишь ее запах, ее сладкий сок и розовую мякоть?!

Иван Гаврилович — человек несколько крутого характера. Както под Шепетовкой в жарком бою окружили беляки Ивана Кирилловича. С десятью дрался он один. Жеребец его хрипит,

сабля крошит, но рука уже слабеет. И вот тут вихрем налетел Иван Гаврилович — и, как груши, посыпались на землю головы беляков.

Но то было давным-давно. Теперь в тракторной бригаде ему не с кем воевать: хлопцев-трактористов он подобрал боевых. Бригаду называли «Иванов комсомольский батальон».

Иван Гаврилович — страстный садовник. У него на усадьбе есть особенные сливы-венгерки, привезенные из знаменитого села Мгары. Ах, что это за сливы! Кабы курортники-любители имели возможность их попробовать, они никогда не ездили бы в Сочи и Гагру. Не ездили бы на Южный берег Крыма, а ездили бы они на усадьбу Ивана Гавриловича. Это не слива — мечта! В ней собраны все запахи земли и солнца, все вкусы и радости жизни.

Бывало, приедут уполномоченные из района. Ну, понятно, первым делом — на баштан. А уже потом к Ивану Гавриловичу слив

поесть. И председатель облиз-полкома, если проезжает где-нибудь поблизости, обязательно заглядывает к Ивану Гавриловичу. Человек понимает толк в сливах!

Но вот так вышло, что ближайшие друзья, самые уважаемые в Березовке люди, поссорились. Поссорились жестоко, навсегда.

...Пышно цвела весна. А знаете, как она цветет в Березовке? У хат цветы пылают, как румянец на щеках у дивчат; расцветают луга, будто кто-то собрал со всего села все вышитые рушники, сорочки, запаски и расстелил их между вербами и яворами; хмель вырвался вверх на жердинку так прытко, что, если бы ему было за что зацепиться, до спутника достал бы.

Пышно цвела весна. Вышли в поле Иван Кириллович и Иван Гаврилович. Поглядели они на великий и тихий океан пшеницы, на кукурузные ручейки, на полове сахарной свеклы, и у обоих на душе стало радостно, точно перед свадьбой.

— Как красиво! — не вытерпел Иван Гаврилович, подмигивая степи и солнцу.

— А что это твои тракторы делают? — указал рукой под лесок Иван Кириллович.

— Пар культивируют.

— Я такой команды не давал, — произнес Иван Кириллович и сердито дернул себя за ус.

— А мне твоя команда не нужна, — не совсем спокойно ответил Иван Гаврилович, — у меня свой командир есть.

— Кто?

— Директор эмтээс.

— А чья земля?

— А чьи тракторы?

И пошло, и пошло... Иван Гаврилович, разумеется, согласился, что земля колхозная, но «хозяйничает на ней эмтээс».

— Э, нет! Я — председатель, я и хозяин. И командовать туточки никому не позволю, — ответил Иван Кириллович.

Иван Гаврилович почувствовал, что сейчас у него с уст слетит нечто тяжелое и крепкое, точно камень.

— Ты держись за землю, как цыганенок за чурку. А что та земля без техники? Пустое место! Кто пашет? Эмтээс! Кто сеет? Эмтээс! Кто убирает? Эмтээс! Так кто же является настоящим хозяином земли?

Что на это ответил Иван Кириллович, никто не слышал: рядом как раз проезжал трактор. Никто также не слышал, что ответил ему, в свою очередь, Иван Гаврилович. Люди только видели, что бывшие друзья разошлись в разные стороны. Шли они, шли. Остановились. Постояли. Подумали. Хотели было оглянуться... Нет, каждый пошел своей дорогой.

Но сердце не камень, а душа не наперсток. Вечером отлегло от сердца у председателя и угомонилась его душа. Пошел он к бригадиру тракторной бригады договориться, что завтра делать тракторам.

— Слушай, Иван, — начал миролюбиво Иван Кириллович, — пускай завтра тракторы на кукурузные междурядья. Влагу надо бы сохранить.

— Не было такого указания из эмтээс, — не подымая глаз, ответил Иван Гаврилович.

— Так я же даю тебе команду!

— Ты командуй лошадьми и волами, а тракторами — дудки-с! Ивану Гавриловичу следовало бы не так резко — и ссора кончи-

лась бы. Но иногда человек сам хочет, чтобы овод его укусил, — приятно все же вот так перед всеми гусаком пройти: глядите, мол, какой я бригадир, а вы и не знали.

Цвела весна. Дивчата и соловьи пели песни о любви, а в это время Иван Кириллович и Иван Гаврилович сидели в светлицах, склонившись над листами бумаги.

— Я его поджарю на сковородке, — дергал себя за ус Иван Кириллович, — я его так распишу, что он всю жизнь меня помнит будет!

И председатель написал первую строчку: «В редакцию районной газеты «Заря».

— Узнает он у меня, почему печеная редька! — произнес Иван Гаврилович. — Командовать ему захотелось! Я сам командир!

И его крепкие пальцы вывели первую строчку: «В редакцию районной газеты «Заря».

...Нигде так приветливо не встречают людей, как в отделах писем районных газет. Чубатый парнище, весь в веснушках, сидел у стола и горел на работе. Со всех сторон его сжимали бумаги — письма, заявления, книги с регистрацией входящих писем, книги с регистрацией исходящих писем, идущих на расследования, книги первичных напоминаний, книги повторных напоминаний и т. д.

Иван Кириллович, попав в кабинет горящего на работе юноши, подал ему письмо и с сожалением посмотрел на замурованного в бумаги парня. Он уже готов был забрать свое письмо обратно, но вежливость и благожелательность юноши превозмогли.

— Прошу подождать, я прочитаю.

Читал юноша быстро. Он глотал содержание пламенных слов, точно клубнику, едва разжевывая.

— М-да... Интересно. Очень интересно. Но без санкции редактора ничего определенного не скажу. А редактор на селе...

Едва только отъехала «Победа» председателя, как у крыльца редакции остановился «Москвич» бригадира.

Прочитав жалобу Ивана Гавриловича, юноша повторил те же слова. А Иван Гаврилович, покачивая головой, оставил кабинет.

Дабы не мариновать писем, юноша направил жалобу Ивана Кирилловича на рассмотрение руководства колхоза, а жалобу Ивана Гавриловича — на рассмотрение директора МТС.

Через несколько дней председатель колхоза получил из редакции свое письмо с требованием немедленно реагировать. Каким было это реагирование, никто в конторе хорошо не слышал, так как двери в кабинет председателя были плотно закрыты. Слышно было лишь далекое грохотание грома.

...Директор МТС Чирченко — человек тихий и уравновешенный. Он сам про себя говорит, что его рвут на куски. Рвет область, рвет район. Рвут семенная инспекция, пожарная инспекция, райколхозстрой, райпрокуратура. Желая как-то сохранить себя в целостности, Чирченко счел за благо уравновесить свой характер. Пускай рвут! Пусть сыплются искры гнева, лишь бы урожай был.

После получения письма из редакции Чирченко сказал Ивану Гавриловичу:

— Пишешь? Ну, пиши, пиши! Посмотрим, что будет. Писатель! Так печально окончили свой путь обе жалобы. Но первая неудача только на некоторое время обескуражила председателя и бригадира. Твердая вера, что на свете существует справедливость, заставила их действовать в том же направлении.

Иван Кириллович писал о бригадире, что тот неправильно использует технику: ему лишь бы план по мягкой вспашке выполнить.

Иван Гаврилович доказывал, что председатель — антимеханизатор, так как удобрения вывозит в поле лошадьми и волами.

Много, ох, еще много жалоб написали бы эти почтенные люди друг на друга, да времени у них не хватало...

Прошли годы. Богател колхоз,

прибывала техника в бригаду. Постарели, поседели Иван Кириллович и Иван Гаврилович. А давно ведь известно, что старому поссориться — все равно, что малому заплакать. Да все уже к их ссорам так привыкли, что не придавали им никакого значения. Попробовали разобраться — и получалось: если так посмотреть, правда на стороне Ивана Кирилловича, а если посмотреть иначе, то она, правда-то, на стороне Ивана Гавриловича.

Неизвестно, сколько бы еще продолжались их ссоры, но однажды утром почтальон принес газету. Сначала прочитал ее председатель. Прочитал и весело улыбулся. Потом газету прочитал бригадир. Прочитал и понял: теперь всем раздорам приходит конец. В газете писалось о реорганизации МТС.

лю. — Вишневка есть у меня. Такая...

— А что ж, зайду, — ответил Иван Гаврилович, переводя взгляд с земли на небо. — А может, ты ко мне заглянешь? Пирог с маком жинка напекла.

Давно, ох, давно не был бригадир в гостях у председателя! Возможно, и вишневка та из-за этого уже застоялась. Но вишневка могла бы подождать еще. Пусть себе крепнет! Не о ней думал Иван Кириллович, приглашая гостя. Да и гость, направляясь в светлицу соседа, тоже о другом думал.

Председатель имел в виду выяснить, что собирается делать бригадир и не пойдет ли он в колхоз механиком. Председатель уже слышал, что Ивану Гавриловичу такое сделали предложение соседи. Только просить председа-

тель не будет. Пускай сам попросится.

И Иван Гаврилович тоже думал не о вишневке. Не бросит он родной колхоз. Сколько труда и силы отдано этой земле! Сколько дум передумано! Куда же он пойдет из села своего? Но что бы там ни было, проситься на работу он не будет...

Говорить начали о том, что в Суле в этом году рыбы что-то в обрез...

Ох, и характеры у обоих! Ох, и повадки! Но даже если коса на камень найдет, что-то поддастся — либо коса пощербится, либо камень треснет. А тут ни камню косу одолеть, ни косе одолеть камня.

Но вдруг неожиданно для себя Иван Кириллович произнес:

— Завтра выходи на работу. Нужно технику от эмтэс принимать.

Иван Гаврилович разгладил усы и произнес:

— Сам знаю.

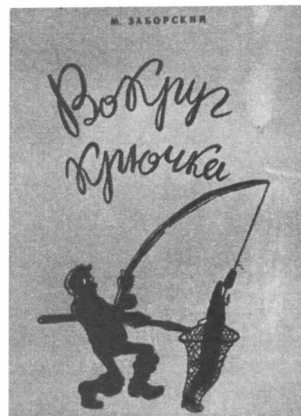
...Не так давно пришлось мне снова побывать в Березовке. День был светлый, веселый. Уже и колос налила пшеница, и какой колос! Из каждого такого колоска пирожок можно испечь. А ячмень! Вы бы посмотрели, как он выставил рыжие усы! Не иначе, как думает, что он тут, на поле, самый главный. А овес какой! Ну каждый колосок, будто звоночек! Уже поспел он, уже и постарел, а до сих пор с ветром развлекается, шалун такой! А кукурузу вы когда-нибудь такую видели?! Нет, это не кукуруза, это лес. Чаща!

Вот тут, у кукурузы, и встретил я Ивана Кирилловича и Ивана Гавриловича. Оба они веселые, бодрые, улыбающиеся.

— Ну, как поживаете? — спросил я. — Снова жалобу друг на друга пишете или уже хватит?

В ответ оба рассмеялись. Нет, теперь они жалоб не пишут. Слишком важные у них теперь дела! Я подумал: хорошо и весело жить на свете в наше время...

Перевел с украинского
Е. ВЕСЕНИН.

ВЕСЕЛАЯ КНИЖКА

«Охотников до ужения много на Руси», — писал С. Т. Аксаков, автор «Записок об ужении рыбы» — первой русской книги о рыбной ловле. Великое племя «рыбачков» насчитывает теперь в нашей стране миллионы энтузиастов. Конечно, ветераны этого увлекательного спорта предпочитают всем пособиям собственный опыт, а из литературы, кроме Аксакова, признают тысячеязычный том «Рыбы России» Сабанеева. Но для рыболовов-новичков издано немало современных полезных руководств, в том числе книжки Михаила Заборского «Календарь молодого рыболова» и «Советы молодым рыболовам».

Новая книга М. Заборского — сборник юмористических рассказов «Вокруг крючка» (издательство «Советская Россия») — позволила автору еще в большей мере проявить свои литературные способности в нелегком жанре юмора и сатиры.

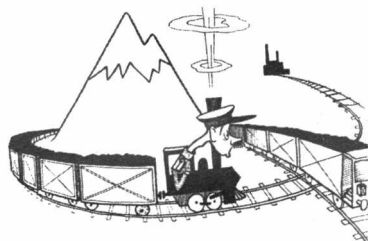
В первом разделе книги, «И вот что характерно», собраны занимательные истории, приключившиеся на рыбалке. В рассказе «Конец «Берточки» (надувной резиновой лодки «иноземного происхождения») смешно повествуется о том, как был посрамлен один из «принципиальных» поклонников «импорта». Герою новеллы «Двадцать два несчастья» анекдотически не везло с рыбалкой, и все же один раз благодаря любопытному случаю он испытывает радость фантастической удачи. В рассказе «И вот что характерно» и в некоторых других раскрывается образ настоящего, неумного любителя рыболовного спорта...

Рассказы второй части сборника, «Приключения дедушки Стулова», объединены центральной фигурой героя. Юмор этого раздела более злой, здесь немало острых сатирических ситуаций.

Книга иллюстрирована забавными рисунками художника Е. Ведерникова.

Н. СЕКУНДОВ

Из почты «Огонька»

СЛИШКОМ ДЛИННЫЙ
СОСТАВ

Изошутка студентов Уральского политехнического института Д. Дуковского и В. Перлякова.

Глава третья, в которой рассказывается о главном

Нет, что вы там ни говорите, а придется вам все же приехать в Березовку. Чудесное село! Дома в нем новенькие, построенные по типовым проектам, и быстрокрылые ласточки лепят теперь свои гнезда не под неуклюжими камышовыми и соломенными стрелами, а с краю белой черепицы. Тыны тоже, по старинному типовому проекту, построены из ивняка, а на кольях сушатся кринки для молока и горшочки для ряжанки.

А что на тех дворах! У хат георгины, дудочки и петушки, а поодаль сирень и калина. Еще дальше — сад вишнево-яблоневый; чуть в стороне за камышовым заборчиком — пасека. На клуне — аист. Его обязанность — охранять жилье от пожара и развлекать хозяев веселым клекотом.

Такие усадьбы у Ивана Кирилловича и у Ивана Гавриловича. Через тын яблоня со двора Ивана Кирилловича протянула свои ветки на двор Ивана Гавриловича, а груша из усадьбы Ивана

Гавриловича перебросила ветки на двор Ивана Кирилловича. Случается, что желтопузые дыни перелезают от соседа к соседу да и гостят там до осени.

Нет, нет, я сейчас положу перо и больше не буду писать о красоте Березовки. Возьмите и сами сюда загляните. Собственными глазами убедитесь, как прекрасна наша Полтавщина!..

Прошла неделя с того дня, как прибыла в село газета с новостью, и встретились у тына, разделяющего дворы, Иван Кириллович и Иван Гаврилович.

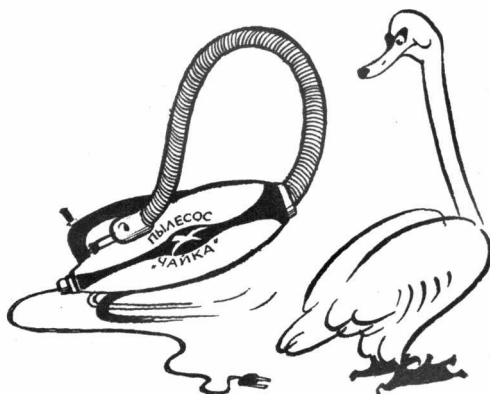
— Ну, как? — спросил Иван Кириллович, поглядывая в небо так пристально, будто в ту минуту там должен был выйти на орбиту новый спутник.

— Да помаленьку, — отвечает Иван Гаврилович, уставившись в землю так пристально, будто на том месте, где он стоял, тотчас же вырастет гибридная многоколосная пшеница.

— Может, зайдешь в хату? — спросил Иван Кириллович, переводя взгляд с неба на зем-

В кино.

«Какая же это чайка! Это лебедь!»

Семейный дуэт.

Из почты «Огонька»

ЮМОР В СКУЛЬПТУРЕ

Я учусь на скульптурном факультете Академии художеств Латвийской ССР. В этом году кончаю академию и сейчас работаю над дипломом. В свободное время я леплю скульптурные юморески. Самому мне, конечно, трудно решить, смешно ли это.

Раз..

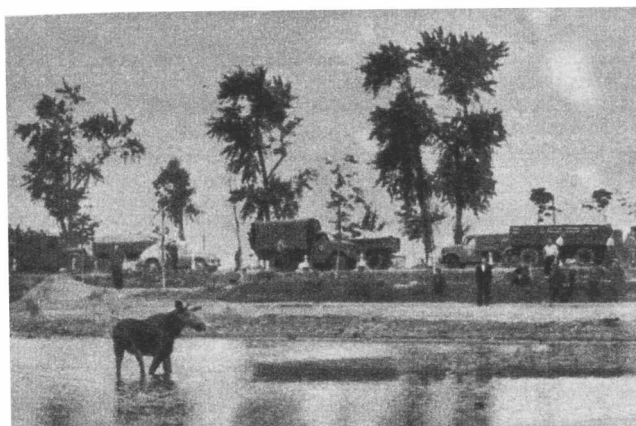
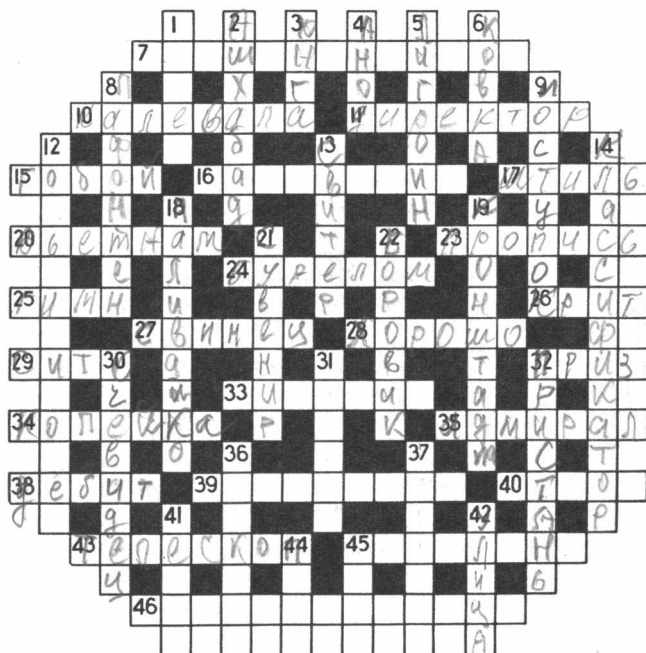

Два...

Три...

На вкладках этого номера четыре страницы репродукций картин А. Орловского и Г. Вашинджана и четыре страницы цветных фотографий.

НАРУШИТЕЛЬ ДВИЖЕНИЯ

В подмосковном городе Перове на шоссе образовался затор. Причина не совсем обычная: шоферы останавливались посмотреть на лося, который забрел в город и с перепугу забрался в большую лужу, где, по-видимому, чувствовал себя недостижимым.

Ю. КРИВОНОСОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Русский путешественник и исследователь XVIII века. 10. Карельский эпос. 11. Руководитель учреждения. 15. Духовой инструмент. 16. Декабрист. 17. Затишье на море. 20. Демократическая республика. 23. Образцы написания букв. 24. Лес, поваленный бурей. 25. Торжественная песня. 26. Остров в Средиземном море. 27. Металл. 28. Поэма В. В. Маяковского. 29. Приспособление для просеивания муки. 32. Награда в соревновании. 33. Фарфор, не покрытый глазурью. 34. Мелкая монета. 35. Воинское звание. 38. Бухгалтерский термин. 39. Повесть Л. Н. Толстого. 40. Польский скульптор XV—XVI веков. 43. Астрономический прибор. 45. Женское имя. 46. Пьеса А. Н. Островского.

По вертикали:

1. Письменное предписание, распоряжение. 2. Столица союзной республики. 3. Младший матрос. 4. Один из электродов. 5. Жидкий нефтепродукт. 6. Горячая обработка металлов. 8. Французский баснописец. 9. Совершенное действие. 12. Вид гимнастических упражнений. 13. Вязаная фуфайка. 14. Аппарат для сортировки измелченной руды, угля. 18. Руководитель казачьего восстания против шляхты в конце XVI века. 19. Город на острове Котлин. 21. Предмет, сохраняемый на память. 22. Гриб. 30. Свидетель. 31. Голландский мыслитель XVII века. 32. Сооружение для причала судов. 36. Походка. 37. Населенный пункт. 41. Волгарский поэт и публицист. 42. Пространство между рядами домов. 44. Растение, содержащее эфирное масло. 45. Представитель населения Западной Грузии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30

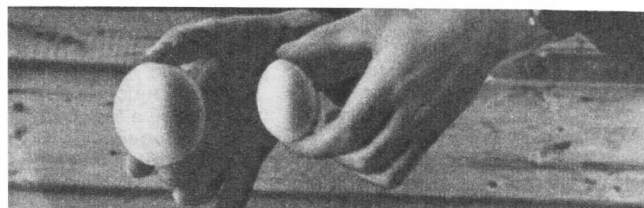
По горизонтали:

7. Ракитина. 8. Святогор. 9. Фаянс. 10. Бекас. 11. Шипка. 14. Нагульнов. 17. Клинтух. 18. «Кочегар». 19. Морозка. 21. Полуось. 25. Энгелитика. 28. Выгон. 29. «Успех». 30. Белый. 31. Диковина. 32. Крыжачок.

По вертикали:

1. Гамадрил. 2. Вишня. 3. Камерун. 4. Асфальт. 5. Ролик. 6. Восковка. 12. «Бабушкино». 13. Коробочка. 15. Инкоу. 16. Петух. 20. Открытие. 22. Салтыков. 23. Гласная. 24. Отметка. 26. Колок. 27. Лепар.

РЕДКОЕ КУРИНОЕ ЯЙЦО

В птицеводстве «Скворицы», Ленинградской области, несушка снесла яйцо весом в 150 граммов. Естественно, это редкое явление заинтересовало зоотехников. Осторожно пинцетом в скорлупе проделали отверстие — в блюдце вытек чистый белок. Желтка не оказалось. Однако яйцо по-прежнему было тяжелым. К удивлению всех, в яйце оказалось еще одно яйцо — с твердой скорлупой, с белком и желтком. Весило оно 62 грамма. Чтобы наглядно представить размер редкого куриного яйца, я сфотографировал его рядом с обычным.

К. ПЕТРОВ

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05493. Подписано к печати 23/VI 1958 г.

Формат бум. 70×108/16.

2,5 бум. л.—6,85 печ. л.

Тираж 1 400 000. Изд. № 640. Заказ № 1693.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

ПЕРВЫЕ ШАГИ.

Фото С. КОСЫРЕВА
С выставки фотоискусства СССР.

Цена номера 3 руб.

